

П 9019
а

280

MANIFESTE DU PARTI COMMUNISTE

par Karl MARX et Fr. ENGELS

14-Томски
11.2.1900
МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО, СЪ ПРЕДСЛОВІЕМЪ Г. ПЛЕХАНОВА

ИЗДАНИЕ

Революціонной Организаци „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ“

ЖЕНЕВА

Типографія революціонной организаци „Соціалъдемократъ“

1900

99.10

I. БИБЛИОТЕКА СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛИЗМА

ПЕРВАЯ СЕРІЯ

ФР. С.

1. Г. Плехановъ. Соціализмъ и политическая борьба	—
(Разошлось)	
2. Фр. Энгельсъ. Развитие научнаго социализма. (Второе издание. Разошлось)	—
3. Г. Плехановъ. Наши разногласія. (Разошлось)	—
4. Карль Марксъ. Рѣчь о свободѣ торговли. (Разошлось)	—
5. Карль Марксъ. Нищета философіи	3.75
6. Г. Плехановъ. Фердинандъ Лассаль. (Разошлось)	—
7. Чего хотятъ социалдемократы? (Разошлось)	—
8. В. И. Засуличъ. Очеркъ исторіи Международнаго Общества Рабочихъ. (Разошлось)	—
9. Г. Плехановъ. Новый защитникъ самодержавія или горе г. Тихомірова. (Разошлось)	—
10. Г. Плехановъ. Задачи социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи.	1.—

ВТОРАЯ СЕРІЯ

1. Фридрихъ Энгельсъ. Людвигъ Фейербахъ. (Разошлось)	—
2. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи.	1.—
3. К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Манифестъ Коммунистической Партіи, съ предисловіемъ Г. Плеханова.	1.50

II. РАБОЧАЯ БИБЛИОТЕКА

1. П. Аксельродъ. Рабочее движеніе и социальная демократія. (Разошлось)	—30
2. С. Дикштейнъ. Кто чѣмъ живетъ. (Второе издание)	—15
3. Рѣчь П. А. Алексѣева	—15
4. В. И. Засуличъ. Варлець передъ судомъ исправительной полиціи	—15
5. Г. Плехановъ: Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. (Разошлось)	—
6. Первое мая и адресъ петербургскихъ рабочихъ Шелгунову, съ предисловіемъ Г. Плеханова. (Разошлось)	—
7. П. Аксельродъ. Задачи рабочей интеллигенціи	—50
8. Рабочій день, передѣлка съ польскаго. (Разошлось)	—50
9. Д. Кольцовъ. Машина	—

Социалдемократъ, сборникъ. (Разошлось) —

Социалдемократъ, литературно-политическое обозрѣніе, кн. I фр. 5.—, кн. II фр. 4.—, кн. III фр. 4.—, кн. IV 5.—

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО, СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Г. ПЛЕХАНОВА

ИЗДАНИЕ

Революціонной Организациі „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ“

ЖЕНЕВА

Типографія революціонной организациі „СОЦІАЛЬДЕМОКРАТЪ“

1900

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ИЗДАНІЮ 1882 ГОДА.

Имена Карла Маркса и Фридриха Энгельса пользуются у насъ такою громкою и почетною извѣстностью, что говорить о научныхъ достоинствахъ „Манифеста Коммунистической Партіи“ значитъ повторять всѣмъ извѣстную истину. Въмѣстѣ съ другими сочиненіями его авторовъ „Манифестъ“ началъ новую эпоху въ исторіи социалистической и экономической литературы — эпоху безошадной критики современныхъ отношеній труда къ капиталу и чуждаго всякихъ утопій, научнаго обоснованія социализма. Едва ли нужно, поэтому, объяснять мотивы, побудившіе „Русскую Соціально-Революціонную Библіотеку“ издать „Манифестъ“ на русскомъ языкѣ. Достаточно сказать, что вышедшій въ шестидесятыхъ годахъ русскій переводъ его представляетъ собою теперь библиографическую рѣдкость въ полномъ смыслѣ этого слова. Кромѣ того, въ переводъ этотъ закралось, какъ намъ кажется, нѣсколько неточностей, мѣшавшихъ правильному пониманію мыслей авторовъ. Мы рѣшились сдѣлать новый переводъ этого великаго, хотя и не объемистаго произведенія, которое разошлось въ огромномъ количествѣ экземпляровъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, и несомнѣнно получило бы еще большее распространеніе, если бы образованные представители господствующихъ классовъ продолжали интересоваться наукой даже въ томъ случаѣ, когда выводы ея противорѣчатъ ихъ интересамъ и предразсудкамъ.

Намъ казалось, что изданіе русскаго перевода „Манифеста Коммунистической Партіи“ не только полезно, но и необходимо теперь, когда русское социалистическое движеніе окончательно уже выступило на путь открытой борьбы съ абсолютизмомъ, и вопросъ о значеніи и задачахъ политической дѣятельности нашей партіи становится жгучимъ практическимъ вопросомъ. Взаимная зависимость и связь политическихъ и экономическихъ интересовъ трудящихся указаны въ „Манифестѣ“ съ полною ясностью. Авторы его сочувствуютъ „всякому революціонному движенію противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній“. Но, отстаивая ближайшія, непосредственныя цѣли всякаго революціоннаго движенія, они въ то же время не упускаютъ изъ виду его „будущности“. Поэтому „Манифестъ“ можетъ предостеречь русскихъ социалистовъ отъ двухъ одинаково печальныхъ крайностей: отрицательнаго отношенія къ политической дѣятельности съ одной стороны, и забвенія будущихъ интересовъ партіи — съ другой. Люди, склонные къ первой изъ упомянутыхъ крайностей, убѣдятся въ томъ, что „всякая

классовая борьба есть борьба политическая, и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значить косвенным образом его поддерживать. Съ другой стороны, „Манifestъ“ показываетъ, что усильхъ борьбы каждаго класса вообще, а рабочаго въ особенности зависитъ отъ объединения этого класса и яснаго сознанія имъ своихъ экономическихъ интересовъ. Отъ организаціи рабочаго класса и непрестаннаго выясненія ему враждебной противоположности его интересовъ съ интересами господствующихъ классовъ зависитъ будущность нашего движенія, которую, разумѣется, невозможно принести въ жертву интересамъ данной минуты.

Основанія этой организаціи рабочаго класса могутъ быть заложены уже въ настоящее время. Русское социалистическое движеніе не ограничивается уже предѣлами того слоя, который принято называть учащеюся молодежью, мыслящимъ пролетариатомъ и т. п. Рабочіе нашихъ промышленныхъ центровъ, въ свою очередь, начинаютъ „мыслить“ и стремиться къ своему освобожденію. Несмотря на всѣ преслѣдованія правительства, тайныя социалистическія организаціи рабочихъ не только не разрушаются, но принимаютъ все болѣе широкіе размѣры. Въмѣстѣ съ этимъ расширяется социалистическая пропаганда, растетъ спросъ на популярныя брошюры, издающія основныя положенія социализма. Было бы очень желательно, чтобы имѣющая возникнуть русская рабочая литература поставила себѣ задачей популяризацію ученій Маркса и Энгельса, минуя окольные пути болѣе или менѣе искаженнаго прудонизма.

Правда, у насъ до сихъ поръ еще довольно сильно распространено убѣжденіе въ томъ, что задачи русскихъ социалистовъ существенно отличаются отъ задачъ ихъ западно-европейскихъ товарищей. Но не говоря уже о томъ, что окончательная цѣль должна быть одинакова для социалистовъ всѣхъ странъ, рациональное отношеніе нашихъ социалистовъ къ особенностямъ русскаго экономическаго строя возможно лишь при правильномъ пониманіи западно-европейскаго общественнаго развитія. Сочиненія же Маркса и Энгельса представляютъ собою незамѣнимый источникъ для изученія общественныхъ отношеній Запада.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о „приложеніяхъ“, помѣщенныхъ нами въ концѣ книги. Въ своемъ предисловіи къ нѣмецкому изданію 1872 г. авторы „Манifestа“ указываютъ на опытѣ Парижской Коммуны, „показавшей, что рабочій классъ не можетъ просто овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей“. При этомъ они ссылаются на брошюру „Гражданская война во Франціи“, въ которой вопросъ о развитіи и значеніи современной государственной власти разсматривается подробно. Въ виду того, что русское изданіе этой брошюры теперь уже совершенно разошлось, мы рѣшили при-

ложить къ „Манifestу“ переводъ указаннаго авторами мѣста изъ „Гражданской войны во Франціи“. Что касается Устава Международнаго Товарищества Рабочихъ, то мы считали его интереснымъ дополненіемъ къ „Манifestу“ потому, что это знаменитое Товарищество представляетъ собою въ высшей степени плодотворный опытъ международной организаціи рабочаго класса на началахъ, впервые развитыхъ въ „Манifestѣ Коммунистической Партіи“. Несмотря на непродолжительность своего существованія, Международное Товарищество Рабочихъ сдѣлало свое дѣло, скрѣпивши „братскими узами солидарности“ социалистическія партіи всего міра.

Г. Плехановъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРОВЪ

къ нѣмецкому изданію 1872 года.

„Союзъ Коммунистовъ“, международная рабочая организація, которая при тогдашнихъ обстоятельствахъ разумѣется, могла быть только тайной, поручила нижеподписавшимся на Лондонскомъ конгрессѣ въ ноябрѣ 1847 г. написать подробную, предназначенную для опубликованія, теоретическую и практическую программу партіи. Такимъ образомъ появился слѣдующій ниже манифестъ, рукопись котораго была отправлена въ Лондонъ для напечатанія за нѣсколько недѣль до февральской революціи. Опубликованный сначала по нѣмецки, онъ выдержалъ на этомъ языкѣ, по меньшей мѣрѣ двѣнадцать различныхъ изданій въ Германіи, Англіи и Америкѣ. На англійскомъ языкѣ онъ появился сначала въ 1850 г. въ лондонскомъ Red Republican, въ переводѣ миссъ Елены Макферланъ (Makferlane), и затѣмъ въ 1871 г. по меньшей мѣрѣ въ трехъ различныхъ переводахъ въ Америкѣ. На французскомъ языкѣ онъ появился въ первый разъ въ Парижѣ, незадолго до іюнскаго возстанія 1848 г., потомъ въ нью-іоркскомъ изданіи Le Socialiste. Теперь готовится новый переводъ. По польски онъ былъ напечатанъ вскорѣ послѣ перваго нѣмецкаго изданія. По русски — въ шести-

десятихъ годахъ въ Женевѣ. Датскій переводъ вышелъ въ свѣтъ тоже вскорѣ послѣ его появленія.

Хотя общественныя отношенія очень сильно измѣнились въ теченіе послѣдняго 25-лѣтія, но развитія въ этомъ Манифестѣ общія положенія, въ цѣломъ, сохранили все свое значеніе и по настоящее время.

Нѣкоторыя же частности нуждались бы въ поправкахъ.

Практическое примѣненіе этихъ общихъ положеній, какъ гласитъ самъ Манифестъ, должно всегда и вездѣ находиться въ зависимости отъ исторически-сложившихся обстоятельствъ. Поэтому не нужно придавать исключительнаго значенія предлагаемыхъ въ концѣ второй главы революціоннымъ мѣрамъ. Это мѣсто слѣдовало бы въ настоящее время измѣнить во многихъ отношеніяхъ. Въ виду громаднаго развитія крупной промышленности въ послѣднее двадцатипятилѣтіе и связанныхъ съ нимъ успѣховъ организаціи рабочаго сословія въ особую партію; въ виду практическаго опыта, во-первыхъ, февральской революціи и еще болѣе парижской коммуны, гдѣ въ первый разъ политическая власть была, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, въ рукахъ пролетаріата, — упомянутая практическая программа мѣстами уже устарѣла. Именно парижская коммуна доказала, что „рабочій классъ не можетъ овладѣть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своихъ собственныхъ цѣлей“. (См. „Гражданскую войну во Франціи“, отчетъ Генеральнаго Совѣта Международнаго Товарищества Рабочихъ, стр. 19 нѣмецкаго изд., гдѣ это развито подробнѣе).¹⁾ Далѣе, само собою разумѣется, что критика социалистической литературы неполна для настоящаго времени, такъ какъ она доходитъ лишь до 1847 года.

Точно также и замѣчанія объ отношеніи коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ (глава IV), и теперь еще вѣрныя въ общемъ, въ подробностяхъ своихъ уже потому оказываются устарѣвшими, что политическія отношенія теперь совершенно измѣнились, и большая часть перечисленныхъ тамъ партій самими хо-

¹⁾ См. приложеніе I.

домъ историческаго развитія устранена съ общественной арены.

Но Манифестъ представляетъ собою историческій документъ, измѣнять который мы не считаемъ уже себя въ правѣ. Быть можетъ, къ слѣдующему изданію его будетъ прибавлено введеніе, обнимающее промежутокъ отъ 1847 года до настоящаго времени. На этотъ разъ изданіе его было предпринято слишкомъ неожиданно для насъ, чтобы мы могли имѣть необходимое для этого время.

Карлъ Марксъ. Фридрихъ Энгельсъ.

Лондонъ, 24-го іюня 1872 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ нѣмецкому изданію 1883 года.

Предисловіе къ предлагаемому изданію должно быть, къ сожалѣнію, подписано однимъ мною. Марксъ, — человѣкъ, которому рабочее движеніе Европы и Америки обязано болѣе, чѣмъ всякому другому, — покоится на Хайгэтскомъ кладбищѣ, и его могила уже поросла первой травой. Со времени его смерти совсѣмъ уже не можетъ быть рѣчи о передѣлкѣ или о пополненіи Манифеста. Но за то я считаю тѣмъ болѣе необходимымъ еще разъ рѣшительно высказать здѣсь слѣдующее.

Основная мысль, пропитывающая собою весь Манифестъ, та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обуславливаемое имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовой борьбы, т. е. борьбы между эксплуатируемыми и эксплуатирующими, подчиненными и господствующими классами на различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія; но что эта борьба достигла той ступени, на ко-

торой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) не можетъ освободить себя отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи), не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу.

Я уже не однажды высказывалъ это; но именно теперь необходимо предпослать такое заявленіе Манifestу.

Лондонъ, 28-го іюня 1888 г.

Фридрихъ Энгельсъ

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ нѣмецкому изданію 1890 года.

Въ 1882 г. вышло въ Женевѣ второе русское изданіе Манifestа въ переводѣ Вѣры Засуличъ.²⁾ Предисловіе къ этому изданію написано было Марксомъ и мною. Вотъ оно.

„Первое русское изданіе „Манifestа Коммунистической Партіи“, въ переводѣ Бакунина, было напечатано въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ типографіи „Колокола“. Въ то время русское изданіе Манifestа могло казаться не болѣе, какъ литературнымъ курьезомъ. Въ настоящее время такой взглядъ былъ бы невозможенъ. До какой степени ограниченную область распространенія имѣло въ періодъ перваго появленія Манifestа (декабрь 1847 г.) движеніе пролетаріата, лучше всего показываетъ его послѣдняя глава: „Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиционнымъ партіямъ въ различныхъ странахъ“. Въ ней недостаетъ именно Россіи и Соединенныхъ Штатовъ. Это было время, когда Россія являлась послѣднимъ большимъ резервомъ

²⁾ Это — ошибка или, вѣрнѣе, описка, такъ какъ Энгельсъ зналъ, что переводъ сдѣланъ мною.

Г. Плехановъ.

европейской реакціи. Эмиграція въ Соединенные Штаты поглощала излишекъ силъ европейскаго пролетаріата. Обѣ эти страны снабжали Европу сырьемъ и служили въ то же время рынкомъ для сбыта ея промышленныхъ произведеній. Обѣ онѣ являлись, слѣдовательно, такъ или иначе оплотомъ общественнаго строя Европы.

„До какой степени измѣнилось это теперь! Именно европейская эмиграція способствовала колоссальному развитію въ Сѣверной Америкѣ земледѣлія, которое, своей конкуренціей, колеблетъ крупное и мелкое европейское землевладѣніе въ самыхъ его основаніяхъ. Она дала, кромѣ того, Соединеннымъ Штатамъ возможность взяться за эксплуатацію ихъ богатыхъ источниковъ промышленнаго развитія въ такихъ размѣрахъ и съ такой энергіей, которые въ короткое время должны положить конецъ промышленной монополіи Западной Европы. Оба эти обстоятельства воздѣйствуютъ въ революціонномъ смыслѣ и на Америку. Мелкая и средняя поземельная собственность фермеровъ, основа всего ея политическаго строя, побѣждается мало по малу конкуренціей громаднхъ фермъ; въ то же время въ промышленныхъ округахъ впервые развивается многочисленный пролетаріатъ и баснословная концентрація капиталовъ.

„Перейдемъ къ Россіи. Въ періодъ революціи 1848-1849 г. не только европейскіе монархи, но и европейскіе буржуа находили въ русскомъ вмѣшательствѣ единственное спасеніе противъ только-что собравшагося съ силами пролетаріата. Царя провозгласили главою европейской реакціи. Теперь онъ — содержащійся въ Гатчинѣ военнопленннй революціи, и Россія представляетъ собою передовую отрядъ революціоннаго движенія въ Европѣ.

„Задачей „Коммунистическаго Манifestа“ было провозгласить неизбежно предстоящее разложеніе современной буржуазной собственности. Но рядомъ съ быстро развивающейся капиталистической горячкой и только образующейся буржуазной поземельной собственностью мы находимъ въ Россіи большую половину земли въ общинномъ владѣніи крестьянъ.

„Спрашивается: можетъ-ли русская община — эта,

правда, сильно уже разрушенная форма первобытного коллективного владения землею — непосредственно перейти в высшую, коммунистическую форму землевладения? Или, напротив, она должна пройти сначала тот же процесс разложения, который определил собою историческое развитие Запада?

„Единственный, возможный в настоящее время, ответ на этот вопрос заключается в следующем: Если русская революция послужит сигналом рабочей революции на Западе, так что об этом дополняют одна другую, то современное русское землевладение может явиться исходным пунктом коммунистического развития.

„Лондонъ, 21-го января 1882 г.

Карль Марксъ. Фридрихъ Энгельсъ.,

Около того же времени вышел в Женеве новый польский перевод: Manifest Kommuuistyczny.

Затем появился новый датский перевод в „Social-demokratisk Bibliothek, Kjöbenhavn 1885“. К сожалению, он не полон; переводчик выпустил некоторые места, повидному, не сумев справиться с ними; в других местах заметны следы некоторой торопливости, и это производит тем более неприятное впечатление, чем яснее видно по остальным частям перевода, что при более внимательном отношении переводчик мог бы хорошо выполнить свою задачу.

В 1886 году вышел новый французский перевод в парижской газете „Le Socialiste“. Он лучше всех прежних.

После него в том же году напечатан был, сначала в мадридской газете „El Socialista“, а потом отдельной брошюрой, испанский перевод: „Manifesto del Partido Comunista por Carlos Marx y F. Engels, Madrid, Administracion de El Socialista, Hernan Cortes 8.“

Ради курьеза упомянем еще о том, что в 1887 г. одному константинопольскому издателю была предложена рукопись армянского перевода Манифеста; но этот добряк не решился напечатать произведение, носившее имя Маркса, и посоветовал переводчику выдать самого себя за автора „Манифеста“. Тот на это не согласился.

В Англии не раз перепечатывали разные более или менее неточные американские переводы Манифеста. В 1888 году здесь вышел, наконец, точный перевод, сделанный моим другом Самуилом Муром и перед напечатанием еще раз пересмотренный нами обоими. Он называется: „Manifesto of the Communist Party, by Karl Marx and Frederick Engels. Authorized English Translation. Edited and annotated by Frederick Engels. 1888. London, William Reeves, 185 Fleet st. E. C.“ В настоящее издание³⁾ вошли некоторые из сделанных мною там примечаний.

Манифест имел свою судьбу. При своем появлении он был с восторгом встречен передовым отрядом сторонников научного социализма, как это доказывают упомянутые в первом издании переводы его на другие языки. Но вскоре затем он был отнесен реакцией, начавшейся вслед за поражением парижских работников в июне 1848 г., и объявлен вне закона после осуждения кельнских коммунистов в ноябре 1852 г. Когда исчезло с общественной арены рабочее движение, начавшееся вслед за февральской революцией, Манифест также отошел на задний план.

Когда европейский рабочий класс снова достаточно окреп для нового похода против господствующих классов, возникло „Международное Товарищество Рабочих“. Его целью было объединение в одно большое войско всех, могущих идти в бой сил рабочего класса Европы и Америки. Поэтому оно не могло взять за точку исхода принципы, изложенные в „Манифесте“. Оно должно было иметь такую программу, которая не затворила бы двери перед английскими тредс-юнионами, французскими, бельгийскими, итальянскими и испанскими прудонистами и немецкими лассальянцами⁴⁾. Такая

³⁾ Г. е. немецкое издание 1890 г.

⁴⁾ В сношениях с нами Лассаль признавал себя „учеником“ Маркса и, в качестве такового, стоял, разумеется, на почве Манифеста. Иначе обстояло дело с теми из его последователей, которые не шли дальше требования производительных товариществ с государственным кредитом и которые подразделяли весь рабочий класс на сторонников самопомощи и сторонников помощи от государства.

программа — введение къ уставу Интернаціонала — написана была Марксомъ съ мастерствомъ, которому отдавали справедливость даже Бакунинъ и анархисты. Марксъ былъ вполне увѣренъ, что умственное развитіе рабочаго класса, которое должно было явиться неизбѣжнымъ плодомъ совместнаго дѣйствія и обсуждения, было вполне достаточно ручательствомъ за полную побѣду въ будущемъ положеніи, высказанныхъ въ „Манифестѣ“. Событія и перипетія борьбы съ капиталомъ, побѣды, а еще болѣе пораженія непремѣнно должны были обнаружить передъ борющимися полную недостаточность тѣхъ панаций, которыхъ они придерживались, и сдѣлать ихъ головы болѣе доступными для основательнаго пониманія истинныхъ условий эмансипаціи рабочихъ. И Марксъ былъ правъ. Въ 1874 г., во время разложенія Интернаціонала, рабочій классъ былъ совсѣмъ не тотъ, какимъ онъ былъ въ 1864 г., при основаніи этого общества. Прудонизмъ въ романскихъ странахъ и специфическое лассальянство въ Германіи находились при послѣднемъ издыханіи, и даже тогдашніе, коснѣвшіе въ консерватизмѣ тредъ-юніоны постепенно пришли къ тому, что въ 1887 г. предѣдатель ихъ конгресса въ Суонси могъ сказать отъ ихъ имени: „континентальный социализмъ пересталъ быть страшнымъ для насъ.“ Но въ 1887 г. континентальнымъ социализмомъ“ была почти исключительно теорія, изложенная въ Манифестѣ. Такимъ образомъ, на исторіи Манифеста до извѣстной степени отражается исторія рабочаго движенія послѣ 1848 г. Въ настоящее время онъ несомнѣнно представляетъ собою наиболѣе распространенное и наиболѣе международное произведеніе во всей социалистической литературѣ, общую программу многихъ милліоновъ рабочихъ всѣхъ странъ, отъ Сибири до Калифорніи.

И однако, во время его появленія мы не могли назвать его *социалистическимъ манифестомъ*. Въ 1847 г. социалистами назывались два разряда людей. Съ одной стороны, приверженцы различныхъ утопическихъ системъ и особенно оуэнисты въ Англіи и фурьеристы во Франціи, при чемъ и тѣ, и другіе выродились тогда въ простыя, постепенно вымиравшія секты. Съ другой стороны, къ социалистамъ принадлежали тогда всякіе со-

ціальные прожектеры, которые различными панациями и всевозможными заплатами стремились устранить общественныя бѣдствія, не причинивъ ни малѣйшаго неудобства ни капиталу, ни прибыли. Въ обоихъ случаяхъ это были люди, стоявшіе внѣ рабочаго движенія и искавшіе поддержки скорѣе у „образованныхъ“ классовъ. Напротивъ, та часть рабочаго класса, которая, убѣдившись въ недостаточности простыхъ политическихъ переворотовъ, требовала кореннаго переустройства общества, называла себя тогда *коммунистической*. Это былъ мало продуманный, инстинктивный, подчасъ грубоватый коммунизмъ; но онъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы породить двѣ системы утопическаго коммунизма: во Франціи „икарійскій“ коммунизмъ Кабэ, въ Германіи коммунизмъ Вейтлинга. Социализмомъ называлось въ 1847 г. буржуазное движеніе, коммунизмомъ движеніе рабочихъ. Для социализма, по крайней мѣрѣ на континентѣ, были открыты двери салоновъ, передъ коммунизмомъ онѣ были крѣпко заперты. А такъ какъ мы уже тогда твердо держались того убѣжденія, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“, то мы не могли ни на минуту колебаться относительно того, какое изъ этихъ двухъ названій намъ слѣдуетъ выбрать. Впослѣдствіи намъ тоже никогда не приходило въ голову отказаться отъ названія *коммунисты*.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ Только немногіе голоса отозвались намъ, когда мы, сорокъ-два года тому назадъ, кинули въ міръ этотъ ключъ наканунѣ первой парижской революціи, въ которой пролетаріатъ выступилъ съ самостоятельными требованиями. Но 28-го сентября 1864 г. пролетаріи большинства западно-европейскихъ странъ соединились въ славной памяти Международное Товарищество Рабочихъ. Само это Товарищество прожило, правда, лишь девять лѣтъ. Но что созданный имъ вѣчный союзъ пролетаріевъ всѣхъ странъ живетъ до сихъ поръ и теперь имѣетъ больше силъ, чѣмъ когда-либо, это лучше всего доказывается нынѣшнимъ днемъ. Сегодня, когда я пишу эти строки, европейскій и американскій пролетаріатъ дѣлаетъ смотръ своимъ боевымъ спламъ, впервые мобилизованнымъ въ

единое войско, подъ единымъ знаменемъ и ради единой ближайшей цѣли: ради установленія закономъ нормальнаго рабочаго дня, требованіе котораго выставлено было уже на женевскомъ съѣздѣ Международнаго Товарищества Рабочихъ и затѣмъ повторено международнымъ рабочимъ конгрессомъ 1889 года въ Парижѣ. И зрѣлище нынѣшняго дня покажетъ капиталистамъ и землевладѣльцамъ всѣхъ странъ, что пролетаріи всѣхъ странъ дѣйствительно соединились.

О, если бы Марксъ былъ теперь со мною, чтобы видѣть это собственными глазами!

Лондонъ, перваго мая 1890 г.

Ф. Энгельсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НАСТОЯЩЕМУ ИЗДАНІЮ

Въ сентябрѣ 1843 г. Марксъ писалъ Руге, приступая къ изданію „Deutsch-Französische Jahrbücher“:

„До сихъ поръ философы имѣли въ своемъ портфель разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, и глупому міру непосвященныхъ оставалось только раскрыть ротъ, чтобы ловить жареныхъ рябчиковъ абсолютной науки. Теперь философія сдѣлалась свѣтской... Если конструированіе будущаго и окончательные результаты для всѣхъ грядущихъ временъ не наше дѣло, то тѣмъ опредѣленнѣе мы знаемъ, что намъ нужно совершить въ настоящемъ: я говорю о *безопасной критикѣ всего существующаго*, безопасной въ двухъ смыслахъ: въ томъ, что эта критика не боится собственныхъ результатовъ, и въ томъ, что она не отступаетъ отъ столкновенія съ предрѣжащими властями“⁵⁾.

Этому критическому настроенію одного изъ будущихъ авторовъ „Манифеста“ вполне соответствовало настроеніе другого его автора, Фридриха Энгельса, какъ это

⁵⁾ См. переписку Маркса съ Арнольдомъ Руге въ 4-ой книжкѣ „Соціально-Демократа“, стр. 26-27.

хорошо видно изъ его интересной статьи „Die Lage Englands“, которая была напечатана въ „Deutsch-Französischen Jahrbüchern“ и въ которой много мѣста отведено изложенію взглядовъ Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нѣтъ никакихъ „Морисоновыхъ пилюль“, никакихъ панацей для лѣченія общественныхъ бѣдствій. Указавъ на это признаніе, Энгельсъ замѣчаетъ: „Въ этомъ онъ тоже правъ. Еще очень несовершенна та общественная философія, которая выдаетъ два-три положенія за свой конечный результатъ и предлагаетъ „Морисоновы пилюли“. Намъ не такъ нужны голые результаты, какъ *изученіе*. Результаты безъ развитія, которое ведетъ къ нимъ — ничто; это мы уже знаемъ со временъ Гегеля. А результаты, которые фиксируются какъ неизмѣнные и не кладутся въ основу дальнѣйшаго развитія, хуже, чѣмъ бесполезны. Но результаты все таки должны принять опредѣленную, хотя и временную форму; развитіе должно вывести ихъ изъ туманной неопредѣленности и сдѣлать изъ нихъ ясныя мысли.“⁶⁾

Въ теченіе времени, протекшаго съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти строки, социальная философія Маркса и Энгельса тоже пришла, въ своемъ развитіи къ извѣстнымъ результатамъ, которые получили первое систематическое выраженіе въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ и затѣмъ пополнялись въ другихъ сочиненіяхъ его авторовъ. Эти результаты никогда не грѣшили „туманной неопредѣленностью“. Напротивъ, даже люди, не сочувствовавшіе имъ и пугавшіеся ихъ, вынуждены были признать, что „изученіе“ привело Маркса и Энгельса къ цѣлому ряду ясныхъ и оригинальныхъ мыслей. Но если справедливо замѣчаніе Энгельса о томъ, что надо дорожить не столько *результатами*, сколько *развитіемъ*, которое ведетъ къ нимъ, и что вообще результаты имѣютъ лишь *временное значеніе*, то можно спросить себя: не устарѣли ли результаты, изложенные въ „Манифестѣ“, и не осуждены ли они дальнѣйшимъ ходомъ того самаго

⁶⁾ Deutsch-Französische Jahrbücher, SS. 167-168.

развитія, которое нѣкогда привело къ нимъ? Одинъ остроумный французъ замѣтилъ, что онъ не хотѣлъ бы думать какъ Вольтеръ, въ такое время, когда Вольтеръ думалъ бы иначе. Мы должны послѣдовать примѣру этого француза. Если бы мы захотѣли думать какъ Марксъ и Энгельсъ въ такое время, когда Марксъ и Энгельсъ думали бы иначе, то мы показали бы этимъ полную неспособность усвоить живой критической *духъ* ихъ ученія и, отстаивая его мертвую *букву*, мы были бы отъ него гораздо дальше, чѣмъ тѣ догматики, о которыхъ говорилъ Марксъ въ цитированномъ выше письмѣ къ Арнольду Руге.

Марксъ и Энгельсъ безошадно критиковали все существующее и не боялись результатовъ своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые ихъ учителями.

Казалось бы, что это само собою разумѣется, и что говорить объ этомъ излишне въ особенности теперь, когда во всей Европѣ, — отъ Петербурга до Неаполя и отъ Самары до Дублина, — развелось такъ много марксистовъ, стоящихъ „подъ знакомъ критики“. Но въ томъ-то и дѣло, что бывають разные „знаки критики“. Давно уже было сказано, что не всякій, повторяющій: „Господи, Господи!“, войдетъ въ царствіе небесное. Теперь приходится сказать, что не всякій, твердящій „критика, критика“, способенъ возвыситься надъ *догматизмомъ*. Люди, „критикующіе“ Маркса и Энгельса, многочисленны теперь, какъ песчинки на днѣ морскомъ. Критика марксизма стала модой въ нѣкоторыхъ кругахъ интеллигенціи всѣхъ странъ. Но мода и критика плохо уживаются одна съ другою. И чѣмъ болѣе критика марксизма становится дѣломъ моды, тѣмъ болѣе утрачиваетъ она *всякое критическое содержаніе*. Объявляя устарѣлыми тѣ результаты, къ которымъ пришли Марксъ и Энгельсъ, господа критики не ставятъ на ихъ мѣсто ничего *новаго* и частью ограничиваются безсодержательнымъ и скучнымъ повтореніемъ слова „критика“, а частью возвращаются на точку зрѣнія *буржуазныхъ современниковъ* или даже *предшественниковъ* Маркса и Энгельса. Само собою разумѣется, что *такая* критика нисколько не спасаетъ отъ догматизма, и что *такое*

движеніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо *поступательнымъ*.

Слабость „критической“ мысли господъ критиковъ Маркса съ особенной яркостью обнаруживается въ области философіи. Здѣсь они противопоставляютъ такъ называемому ими догматизму материалистовъ довольно уже пожившую догму кантіанцевъ о непознаваемости внѣшняго міра. Разобрать здѣсь эту догму было бы неумѣстно, и потому только мы замѣтимъ, что, отвергая материализмъ, господа критики не даютъ себѣ труда хорошенько ознакомиться съ этой теоріей и довольствуются тѣмъ представленіемъ о ней, которое усердно культивируется во славу религіи учеными, полуучеными и совсѣмъ неучеными филистерами и попами разныхъ странъ, и въ основѣ котораго лежитъ христіанское противоположеніе матеріи духу.⁷⁾

Въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“ мы имѣемъ дѣло исключительно съ „*соціальной философіей*“ Маркса и Энгельса. О ней и пойдетъ у насъ рѣчь въ нашемъ предисловіи. Но и она очень обширна. Всестороннее разсмотрѣніе ея невозможно въ этомъ предисловіи. Поэтому мы разсмотримъ здѣсь лишь *основную мысль* Манифеста, а отдѣльныя его положенія разсмотримъ въ брошюрѣ „Критика нашихъ критиковъ“, подготовляемой нами къ печати.

„Основная мысль, пропитывающая собою весь „Манифестъ“, та мысль, что въ каждую данную историческую эпоху экономическое производство и неизбѣжно обусловленное имъ строеніе общества составляетъ основу политической и умственной исторіи; что, соотвѣтственно этому, вся исторія, съ тѣхъ поръ, какъ разложилось первобытное общинное землевладѣніе, была исторіей классовою борьбы;... но что эта борьба достигла те-

⁷⁾ Главнымъ научнымъ источникомъ, изъ котораго черпають теперь эти господа свои свѣдѣнія о материализмѣ, является известная исторія материализма Ланге. Но Ланге самъ никогда не могъ взглянуть на материализмъ глазами трезваго и безпристрастнаго изслѣдователя. Его книга сдѣлала очень много не для критики материализма, а для распространенія и укрѣпленія въ публикѣ неправильнаго взгляда на его историческое развитіе и на его значеніе для общественной науки нашего времени.

перъ той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый класс... не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса... не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатации, угнетенія и классовой борьбы, — эта основная мысль принадлежитъ единственно и исключительно Марксу“.

Такъ говоритъ Энгельсъ. Правъ-ли онъ? Не совсѣмъ. Во-первыхъ, Энгельсъ неправъ, сводя къ нулю свое собственное участіе въ разработкѣ основной мысли „Манифеста“. Во-вторыхъ, нѣкоторые, очень важные *элементы* этой мысли встрѣчаются въ гораздо болѣе ранней соціально-политической литературѣ.

Профессоръ Антонио Лабріола въ своемъ прекрасномъ опытѣ: „Въ память Манифеста Коммунистической Партіи“ справедливо замѣчаетъ, что уже древніе историки, а въ новое время итальянскіе историки эпохи Возрожденія хорошо понимали значеніе классовой борьбы, происходившей на ихъ глазахъ въ тѣсныхъ предѣлахъ городскихъ республикъ. Не менѣе справедливо и то замѣчаніе Лабріолы, что классовая борьба, принимая гораздо болѣе широкіе размѣры въ современномъ государствѣ, все болѣе и болѣе бросалась въ глаза въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Но онъ ошибается, полагая, что историческое значеніе этой борьбы съ наибольшею ясностью сознано было въ концѣ этого періода, — именно въ промежутокъ времени отъ 1830 до 1850 года. Въ дѣйствительности пониманіе классовой борьбы, какъ важнѣйшаго двигателя историческаго развитія, уже въ двадцатыхъ годахъ достигнуто такой степени ясности, которая была превзойдена развѣ только въ сочиненіяхъ авторовъ „Манифеста“. Въ эпоху же 1830-1850 гг. пониманіе это отчасти затемнилось подъ вліяніемъ причинъ, которыя мы укажемъ ниже.

Уже въ своихъ „Lettres d'un habitant de Genève“, вышедшихъ въ 1802 г., Сень-Симонъ говоритъ объ отношеніяхъ между „мущимъ“ и „немущимъ“ классами, и *борьбой этихъ классовъ* объясняетъ ходъ и исходъ французской революціи. Но это сочиненіе содержитъ въ себѣ лишь зародыши взглядовъ Сень-Симона. Гораздо полнѣе высказываются они въ позднѣйшихъ его

произведеніяхъ, — напр., въ въ „Organisateur“ (знаменитая „Парабола“), въ „Lettres à Messieurs les Jurés“, „Du système industriel“, „Catechisme des industriels“ и „Opinions littéraires philosophiques et industrielles“. Производство есть цѣль общественнаго союза, а потому люди, руководящіе производствомъ, всегда стояли и всегда будутъ стоять во главѣ общественнаго союза. До пятнадцатаго столѣтія свѣтская власть находилась въ рукахъ дворянства. Это не могло быть иначе потому, что дворянство руководило тогда земледѣльческими работами, а земледѣльческія работы были тогда единственно важной отраслью промышленной дѣятельности⁸⁾. Но мало по малу, въ періодъ отъ перваго крестоваго похода до Людовика XI, возникъ и организовался въ независимую отъ дворянства силу новый общественный классъ, — промышленники въ собственномъ смыслѣ слова, — который еще больше окрѣлъ и выросъ въ эпоху, отдѣляющую царствованіе Людовика XI отъ царствованія Людовика XIV. Въ теченіе всей этой эпохи промышленный классъ не переставалъ бороться съ дворянствомъ и отнимать у него одну экономическую позицію за другою. Нуждаясь въ сильной поддержкѣ, онъ заключилъ союзъ съ королевской властью, и этотъ союзъ опредѣлилъ собою дальнѣйшее политическое развитіе Франціи вплоть до того времени, когда королевская власть, въ лицѣ Людовика XIV, взмѣнила своему вѣрному союзнику и сдѣлалась покровительницей аристократіи. Это была ошибка, дорого стоившая Бурбонамъ, но не остановившая развитія промышленнаго класса. Французская революція и послѣдовавшія за нею событія вызваны были борьбою новаго промышленнаго порядка со старой феодальной системой, сторонники которой сдѣлали во время реставраціи новую попытку вернуть свое старое вліяніе и значеніе. Но ихъ успія осуждены на неудачу; ихъ вліяніе навсегда утрачено. „Въ теченіе пятнадцати вѣковъ, — говоритъ Сень-Симонъ, — феодальная система постепенно дезорганизовалась, а промышленная система постепенно

⁸⁾ Opinions littéraires, philosophiques et industrielles. Paris 1825, pp. 144-145. Ср. Catechisme des industriels въ Œuvres de Saint-Simon, изданныхъ O. Родригомъ, Paris 1832, p. 18.

организовалась. Достаточно будет тактичнаго поведения главныхъ представителей промышленности, чтобы окончательно установить промышленную систему и очистить общество отъ развалинъ того феодальнаго здания, въ которомъ жили когда-то наши предки“.)

Историческіе взгляды Сень-Симона были почти цѣлкомъ усвоены его „пріемнымъ сыномъ“ Огюстенюмъ Тьерри, такъ много сдѣлавшимъ въ послѣдствіи для французской исторической науки. Огюстенъ Тьерри стоялъ на точкѣ зрѣнія „третьяго сословія“ и хорошо понималъ это. Въ 1818 г. онъ писалъ въ „Censeur Européen“: „Кто изъ насъ слышалъ о томъ классѣ людей, который сохранилъ для человѣчества промышленное искусство и привычку къ труду во время наводненія Европы варварами? Постоянно подвергаясь притѣсненіямъ и грабежу со стороны своихъ побѣдителей и повелителей, эти люди вели тягостное существованіе, получая въ вознагражденіе за свой трудъ лишь сознание того, что они поступаютъ хорошо и сохраняютъ цивилизацію для своихъ дѣтей и для всего міра. Эти спасители нашихъ искусствъ были нашими отцами. Мы дѣти тѣхъ крѣпостныхъ, тѣхъ данниковъ, тѣхъ буржуа, которыхъ безпощадно попирали завоеватели. Мы всѣмъ обязаны имъ... Но, недавно освобожденные рабы, мы хранили память лишь о семьяхъ и о дѣйствіяхъ своихъ господъ. Только тридцать лѣтъ тому назадъ мы вспомнили, что наши отцы составляли націю. Мы всѣмъ восхищались и все изучали, за исключеніемъ того, что было совершенно имъ. Мы были патриотами и забывали тѣхъ, которые въ теченіе четырнадцати вѣковъ воздѣлывали почву нашего отечества, которую такъ часто опустошали другія руки“.)⁹⁾

Два года спустя, Тьерри возвращается къ той же темѣ и доказываетъ, что французы еще не имѣютъ настоящей исторіи своего народа. Исторія гражданъ, исторія подданныхъ еще не написана, а между тѣмъ она гораздо интереснѣе и способна вызвать гораздо больше симпатій, чѣмъ исторія высокопоставленныхъ лицъ и ко-

⁹⁾ Œuvres, p. 59.

¹⁰⁾ Цитировано имъ самимъ въ его Dix ans d'Études historiques Paris 1837, préface, p. VIII.

ролей, — „единственная исторія, о которой намъ говорить“. Движеніе народныхъ массъ къ свободѣ и благосостоянію представляетъ собою болѣе величественное зрѣлище, чѣмъ походы завоевателей, а бѣдствія народа трогательнѣе бѣдствій королей, лишившихся своихъ престоловъ. Если бы нашлось перо, достойное написать исторію народныхъ массъ, то французы узнали бы, что ихъ города могутъ гордиться „не только тѣмъ, что въ нихъ жили тѣ или другіе аристократы, или что черезъ нихъ проходилъ тотъ или другой король. Они узнали бы также, что политическая жизнь народа не ограничивалась уплатой податей и поставкой рекрутъ“¹¹⁾.

Уже эти краснорѣчивыя тирады ясно показываютъ, какимъ образомъ ростъ самосознанія третьяго сословія во Франціи вызвалъ коренную перемѣну во взглядахъ французскихъ историковъ. Для ученыхъ плебеевъ того времени исторія третьяго сословія была интереснѣе исторіи двора и аристократіи, и потому они почувствовали потребность разработать именно исторію третьяго сословія. А такъ какъ эта исторія въ теченіе многихъ столѣтій была исторіей всего народа за исключеніемъ дворянства и духовенства, то неудивительно, что народная жизнь прошлыхъ вѣковъ стала привлекать къ себѣ главное вниманіе исторической науки, прежде занимавшейся лишь королями и аристократами. Въ исторической наукѣ время реставраціи сказалось то же самое настроеніе третьяго сословія, которое еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ начало сказываться въ области изящной литературы и литературной критики. Извѣстны психологическіе мотивы, вызвавшіе появленіе такъ называемой *мицанской драмы*. „Что за дѣло мнѣ, мирному гражданину монархическаго государства 18-го столѣтія — писалъ Бомаршэ — до смерти какого-нибудь царской дочери въ Авлидѣ? Все это совершенно до меня не касается, во всемъ этомъ нѣтъ ничего поучи-

¹¹⁾ См. первое письмо объ исторіи Франціи, перепечатанное въ Dix ans d'études historiques, p. 325.

тельного для меня¹²⁾ Бомарше и его единомышленники хотѣли, чтобы на сценѣ съ любовью и вниманіемъ изображались бытъ и страданія людей современнаго имъ третьяго сословія. Классическая трагедія раздражала и оскорбляла ихъ своимъ пристрастіемъ къ высокопоставленнымъ героямъ. „Изображать горе и несчастья людей средняго состоянія! съ горечью восклицалъ Бомарше. *Ei done!* Ихъ можно только осмѣивать! Смѣшныя граждане и несчастные короли — вотъ чѣмъ ограничивается область, доступная театру. Такъ мы и будемъ знать“¹³⁾

Буржуазія восемнадцатаго столѣтія хотѣла „имѣть свой портретъ“, и ея литературные представители попытались изобразить ея тогдашнія черты въ герояхъ мѣщанской драмы.¹⁴⁾ Подобно этому, во время реставраціи, буржуазія, отстаивавшая свои соціально-политическія завоеванія отъ настойчивыхъ посягательствъ со стороны приверженцевъ стараго порядка, хотѣла слышать рассказъ объ ея собственныхъ дѣтскихъ и юношескихъ годахъ, и ея ученые представители принялись писать для нея назидательное и интересное повѣствованіе о притѣсненіяхъ, которымъ она нѣкогда подвергалась, объ ея усиліяхъ завоевать себѣ лучшую долю и объ ея успѣхахъ въ борьбѣ противъ притѣснителей. Такъ создавалось новое направленіе въ исторической наукѣ, представлявшее собою огромный шагъ впередъ въ ея развитіи.

Историки прежняго времени, интересовавшіеся преимущественно королями и аристократами, видѣли въ подвигахъ своихъ высокопоставленныхъ героевъ главныхъ двигателей историческаго развитія. Этотъ взглядъ усвоенъ былъ и просвѣтителями восемнадцатаго вѣка, у которыхъ онъ, согласно ихъ революціонному настроенію, видоизмѣнился въ ученіе о томъ, что мнѣнія правятъ миромъ. Несостоятельное въ теоретическомъ от-

¹²⁾ Essai sur le genre dramatique sérieux въ Oeuvres complètes, Paris 1828, t. I, p. 11.

¹³⁾ Lettre sur la critique de Barbier de Seville въ Oeuvres complètes, t. I, p. 258.

¹⁴⁾ Ср. Брюнетьера, Les époques du théâtre français, Paris 1896, p. 287.

ношеніи, ученіе это имѣло то преимущество, что отводило широкое мѣсто воздѣйствію революціонныхъ *героевъ* интеллигенціи на угнетаемую государствомъ въ высшихъ сословіяхъ *толпу* средняго сословія. Но буржуазія временъ реставраціи, незадолго передъ тѣмъ нанесшая смертельный ударъ старому порядку, уже не походила на подавленную толпу. Ея идеологи, проникнутые сознаніемъ ея силы и значенія, увидѣли въ ней самой главнаго героя историческаго движенія. Мы уже знаемъ, съ какимъ восторгомъ говорилъ Тьерри объ ея заслугахъ передъ человѣчествомъ и цивилизаціей.

Но разъ заинтересовавшись исторіей своихъ „отцовъ“, ученые представители буржуазіи необходимо должны были составить себѣ совершенно новый взглядъ на историческое происхожденіе и развитіе общественныхъ учреждений.

„Удивительна — говоритъ Огюстенъ Тьерри — упорная склонность историковъ не признавать за массою никакой самодѣятельности, никакого творчества. Если какой-нибудь народъ выселяется, ища себѣ новаго мѣстожительства, то наши историографы и поэты объясняютъ это тѣмъ, что какой-нибудь герой рѣшился основать новую имперію съ цѣлью прославить свое имя; если возникаетъ какое-нибудь новое государство, то это объясняется инициативой того или другаго государя. Народъ, граждане всегда представляютъ собою лишь матерію, одухотворяемую мыслью отдѣльныхъ людей. Хотите въ самомъ дѣлѣ узнать, кто создалъ данное учрежденіе, кому принадлежитъ мысль даннаго общественаго предпріятія? Ищите тѣхъ, кому оно было нужно: имъ навѣрное принадлежитъ и первая мысль о немъ, и желаніе дѣйствовать, и значительная часть въ выполненіи. *Is fecit cui prodest*, — эта аксіома примѣнима въ исторіи не менѣе, чѣмъ въ юриспруденціи“¹⁵⁾

Эта новая точка зрѣнія — точка зрѣнія *общественнаго или классового интереса* — въ связи съ сочувствіемъ къ „отцамъ“, вынесимъ на своихъ плечахъ многовѣковую борьбу противъ высшихъ сословій, непозбѣжно должна была привести къ сознанію важнаго историчес-

¹⁵⁾ Dix ans d'études historiques, p. 348.

каго значенія борьбы различныхъ общественныхъ классовъ за свои интересы, т. е., короче — *классовой борьбы*. И дѣйствительно, уже въ началѣ своей литературной дѣятельности Огюстенъ Тьерри указываетъ на „борьбу классовъ и интересовъ“ въ Англии (*lutte des classes d'hommes et des intérêts*), какъ на одно изъ главныхъ послѣдствій завоеванія ея норманами.¹⁶⁾ Революціонное движеніе въ Англии 17-го вѣка изображается имъ какъ борьба третьяго сословія съ аристократіей. „Всякій, чьи предки принадлежали къ числу завоевателей Англии — говоритъ онъ о первой англійской революціи — покидалъ свой замокъ и ѣхалъ въ королевскій лагерь, гдѣ и занималъ положеніе, соотвѣтствующее его званію. Жители городовъ толпами шли въ противоположный лагерь. Тогда можно было сказать, что арміи собирались — одна во имя *праздности и влести*, другая во имя *труда и свободы*. Всѣ праздноватающіеся, каково бы ни было ихъ происхожденіе, всѣ тѣ, которые искали въ жизни лишь достающихся безъ труда наслажденій, становились подъ королевскія знамена, защищая интересы, подобные ихъ собственнымъ интересамъ; и наоборотъ, тѣ изъ потомковъ прежнихъ завоевателей, которые занимались тогда промышленностью, присоединялись къ партіи общинъ“¹⁷⁾.

Но особенно замѣчательно то, что и въ религиозномъ движеніи того времени Тьерри видѣлъ лишь отраженіе „положительныхъ“, житейскихъ интересовъ. „Съ обѣихъ сторонъ — говоритъ онъ — война велась за положительные интересы. Все остальное было внѣшностью или предлогомъ. Люди, отстаивавшіе дѣло *подданныхъ*, были по большей части пресвитеріанами, т. е. не хотѣли никакого подчиненія даже въ религіи. Тѣ же, которые примыкали къ противной партіи, принадлежали къ англиканскому или католическому исповѣданію; это было потому, что даже въ религиозной области они стремились къ власти и къ обложенію людей налогами“¹⁸⁾.

Переходи къ современнику Тьерри *Мишле*, мы встрѣ-

¹⁶⁾ Въ статьѣ *Vue des révolutions d'Angleterre, Dix ans d'études historiques*, p. 16.

¹⁷⁾ *Ibidem*.

¹⁸⁾ *Ibidem*.

чаемъ совершенно тотъ же взглядъ на значеніе общественныхъ интересовъ и на роль классовой борьбы въ исторіи цивилизованныхъ странъ. По словамъ Мишле, „наиболѣе многочисленные и наиболѣе сильные интересы диктуютъ законы и достигаютъ своей цѣли“ (*dictent la loi et arrivent à leur but*)¹⁹⁾ Легко понять отсюда, какое вліяніе имѣютъ, по его мнѣнію, интересы на развитіе общества. „Общественное движеніе, — говоритъ онъ — опредѣляется господствующими интересами. Движеніе это стремится къ своей цѣли среди разныхъ препятствій, останавливается, разъ достигнута эта цѣль, и уступаетъ мѣсто другому движенію, которое сначала остается незамѣтнымъ и обнаруживается только тогда, когда дѣлается преобладающимъ. Таковъ былъ ходъ развитія феодализма. Феодализмъ существовалъ въ нуждѣхъ людей, еще не существуя фактически, — первая эпоха; во вторую эпоху онъ существовалъ фактически, постепенно переставая соотвѣтствовать нуждамъ, и это послѣднее обстоятельство положило конецъ его фактическому существованію. Еще ни одна революція не совершалась другимъ путемъ“²⁰⁾. Появленіе на исторической сценѣ городскихъ коммунъ измѣнило всѣ внутреннія отношенія тогдашнихъ обществъ. Въ Италіи коммуны добиваются полнаго господства, и тамъ возникаетъ демократія. Во Франціи онѣ оказываются вынужденными соединиться съ королевской властью и тѣмъ положить основаніе абсолютизму. Наконецъ, въ Англии, гдѣ онѣ соединяются съ феодалами противъ короля, является конституціонная монархія.²¹⁾ Такимъ образомъ, взаимное отношеніе важнѣйшихъ социальныхъ элементовъ европейскаго общества — т. е. аристократіи и третьяго сословія — опредѣлило собою политическое развитіе Европы. Чѣмъ болѣе росло третье сословіе, тѣмъ болѣе приближалось окончательное паденіе стараго общественнаго порядка. Во Франціи эпоха этого паденія была эпохой революціи, къ которой Мишле всегда относился съ самымъ горячимъ сочувствіемъ.

¹⁹⁾ *De la féodalité, des institutions de St-Louis et de l'influence de la législation de ce prince*, Paris 1822, p. 47.

²⁰⁾ *Ibidem*, pp. 77-78.

²¹⁾ *Ibidem*, p. 83.

Его исторія французской революціи лучше всѣхъ другихъ его сочиненій показываетъ, до какой степени ясно сознавалъ онъ историческое значеніе классової борьбы. Онъ прекрасно понимаетъ, что борьба политическихъ партій во время революціи выражала собою лишь противорѣчіе классовыхъ интересовъ. „Аристократическіе классы — говоритъ онъ — имѣли интересы противоположные интересамъ національной партіи. Поэтому дворянство и высшее духовенство, сидѣвшіе на правой сторонѣ, были въ постоянной оппозиціи противъ этой партіи, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней всеобщаго увлеченія“.²²⁾ Партія Дюпора, Барнава и Ламэтта представляла собою „родъ оппозиціи внутри средняго класса“.²³⁾ Конституція 1791 г. была дѣломъ средняго класса, оказавшагося тогда сильнѣе другихъ; „извѣстно, — прибавляетъ Минье, — что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями“.²⁴⁾ Антиреволюціонныя возстанія въ Кальвадосѣ, Жеводанѣ и Вандеѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что эти мѣстности не сочувствовали революціи, „такъ какъ въ нихъ не было многочисленнаго средняго и образованнаго класса“.²⁵⁾ Жерондисты являются въ его глазахъ партией перехода отъ средняго класса къ простонародью (la multitude), между тѣмъ какъ въ Дантонѣ, Робеспьерѣ, Камиллѣ Демуланѣ, Ф. д'Эглантинѣ, Маратѣ и т. д. онъ видѣлъ истинныхъ вождей новаго движенія, начавшагося при посредствѣ писмаго общественнаго класса и направлявшагося противъ средняго класса, къ которому принадлежали Жирондисты по своему положенію и по своимъ привычкамъ.²⁶⁾ Десятое августа было „возстаніемъ простонародья противъ средняго класса и конституціоннаго трона подобно тому, какъ 14-ое іюля было возстаніемъ средняго класса противъ привилегированныхъ классовъ и противъ абсолютной власти короны“.²⁷⁾ Короче сказать, рѣшительно вся исторія французской революціи служить у Минье иллюстраціей того положенія, которое можно съ полнымъ основаніемъ назвать *формулой про-*

²²⁾ Histoire de la révolution française, Paris 1827, t. I, p. 105.

²³⁾ Ibid., p. 111.

²⁴⁾ Ibid., p. 210.

²⁵⁾ Ibid., p. 227.

²⁶⁾ Ibid., p. 276.

²⁷⁾ Ibid., p. 290.

гресса, совершающагося въ цивилизованныхъ обществахъ: „перемѣны нарушаютъ интересы; интересы создаютъ партіи; партіи вступаютъ въ борьбу“.²⁸⁾ Огюстенъ Тьерри не даромъ говорилъ, что Минье былъ одаренъ большимъ талантомъ обобщенія фактовъ и исторической индукціи.

Въ теченіе всей своей жизни Минье былъ сознательнымъ, откровеннымъ и послѣдовательнымъ представителемъ „средняго класса“. Его идеаломъ было социальное и политическое господство этого класса. Онъ былъ рѣшительнымъ врагомъ „простонародья“, поскольку оно угрожало этому господству. „Les desordres de la Commune lui furent odieux“ (безчинства Коммуны были ему омерзительны) говоритъ его біографъ Эдуардъ Пти.²⁹⁾ Но этотъ другъ жестокаго усмирителя Коммуны, Тьера, не испытывалъ передъ революціоннымъ способомъ дѣйствій того жалкаго чувства страха, смѣшаннаго со злобой, который испытываютъ передъ нимъ крупные и мелкіе буржуа нашего времени. „Только силой можно добиться признанія своихъ правъ“, — замѣчаетъ онъ въ самомъ началѣ своей исторіи революціи, прибавляя нѣсколькими страницами ниже, что до сихъ поръ „нѣтъ другого верховнаго владыки, кромѣ силы“.³⁰⁾ Нѣтъ историки не любятъ такихъ сентенцій. Старый Гизо объяснитъ намъ эту особенность ихъ вкуса.

Взглядъ Гизо на коренную причину общественнаго развитія ничѣмъ не отличается отъ взгляда Огюстена Тьерри и Минье. Соціальныя отношенія и въ его глазахъ являются основой политическихъ отношеній. „Большая часть писателей, ученыхъ, историковъ и публицистовъ — говоритъ онъ въ своихъ „Essais sur l'histoire de France“ — старались объяснить данное состояніе общества, степень или родъ его цивилизаціи, политическими учрежденіями этого общества. Было бы благоразумнѣе начинать съ изученія самого общества для того, чтобы узнать и понять его полити-

²⁸⁾ Ibid. p. 213.

²⁹⁾ François Mignet, par Eduard Petit, Paris 1889, p. 286.

³⁰⁾ Histoire de la révolution française, t. I, pp. 3, 13. Эти выраженія напоминаютъ извѣстное выраженіе Маркса: сила всегда была повивальной бабкой стараго общества, беременнаго новымъ.

ческія учрежденія. Прежде, чѣмъ стать причиною, учрежденія являются слѣдствіемъ; общество создаетъ ихъ прежде, чѣмъ начинаетъ измѣняться подъ ихъ вліяніемъ; и вмѣсто того, чтобы судить о состояніи народа по формамъ его правительства, надо прежде всего изслѣдовать состояніе народа, чтобы судить, каково должно было быть, каково могло быть его правительство... Общество; его составъ; образъ жизни отдѣльныхъ лицъ въ зависимости отъ ихъ соціального положенія; отношенія различныхъ классовъ лицъ, словомъ *гражданскій бытъ людей* (*l'état des personnes*), — таковъ, безъ сомнѣнія, первый вопросъ, который привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка, желающаго знать, какъ люди жили, и публициста, желающаго знать, какъ люди управлялись³¹⁾

По словамъ Гизо, у всѣхъ народовъ, явившихся на историческую сцену Европы послѣ паденія Западной Римской имперіи, гражданскій бытъ находился въ тѣсной причинной связи съ поземельными отношеніями, а потому изученіе поземельныхъ отношеній должно предшествовать изученію гражданского быта. „Чтобы понять политическія учрежденія, надо изучить различные словъ, существующіе въ обществѣ, и ихъ взаимныя отношенія. Чтобы понять эти различные общественные словъ, надо знать природу поземельныхъ отношеній“³²⁾ Съ этой точки зрѣнія Гизо и смотритъ на исторію Франціи первыхъ двухъ династій. Она является у него исторіей борьбы между „слоями“ тогдашняго населенія этой страны.

Исторія англійской революціи изображается имъ какъ борьба буржуазіи съ аристократіей. Онъ называетъ остроумнымъ, но поверхностнымъ тотъ взглядъ, согласно которому англійская революція была болѣе политической, чѣмъ соціальной, между тѣмъ какъ французская стремилась измѣнить всю совокупность общества и правительства³³⁾ На самомъ дѣлѣ обѣ революціи имѣли

³¹⁾ Essais sur l'histoire de France, dixième édition (первое изд. вышло въ 1821 году), pp. 73-74.

³²⁾ Ibid., pp. 75-76.

³³⁾ Histoire de la révolution d'Angleterre, Paris 1841, t. I, préface, p. XXI (предисловіе подписано: апрѣль 1826).

одинаковое происхожденіе и одинаковую цѣль. Революціонное движеніе въ Англии началось подъ вліяніемъ измѣненій въ соціальныхъ отношеніяхъ и въ нравахъ англійскаго народа. Между тѣмъ какъ высшая аристократія утрачивала свое вліяніе на народъ и развращалась, мелкіе дворяне, фригольдеры и буржуа, занятые исключительно своими имущественными дѣлами, все болѣе богатѣли и все болѣе подчиняли народъ своему вліянію. Постепенно, безъ шума и почти безъ собственнаго вѣдома, они сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всѣ общественныя силы, — „истинные источники власти“³⁴⁾ И по мѣрѣ того, какъ совершалась эта коренная перемѣна въ общественныхъ отношеніяхъ, среднее сословіе („les communes“) начало нетерпѣливо относиться къ тиранніи. „Увеличеніе благосостоянія вызвало нужду въ ограниченіи произвола. Королевскія права, въ теченіе долгаго времени не вызывавшія никакихъ протестовъ, стали казаться злоупотребленіемъ“³⁵⁾ Такъ завязалась революціонная борьба, имѣвшая множество разнообразныхъ перипетій, но закончившаяся полнымъ торжествомъ средняго класса.

Гизо умѣетъ прослѣдить вліяніе „общественнаго состава“ не только на политическій строй общества, но также и на совершающіяся въ немъ *умственные теченія*. Соображенія объ исторіи французской литературы, высказанныя имъ еще во время первой имперіи, заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія. Но по недостатку мѣста мы напомнимъ здѣсь только его разсужденія о театрѣ. По его мнѣнію, судьбы театра отражаютъ собою развитіе общественныхъ отношеній. Въ древней Греціи, гдѣ общественныя дѣла находились въ завѣданіи всего народа, театръ служилъ всенароднымъ развлеченіемъ, отражавшимъ привычки и вкусы всѣхъ свободныхъ гражданъ. Напротивъ, въ обществахъ новаго времени, представляющихъ собою сложное сочетаніе различныхъ классовъ, занятыхъ трудомъ и вѣчно борющихся между собою за преобладаніе, театръ становится

³⁴⁾ Ibid., pp. 9-10.

³⁵⁾ Ibid., pp. 11-12. ср. также Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre.

развлеченіемъ высшихъ классовъ. Отъ этого много страдаютъ его достоинства. Упрочивъ свое положеніе, высшіе классы стремятся обыкновенно отдѣлиться и удалиться отъ остальной части общества. Они утрачиваютъ свойственныя народу простыя и естественныя привычки и проникаются искусственностью. Поэтому область художественнаго творчества суживается и бѣднѣетъ. Для примѣра Гизо указываетъ на судьбы англійскаго театра послѣ реставраціи 1660 г.: въ своемъ презрѣніи къ народу англійская аристократія стала пренебрегать даже Шекспиромъ, объявивъ его неблаговоспитаннымъ. Французская трагедія тоже была созданіемъ высшихъ классовъ, и потому ея время прошло вмѣстѣ съ паденіемъ стараго порядка. Революція расчистила мѣсто для „новой драматической системы“³⁶⁾.

Конечно, здѣсь можно не согласиться съ отдѣльными частностями. Но нельзя не признать, что путь изслѣдованія причинной связи явленій намѣченъ здѣсь совершенно вѣрно. И именно по этому пути пошли впоследствии наиболѣе даровитые критики и историки французской литературы, такъ хорошо подготовившіе почву для материалистическаго объясненія умственной исторіи цивилизованнаго человѣчества.

Политическая дѣятельность Гизо еще ярче обнаруживаетъ его классовую точку зрѣнія. Онъ самъ говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, что упроченіе господства среднихъ классовъ (*des classes moyennes*) было неизмѣннымъ его политическимъ стремленіемъ.³⁷⁾ И онъ не только горячо и неустрашимо защищалъ интересы этихъ классовъ, но, по его собственнымъ словамъ, онъ хотѣлъ еще болѣе возвеличить ихъ дѣло, „перенеся его въ прошлое и обнаруживъ его интересы и превратности во всемъ теченіи французской исторіи“.³⁸⁾ Это намѣреніе было блестяще выполнено имъ въ его политическихъ памфлетахъ. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ памфлетъ, озаглавленный: „*Du Gouvernement de la France et du ministère actuel*“ и вышедшій въ сентябрѣ 1820 г.

³⁶⁾ См. чрезвычайно интересный *Etude sur Shakspeare*, въ первомъ томѣ французскаго перевода сочиненій Шекспира, Paris 1821.

³⁷⁾ *Mémoires*, Paris 1858, t. I, p. 8. ³⁸⁾ *Ibid.*, pp. 296-297.

Здѣсь Гизо выступаетъ убѣжденнымъ защитникомъ французской революціи. Революція эта была войной, совершенно подобной международнымъ войнамъ. „Въ теченіе тринадцати столѣтій во Франціи было два народа: народъ — побѣдитель и народъ — побѣжденный. Въ теченіи тринадцати столѣтій побѣжденный народъ боролся для того, чтобы свергнуть его народо-побѣдителя. Наша исторія есть исторія этой борьбы. Въ наши дни произошла рѣшительная битва. Эта битва называется революціей“.³⁹⁾ Результатъ ея очевиденъ. Народъ, бывший когда-то побѣжденнымъ, сталъ побѣдителемъ и, въ свою очередь, завоевалъ Францію. Пресловутая хартія только признала, по словамъ Гизо, этотъ несомнѣнный *фактъ* и объявила его *правомъ*. Представительное правленіе было гарантіей этого новаго права.⁴⁰⁾ Споры, происходившіе въ налатѣ депутатовъ, могли казаться странными и непонятными лишь тому, кто смотрѣлъ на нихъ съ точки зрѣнія теоретика, не умѣя пріурочить ихъ къ породившимъ ихъ обстоятельствамъ. Въ дѣйствительности споры велись „между равенствомъ и привилегіей, между среднимъ классомъ и старой аристократіей“.⁴¹⁾ Старый порядокъ и новалъ Франція вѣдутъ борьбу не на жизнь, а на смерть. Всякая мысль объ ихъ примиреніи — химера.⁴²⁾

Мы уже знаемъ, что Гизо понималъ причинную связь между общественными отношеніями съ одной стороны, и умственными теченіями съ другой. Политическая полемика дала ему лишній случай высказать свой взглядъ на этотъ счетъ. Онъ заявляетъ, что „идеи, ученія и самыя конституціи“ подчиняются обстоятельствамъ и принимаются народами только тогда, когда они являются орудіемъ и обезпеченіемъ ихъ интересовъ.⁴³⁾ Исторія англійской конституціи особенно хорошо показываетъ, по его мнѣнію, „до какой степени обстоятельства господствуютъ надъ мнимыми теоріями представительной системы“.⁴⁴⁾ Мы видимъ зданіе англійской конституціи и забываемъ о томъ, какъ оно строилось. „Мы

³⁹⁾ *Du gouvernement de la France*, pp. 1-2.

⁴⁰⁾ *Ibid.*, p. 5. ⁴¹⁾ *Ibid.*, p. 22.

⁴²⁾ *Ibid.*, p. 108.

⁴³⁾ *Ibid.*, p. 91.

⁴⁴⁾ *Ibid.*, p. 127.

приписываемъ человѣческой мудрости прогрессивное развитіе, бывшее плодомъ одной необходимости⁴⁵⁾. Теоретики революціи ошибались „имъ мамъ“ (курсивъ нашъ), провозглашая самодержавіе народа. На самомъ дѣлѣ рѣчь шла не о самодержавіи всего народа, а о побѣдѣ одной части народа надъ другой его частью. Такъ какъ на сторонѣ третьяго сословія было огромное численное превосходство, то и возникла теорія народнаго самодержавія. Эта теорія была нужна въ то время, потому что силѣ необходима доктрина: „людямъ непремѣнно нужно думать и показать другимъ, что они правы“⁴⁶⁾.

Сторонники контръ-революціи всегда отлично понимали, что для достиженія своей цѣли они должны захватить власть и воспользоваться ею сообразно своимъ интересамъ. Средній классъ съ своей стороны долженъ помнить, что ему нужно не разрушать власть, а овладѣть ею.⁴⁷⁾

Представительное правленіе существуетъ затѣмъ, чтобы сосредоточить въ себѣ и выразить общественныя нужды и стремленія, а также затѣмъ, чтобы облекать властью тѣхъ, которые умѣютъ понимать и удовлетворять эти стремленія и нужды.⁴⁸⁾ Само собою разумѣется, что, по мнѣнію Гизо, такимъ умѣньемъ обладаютъ лишь представители „средняго класса“, а оттого и власть должна, по его теоріи, принадлежать именно этому классу, а не той *population extérieure* (такъ называетъ Гизо рабочую массу. Г. П.), права которой нужно признавать и защищать, но которая можетъ погубить и себя, и все государство, если только доберется до власти!⁴⁹⁾

Когда Марксъ и Энгельсъ писали въ „Манифестѣ“, что современная государственная власть есть не болѣе, какъ компететъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазія, они высказывали тотъ же самый взглядъ на созданное буржуазіей представительное правленіе. Только они оцѣнивали его уже не съ точки зрѣнія „средняго класса“, а съ точки зрѣнія того именно

⁴⁵⁾ Ibid., p. 290.

⁴⁶⁾ Ibid., p. 138.

⁴⁷⁾ Ibid., p. 237.

⁴⁸⁾ Ibid., p. 283.

⁴⁹⁾ Ibid., p. 326, note.

„внѣшняго населенія“ (*population extérieure*), о господствѣ котораго Гизо не могъ и подумать безъ страха.

Какъ бы тамъ ни было, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то обстоятельство, что Гизо очень хорошо сознавалъ классовый характеръ представляемыхъ и защищаемыхъ имъ социальнo-политическихъ тенденцій. Когда сторонники стараго порядка стали обвинять его въ томъ, что проповѣдуя борьбу классовъ, онъ разжигаетъ будто бы дурныя страсти, онъ отвѣчалъ, что ему хотѣлось только резюмировать исторію Франціи. Она полна борьбой сословій или, вѣрнѣе, *сблъана ею*. „Это знали и это говорили за много вѣковъ до революціи. Это знали и это говорили въ 1789 г. Это знали и это говорили три мѣсяца тому назадъ.“⁵⁰⁾ Я думаю, что и теперь всѣ помнятъ объ этомъ, хотя меня и упрекаютъ въ томъ, что я высказалъ это. Факты не уничтожаются по желанію и для удобства министерствъ и партій... Что сказали бы всѣ тѣ мужественные буржуа, которыхъ посылали въ Генеральныя Штаты для защиты и завоеванія правъ третьяго сословія, если бы, воскреснувъ теперь, они услышали, что дворянство никогда не воевало съ третьимъ сословіемъ; что оно не чувствовало безпокойства при его возникновеніи, что оно не возмущалось при видѣ его роста, что оно не мѣшало его социальнымъ и политическимъ успѣхамъ?... Выродившіеся потомки расы, нѣкогда господствовавшей надъ великой страной и заставлявшей трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи! Вы сознаете свое паденіе и потому протестуете противъ своего былого величія!“ Поднимая рѣчь о борьбѣ классовъ, Гизо совсѣмъ не имѣлъ въ виду высказать что-либо новое: борьба классовъ не теорія и не гипотеза; это самый простой фактъ. „И я повторяю, — восклицаетъ Гизо, — что не только нѣтъ никакой заслуги за тѣмъ, которые его видятъ, но почти смѣшно отрицать его“. Гизо стыдится того, что ему, буржуа, приходится читать дворянству уроки французской исторіи и доказывать ему, что оно стало „слишкомъ смиренно въ своихъ воспоминаніяхъ“. А на обвиненія его въ

⁵⁰⁾ Писано въ 1820 году.

томъ, что онъ разжигаетъ страсти и сбѣтъ раздѣленіе между гражданами, онъ отвѣчаетъ восклицаніемъ: „Какъ! Мы должны забыть нашу исторію только потому, что ея выводы оказались неблагоприятными для васъ?“

Эти выписки⁵¹⁾ достаточно характеризуютъ тогдашнее боевое настроеніе Гизо. Для болѣе полной характеристики укажемъ, впрочемъ, еще на эпиграфъ цитируемаго здѣсь сочиненія его „Du gouvernement de la France“. Онъ взятъ изъ Паскалевыхъ „Pensées“ и гласитъ такъ: „Пріятно находится на корабль во время бури, когда знаешь, что не пошибнешь!“

Во всемъ этомъ классовое самосознаніе буржуазіи выражается такъ ярко, что мы не нуждаемся въ дальнѣйшихъ выпискахъ. Поэтому мы не станемъ говорить здѣсь ни о книгѣ Армана Карреля: „Histoire de la contre-revolution en Angleterre“ (Paris 1827), ни объ относящихся къ болѣе позднему времени сочиненіяхъ Алексѣя Токвиля. Мы считаемъ твердо установленнымъ тотъ фактъ, что уже во время реставраціи Сень-Симонъ и многіе ученые представители французской буржуазіи видѣли въ борьбѣ классовъ главнѣйшую причину историческаго развитія народовъ новаго времени.

Мы думали, что полезно установить этотъ фактъ, такъ какъ онъ, по видимому, остался неизвѣстнымъ многимъ критикамъ „Манифеста Коммунистической Партіи“. Вотъ, напр., Эмиль Вандервельдъ категорически утверждаетъ, что понятіе о классовой борьбѣ есть „пробный камень демократическаго социализма въ отличіе его отъ всѣхъ другихъ настоящихъ и прошедшихъ формъ социализма буржуазнаго и утопическаго“, и что это понятіе „впервые было развито со всѣми его послѣдствіями въ „Манифестѣ Коммунистической Партіи““⁵²⁾ При-

⁵¹⁾ Сдѣланныя изъ Avant-propos третьяго изданія брошюры Du gouvernement de la France.

⁵²⁾ Золотая свадьба международнаго социализма, (переводъ съ французскаго), Лондонъ 1899 г., стр. 5. Въ русскомъ переводѣ брошюры эта издана „Фондомъ Вольной Русской Прессы“ и снабжена маленькимъ предисловіемъ издателя, въ которомъ „эволюція здоровой социалистической мысли въ Европѣ“ противопоставляется „догмамъ германскаго социализма“. Почтенные сторонники „здоровой социалистической мысли“ не замѣтили ни выше-

знаемся, что отъ человѣка, написавшаго такъ сказать юбилейную брошюру по поводу „Манифеста“, можно требовать болѣе внимательнаго отношенія къ своему предмету.

Точно также и г. Вернеръ Зомбартъ, критикуя высказанный въ „Манифестѣ“ взглядъ на великое историческое значеніе борьбы классовъ, ни единымъ словомъ не указываетъ на то, что въ сороковыхъ годахъ взглядъ этотъ далеко не былъ новымъ въ политической литературѣ.⁵³⁾ Вернеръ Зомбартъ придаетъ большое значеніе „исторіи догмъ“ (Dogmengeschichte) въ новѣйшемъ социализмѣ. Отъ него тоже можно было бы требовать лучшаго знакомства съ этой исторіей.

Въ статьѣ „Essai d'interprétation et de critique de quelques concepts du marxisme“, напечатанной въ февральской книжкѣ „Devenir Social“ за 1898 г., г. Бенедетто Кроче чрезвычайно старательно критикуетъ ученіе Маркса и Энгельса о борьбѣ классовъ. Но и этотъ старательный критикъ, какъ видно, очень далеко отъ мысли о томъ, что борьбу классовъ проповѣдывали еще теоретики буржуазіи.

Укажемъ еще на Томаса Кэркопа, который, критикуя ученіе Маркса съ самыхъ различныхъ сторонъ и довольно подробно останавливаясь на „Манифестѣ“, не догадывается спросить себя, точно-ли мысль о классовой борьбѣ принадлежитъ исключительно Марксу.⁵⁴⁾

Съ критиками марксизма до сихъ поръ почти всегда происходили такія оканіи: они не замѣчали дѣйстви-

указанной, ни другихъ ошибокъ Вандервельда и даже кое-что прибавили къ нимъ изъ собственнаго запаса. Такъ, они называютъ Вандервельда „марксистомъ и притомъ однимъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей парламентарнаго социализма“. Последнее справедливо! Вандервельдъ дѣйствительно—одинъ изъ наиболѣе ученыхъ и талантливыхъ представителей социализма (парламентарнаго и всякаго другого) въ Бельгіи. Но марксистомъ онъ никогда не былъ, какъ могли бы убѣдиться въ этомъ его русскіе издатели, ознакомившись съ другими его сочиненіями.

⁵³⁾ См. Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert, SS. 1 и 2.

⁵⁴⁾ См. A History of Socialism by Thomas Kirkop, London 1900, главы 7, 8 и 9.

тельных промахов Маркса и Энгельса, но за то записывали на их счет такі ошибки, которыхъ тѣ никогда не дѣлали.

Но промахъ промаху рознь. Разумѣется, очень хорошо, когда основатели данной теоріи знаютъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и не ошибаются въ своихъ сужденіяхъ о нихъ. Однако никто не поставилъ бы Дарвину въ большую вину тѣхъ ошибокъ, которыя онъ сдѣлалъ бы, говоря о мѣстѣ, занимаемомъ его собственной теоріей въ исторіи ученій объ эволюціи. Но если кто-нибудь взялся за критику дарвинизма, а особенно, если бы онъ захотѣлъ написать исторію трансформизма, то они обязанъ былъ бы знать предшественниковъ Дарвина, и тогда было бы въ высшей степени странно, если бы онъ, говоря объ этихъ предшественникахъ, удовольствовался простымъ повтореніемъ того, что сказалъ о нихъ самъ Дарвинъ.

Тоже можно замѣтить о критикахъ марксизма и объ историкахъ социализма. Подъ ихъ перомъ совершенно непростительны такіе промахи по части „исторіи догмы“, которые были вполне понятны и извинительны подъ перомъ Энгельса или Маркса.

Но оставимъ пока критиковъ и вернемся къ предшественникамъ.

Во время реставраціи французская буржуазія пережила не одну бурю. Но, ободряемая своими недавними колоссальными побѣдами надъ аристократіей, она вѣрила, что нѣтъ силы, способной положить предѣлъ ея господству, и бодро смотрѣла въ будущее, находя, что очень пріятно быть на кораблѣ во время бури, когда знаешь, что не погибнешь. Она не боялась тогда говорить о классовой борьбѣ и насмѣшливо отказывалась позабыть исторію своей собственной классовой борьбы въ угоду выродившейся аристократіи. Но увы! Все течетъ, все измѣняется. Прошло какихъ-нибудь два-три десятка лѣтъ, и буржуазія была вынуждена взглянуть на классовую борьбу съ другой точки зрѣнія. Рабочій классъ, — вѣйшее населеніе, какъ называлъ его Гизо, — началъ борьбу противъ ея собственнаго классового господства. Вслѣдствіе этого кореннымъ образомъ измѣнилось настроеніе буржуазіи: изъ революціоннаго оно пре-

вратилось въ консервативное. Сорокъ-восьмой годъ былъ страшнымъ урокомъ для буржуазіи. Какъ хорошо поняла она смыслъ этого урока, видно изъ того, что съ этого времени ея теоретики стали проповѣдывать „соціальный миръ“. Всегда чрезвычайно внимательно и чутко относившійся къ положенію и нуждамъ „средняго класса“, Гизо уже въ январѣ 1849 г. выпустилъ брошюру: „De la Démocratie“, въ которой воспѣвается соціальный миръ, ведущій къ „свободѣ, спокойствію, благоденствію, достоинству“ и ко всѣмъ другимъ „вещественнымъ и духовнымъ благамъ“. Гизо и въ 1849 г. помнилъ, что соціальная война „сдѣлала“ исторію Франціи; но теперь война эта представляется ему уже не двигателемъ прогресса, а какимъ-то ящикомъ Пандоры, изъ котораго сыплются на его страну ужаснѣйшія бѣдствія. „Борьба различныхъ классовъ нашего общества наполняетъ собою нашу исторію, повторяетъ онъ. Революція 1879 г. была самымъ общимъ и самымъ могучимъ ея проявленіемъ. Дворянство и трезье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, собственники и пролетаріи, — все это лишь различныя формы и различныя фазы соціальной борьбы, отъ которой мы такъ долго страдаемъ... Это бичъ, это стыдъ, недостойный нашего времени. Внутренній миръ, миръ между различными классами гражданъ, соціальный миръ! Это самая важная потребность Франціи, это крикъ спасенія!“⁵⁵⁾

Преобладаніе среднихъ классовъ составляетъ характеристическую черту французской исторіи послѣ 1789 г. Указавъ на это, Гизо пишетъ цѣлый панегирикъ буржуазіи. Но онъ ясно видитъ, что ея господству грозитъ страшная опасность. „Теперь на арену вышелъ новый борецъ. Демократическій элементъ подраздѣлялся. Противъ среднихъ классовъ выдвигаютъ рабочіе классы, противъ буржуазіи — пролетаріатъ. И эта новая война тоже ведется на смерть, потому что новый претендентъ также исключителенъ, какъ и всѣ прочіе.“⁵⁶⁾

Пролетаріатъ грозитъ уничтожить господство „сред-

⁵⁵⁾ De la Démocratie, Paris 1849, p. 35.

⁵⁶⁾ Ibid., p. 107

нихъ классовъ“. „Средніе классы“ боятся пролетаріата, и потому ихъ теоретики проповѣдуютъ *миръ*. Но прочный миръ можетъ быть заключенъ только тогда, когда пролетаріатъ перестанетъ оспаривать право буржуазіи на существованіе. Гизо прекрасно понимаетъ это. Онъ доказываетъ теперь, что всѣ классы, существующіе во Франціи, составляютъ „естественные, глубокіе элементы французскаго общества“⁵⁷⁾ И онъ утверждаетъ, что признаніе справедливости этой мысли всѣми борющимися между собою сторонами было бы огромнымъ шагомъ впередъ въ направленіи къ социальному миру. Въ самомъ дѣлѣ, признавъ справедливость этой мысли, пролетаріатъ тѣмъ самымъ призналъ бы „естественность“ своего подневольнаго положенія. Но это-то и нужно было перепуганному идеологу буржуазіи.

Не одинъ Гизо проповѣдовалъ социальный миръ и не одинъ Гизо измѣнилъ свое отношеніе къ классовой борьбѣ послѣ того, какъ на арену выступилъ „новый борецъ“. Мы уже знаемъ, какъ относился Минье къ „безчинствамъ“ парижской Коммуны. Что касается Ог. Тьерри, то для его настроенія послѣ 1848 г. характерно предисловіе его къ „Essai sur l'histoire du Tiers-Etat“, вышедшему въ 1853 г. Исторія третьяго сословія была исторіей социальной войны средняго класса съ аристократіей. Ог. Тьерри былъ, какъ мы знаемъ, однимъ изъ первыхъ, обратившихъ вниманіе читающей публики на классовую характеръ этой войны. Отрицать этотъ характеръ значило бы лишить исторію третьяго сословія всего ея значенія. Но съ другой стороны, въ 1853 году Тьерри уже не могъ говорить о классовой борьбѣ безъ серьезныхъ оговорокъ. И вотъ онъ оговаривается. Онъ замѣчаетъ, что классовая борьба, составляющая предметъ его книги, не имѣетъ ничего общаго съ классовой борьбой пролетаріата противъ буржуазіи. Описываемая имъ борьба была благодѣтельна по своимъ послѣдствіямъ и велась въ теченіе цѣлыхъ столѣтій, а борьба пролетаріата съ буржуазіей началась „только вчера и совершенно нарушаетъ общественную безопасность“. Классовой интересъ пролета-

⁵⁷⁾ Ibid., p. 105.

ріата кажется ему *узкимъ*, а классовой интересъ третьяго сословія очень *широкимъ*, потому что третье сословіе охватывало всю націю, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

Это разсужденіе чрезвычайно характерно въ психологическомъ отношеніи, хотя, — какъ мы увидимъ ниже, — сторонникамъ революціонной борьбы съ буржуазіей очень легко было опровергнуть Ог. Тьерри его же собственными доводами.

Научное убѣжденіе въ исторической важности классовой борьбы было, однако, такъ сильно у французскихъ историковъ временъ реставраціи, что когда у нихъ проходилъ страхъ передъ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата, они снова начинали говорить своимъ прежнимъ языкомъ. Для примѣра мы опять сошлемся на Гизо.

Въ 1858 г. онъ издалъ свои „Воспоминанія“, въ первомъ томѣ которыхъ рѣчь идетъ именно о томъ времени, когда онъ съ пылкимъ энтузіазмомъ молодости проповѣдывалъ классовую борьбу средняго класса съ аристократіей. Упомянувъ о своей брошюрѣ „Du gouvernement de la France“, представляющей, какъ мы уже знаемъ, самое горячее воззваніе къ такой борьбѣ, Гизо признается, что, перечитавъ ее черезъ 36 лѣтъ послѣ ея выхода, онъ вынесъ такое впечатлѣніе: „Разсматривая вещи по существу и въ нихъ самихъ, какъ историкъ и какъ философъ, я не вижу въ своей брошюрѣ ничего такого, что я долженъ былъ бы взять назадъ. Я продолжаю думать, что высказанныя въ ней общія идеи справедливы, великіе социальные факты правильно оцѣнены, политическіе дѣятели хорошо поняты и вѣрно изображены... Но... я слишкомъ много требовалъ отъ людей“.

Научная добросовѣстность взяла верхъ надъ страхомъ передъ „новымъ борцомъ“, и престарѣлый теоретикъ буржуазіи уже не смотритъ на классовую борьбу, какъ на стыдъ и горе Франціи. Онъ утверждаетъ, что въ брошюрѣ „Du gouvernement“ социальные факты оцѣнены вѣрно, а это значитъ, что социальная война — борьба классовъ — *сдѣлала исторію Франціи*. Откровенно высказывая это, Гизо обнаружилъ несравненно больше уваженія къ научной истинѣ, чѣмъ всѣ тѣ ны-

иѣшніе „ученые“, которые избѣгаютъ упоминанія о классовой борьбѣ съ такимъ же стараніемъ, съ какимъ христіане должны, по совѣту апостола Павла, избѣгать всякихъ разговоровъ о „мерзостяхъ“, запрещенныхъ седьмой заповѣдью.

Итакъ, было время, когда буржуазія прекрасно понимала историческую роль классовой борьбы. Если она теперь не понимаетъ или дѣлаетъ видъ, что не понимаетъ этой роли, если она проповѣдуетъ „соціальный миръ“, то это очень хорошо объясняется дальнѣйшей исторіей буржуазнаго общества, страхомъ передъ „новымъ борцомъ“. И если въ настоящее время теоретики буржуазіи охотно распространяются на тему о „соціальномъ мирѣ“ и ставятъ въ тяжелую вину соціально-демократамъ ихъ проповѣдь классовой борьбы, то соціально-демократы могутъ отвѣтить имъ, какъ отвѣчалъ когда-то Гизо теоретикамъ аристократіи: „Выродившіеся потомки класса нѣкогда безраздѣльно господствовавшего надъ цивилизованнымъ миромъ и заставлявшего трепетать королей, вы отрекаетесь отъ своихъ предковъ и отъ своей исторіи!“ И подобно Гизо мы имѣемъ право насмѣшливо удивляться тому, что наши противники стали слишкомъ смиренны въ своихъ воспоминаніяхъ, и пропически спрашивать ихъ: „неужели мы должны забыть исторію только потому, что ея выводы оказались неблагоприятными для васъ?“

А какъ понимать тѣхъ соціалистовъ, которые, подъ предлогомъ критики марксизма, хотя бы умалить значеніе классовой борьбы и подобно Его Превосходительству Господину Министру Милльрану заявляютъ, что не слѣдуетъ возстановлять рабочихъ противъ буржуазіи? Предоставляемъ судить объ этомъ самому читателю.

Въ настоящее время социализмъ не можетъ не стоять на точкѣ зрѣнія классовой борьбы. Но социалисты не всегда стояли наней. Пока социализмъ находился въ дѣтскомъ періодѣ своего развитія, его приверженцы тоже готовы были оплакивать классовую борьбу, какъ стыдъ и горе человѣчества. Этому какъ будто противорѣчатъ вышеизложенные взгляды Сень-Симона. Но не нужно забывать, что у Сень-Симона рѣчь вездѣ идетъ о борьбѣ *промышленниковъ* противъ *феодаловъ*, а не о борьбѣ про-

летаріата съ буржуазіей. Пролетаріатъ не существуетъ для Сень-Симона, какъ классъ, способный играть самостоятельную роль въ исторіи. Въ „Женевскихъ Письмахъ“ онъ говоритъ „неимущимъ“, что, захвативъ власть во время революціи, они сдумали создать только *голодь*. А въ своей „Промышленной системѣ“ онъ, желая побудить буржуазію къ принятію его воззрѣній, пугаетъ ее рабочимъ классомъ, въ средѣ котораго идеи равенства („турецкаго равенства“, какъ выражается онъ) могутъ, по его словамъ, получить широкое, но вредное для цивилизаціи значеніе.⁵⁸⁾ Буржуа-предприниматели были въ глазахъ Сень-Симона естественными руководителями рабочихъ. Авторы Манифеста справедливо говорятъ, что творцы утопическихъ системъ „видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самодѣятельности, никакого, свойственнаго ему политическаго движенія“. Вѣрные этому воззрѣнію, социалисты-утописты обращались не къ пролетаріату, а ко всему современному имъ обществу. Такъ Ж. Перейръ въ своихъ лекціяхъ о промышленности, читанныхъ въ парижскомъ Атенеѣ въ 1831 г., категорически заявлялъ отъ лица сень-симонистовъ, что они, какъ „люди прогресса“, хотя бы спасти все человѣчество, „а не тотъ или другой народъ, не тотъ или другой классъ“.⁵⁹⁾ Подобно этому и въ глазахъ фурьеристовъ однимъ изъ главныхъ достоинствъ доктрины ихъ учителя являлось то обстоятельство, что она не выражала собою борьбы „противоположныхъ интересовъ въ обществѣ“.⁶⁰⁾ Наконецъ, укажемъ еще на Луи Блана, который въ январѣ 1845 года писалъ во введеніи къ своей знаменитой брошюрѣ „Organisation du Travail“: „Въ этой книгѣ я обращаюсь къ вамъ, богатые, потому что въ ней говорится о бѣдныхъ. Ибо ихъ дѣло есть ваше дѣло“.⁶¹⁾

⁵⁸⁾ Du système industriel, Paris 1821, pp. 205-207.

⁵⁹⁾ Leçons sur l'industrie, Paris 1832, p. 39.

⁶⁰⁾ V. Considérant, Destinée sociale t. II, 3-e éd., pp. 8 и слѣд.

⁶¹⁾ Судите послѣ этого объ учености и глубокомысліи господина профессора Карьева, замѣчающаго въ своей статьѣ о книгѣ

Такие взгляды социалистов-утопистов представляют собою и в теоретическом, и в практическом отношении огромный шаг назад в сравнении с вышеизложенными взглядами идеологов революционной буржуазии и объясняются неразвитостью тогдашнего капитализма. Они не остались, конечно, без вредного влияния на развитие классового самосознания рабочих, но они не остановили этого развития и не могли остановить его. Рост капитализма вел за собою как численный рост пролетариата, так и умственное его пробуждение. Уже в октябре 1836 г. существовавший в Лондоне „Рабочий Союз“ принял устав, который очень недвусмысленно указывал на необходимость разрыва рабочего класса с партиями господствующих классов.⁶²⁾ С другой стороны во Франции большинство членов тайных революционных обществ вербуется в среде рабочего класса. Какія идеи распространялись между членами этих обществ, показывает слѣдующій отрывок из діалога, происходившаго при принятии новых членов в коммунистическое общество „Время Года“.

„Вопросъ. Изъ кого состоитъ теперь аристократія?
„Отвѣтъ. Родовая аристократія была уничтожена въ

„Къ вопросу о развитии материалистического взгляда на историю“: „Авторъ сдѣлалъ непростительную ошибку, оставивъ безъ разсмотрѣнія историка-соціалиста Луи Блана, который выступилъ много раньше Маркса, и въ воззрѣніяхъ котораго мы видимъ, съ одной стороны дальнѣйшее развитие взглядовъ О. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи, а съ другой, и дальнѣйшее развитие идеи Сентъ-Симона“ (Старые и новые этюды объ экономическомъ материализмѣ, С.-Петербургъ 1896, стр. 211).

Ог. Тьерри и Гизо въ свое время проповѣдывали классовую борьбу средняго класса съ дворянствомъ. Вся исторія Франціи учила, по ихъ словамъ, тому, что третье сословіе не дожидется никакихъ добровольныхъ уступокъ отъ аристократіи. Луи Бланъ увѣрялъ, что дѣло бѣдныхъ есть дѣло богатыхъ, и обращался со своимъ проектомъ организаціи труда не къ пролетариату, а къ буржуазіи. Г. Карбень называетъ это дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ Ог. Тьерри и Гизо на классовую борьбу въ исторіи. Это свидѣлствуетъ лишь о неравности его собственныхъ взглядовъ на классовую борьбу и на исторію социализма.

⁶²⁾ Die Entstehung und die ökonomische Grundsätze des Chartismus von Dr. John L. Tildsley, Jena 1898, стр. 2-4.

июль 1830 г.; теперь аристократами являются богачи, которые составляютъ такую же жадную аристократію, какъ и старая.

В. Можно-ли ограничиться низверженіемъ правительства?

О. Надо уничтожить всѣхъ аристократовъ и всѣ привилегіи, иначе ничего не выйдетъ.

В. Принадлежатъ-ли къ народу тѣ, которые, подобно аристократамъ, имѣютъ права, не исполняя никакихъ обязанностей?

О. По настоящему они не должны принадлежать къ нему. Они представляютъ собою для общественнаго тѣла то же, что нарывъ для тѣла отдѣльнаго человѣка. Устраненіе нарыва есть первое условіе выздоровленія. Уничтоженіе аристократіи есть первое условіе возвращенія общественнаго тѣла къ справедливому состоянію“ и т. д.⁶³⁾

Съ нашей нынѣшней точки зрѣнія, практическія программы тогдашнихъ коммунистовъ-заговорщиковъ являются еще менѣе удовлетворительными, чѣмъ ихъ теоретическія воззрѣнія. И однако ихъ твердая увѣренность въ томъ, что освобожденіе рабочего класса („народа“) немислимо безъ борьбы съ высшими классами („аристократіей“), очень выгодно отличаетъ ихъ отъ социалистовъ-утопистовъ. Конечно, борьба кучки людей, составившихъ заговоръ во имя народныхъ интересовъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа *классовой* борьбою. Но когда главный контингентъ заговорщиковъ поставляется рабочими, заговоръ представляетъ собою *зародки* революционной борьбы рабочего класса. А взглядъ общества „Время Года“ на „аристократію“ указываетъ на тѣсную генетическую связь идей тогдашнихъ французскихъ революціонеровъ-коммунистовъ съ идеями буржуазныхъ революціонеровъ восемнадцатаго вѣка и либеральной оппозиціи реставраціонной эпохи. Мы видѣли, что *классовой* интересъ пролетариата казался Огюстену Тьерри узкимъ, а интересъ третьяго сословія широкимъ, такъ какъ сословіе это охватывало

⁶³⁾ De la Hodde, Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain, Paris 1850, p. 224.

ясю націю, за исключеніємъ аристократіи. Французскіе революціонеры-коммунисты исходили, подобно Огюстэну Тьерри, изъ сознанія необходимости бороться противъ *аристократіи* въ интересахъ *всей остальной части общества*. Но они справедливо указывали на то, что родовая аристократія уступила мѣсто денежной и что поэтому, борьба за широкіе общественные интересы должна вестись уже не противъ дворянства, а противъ буржуазіи. Логика была, очевидно, на ихъ сторонѣ, и они имѣли полное право упрекать своихъ буржуазныхъ противниковъ въ непослѣдовательности.

По мѣрѣ того, какъ росло и обнаруживалось противорѣчіе интересовъ эксплуатируемыхъ съ интересами эксплуататоровъ, росло и крѣпло сознаніе необходимости борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей. Но въ самомъ сознаніи этомъ было еще очень много утопическихъ элементовъ. Въ коммунистической и социалистической литературѣ сороковыхъ годовъ понятіе о борьбѣ классовъ далеко еще не достигало той степени ясности, какая была ему свойственна, напримѣръ, у Гизо. Въ этомъ отношеніи буржуазная идеологія превзойдена была только Манифестомъ.

Взглядъ Маркса и Энгельса на борьбу классовъ, на значеніе политики въ этой борьбѣ и на зависимость государственной власти отъ господствующихъ классовъ тождественъ со взглядами на тѣ же предметы Гизо и его единомышленниковъ. Вся разница въ томъ, что одни отстаиваютъ интересы пролетаріата, между тѣмъ какъ другіе защищали интересы буржуазіи. Мѣстами Манифестъ говоритъ языкомъ памфлетовъ Гизо или, если хотите, нѣкоторые памфлеты Гизо отчасти говорятъ языкомъ Манифеста.⁶⁴⁾ Но у авторовъ Манифеста понятіе о борьбѣ классовъ является составною частью стройной исторической теоріи, между тѣмъ какъ

⁶⁴⁾ Для примѣра напомнимъ приведенные выше строки изъ брошюры Гизо о демократіи, написанной въ 1849 году: „Борьба различныхъ классовъ наполняетъ собою всю нашу исторію... Дворянство и третье сословіе, аристократія и демократія, буржуазія и работники, все это лишь различныя формы и различныя фазы социальной борьбы“... Это почти дословно то, что говорится въ началѣ первой главы Манифеста.

въ исторической теоріи Гизо, Тьерри, Минье и другихъ современныхъ имъ идеологовъ буржуазіи еще не сведены концы съ концами. И это составляетъ, разумѣется, огромное преимущество „соціальной философіи“ Маркса и Энгельса.

Ниже мы внимательно разсмотримъ это преимущество. Но прежде нужно подвергнуть критикѣ нѣкоторыя „критическія“ замѣчанія нѣкоторыхъ критиковъ марксизма.

Г. Вернеръ Зомбартъ говоритъ:

„Начиная Коммунистическій Манифестъ словами: ‚Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ‘, Карлъ Марксъ высказалъ одну изъ величайшихъ истинъ, наполняющихъ наше столѣтіе. Но онъ высказалъ не всю истину. Ибо не вѣрно то, что вся исторія общества сводится единственно къ борьбѣ классовъ. Если мы вообще хотимъ объять всемірную исторію одной формулой, то мы должны будемъ, я думаю, сказать, что вся исторія общества вращается вокругъ двухъ *противоположностей*, которыя я назову *соціальной* и *національной* противоположностью, понимая слово: *національность* въ самомъ широкомъ смыслѣ. Человѣчество въ своемъ развитіи сначала собирается въ общества, которыя первоначально ведутъ взаимную борьбу, но потомъ внутри ихъ начинается борьба ихъ членовъ за болѣе высокое положеніе... Такимъ образомъ, мы видимъ съ одной стороны стремленіе къ богатству, силѣ и значенію цѣлыхъ обществъ, а съ другой стремленіе къ тѣмъ же цѣлямъ отдѣльныхъ членовъ. Таковы, кажется мнѣ, двѣ противоположности, наполняющія собою всю исторію“.⁶⁵⁾

Марксъ нашелъ часть истины. Критически мыслящій г. Зомбартъ съ своей стороны дополнилъ сказанное Марксомъ, и теперь мы, къ нашему счастью и удовольствію, обладаемъ полной истиной, свободной отъ крайностей и преувеличеній. Это очень пріятно, но, во-первыхъ, взаимная борьба отдѣльныхъ членовъ общества за болѣе высокое положеніе не есть еще борьба классовъ, какъ это прекрасно доказываютъ своимъ примѣромъ современные намъ предприниматели, которые оже-

⁶⁵⁾ Sozialismus und soziale Bewegung im 19. Jahrhundert, SS. 1-2.

сточенно борются между собою за покупателей, но чужды всякой мысли о *классовой* борьбѣ съ себѣ подобными. А во-вторыхъ, что такое „національная борьба“ г. Зомбарта? Это есть не что иное, какъ борьба отдѣльных государствъ между собою. Спрашивается, неужели же авторы Манифеста упустили изъ виду историческое значеніе этой борьбы? Это было бы странно. Тѣмъ болѣе странно, что тѣ же авторы и въ томъ же Манифестѣ говорятъ, что буржуазія всякаго даннаго государства ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ государствъ (Манифестъ, стр. 13). Въ чемъ же дѣло? Просто на просто въ томъ, что г. Вернеръ Зомбартъ плохо понялъ мысль Манифеста.

Въ какомъ смыслѣ употребляетъ Марксъ слово: *общество*? Въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ употреблялъ его Гизо, разсуждая о заисненности *политическаго* строя отъ *общественнаго*.⁶⁶⁾ И у того, и у другого слово: *общество* есть сокращенное обозначеніе того, что они же называли гражданскимъ обществомъ *въ отличіе отъ государства*. Когда авторы Манифеста говорятъ, что буржуазія каждой данной страны ведетъ непрерывную борьбу съ буржуазіей другихъ странъ, то они имѣютъ въ виду борьбу *между государствами, международную* или — по терминологіи г. Вернера Зомбарта — *національную* борьбу. А когда они говорятъ, что вся исторія *общества* была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ, они подразумеваютъ исторію *гражданскаго общества* или, иначе, *внутреннюю исторію государствъ*.⁶⁷⁾ Эта исторія была, по ихъ мнѣнію, исторіей борьбы классовъ, и относительно *этой* исторіи съ ними по существу соглашается ихъ „критикъ“. Выходитъ, значитъ, что сдѣланная г. В. Зомбартомъ поправка есть не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія.

Маркса и Энгельса чаще всего „критикуютъ“ такимъ образомъ: сначала ихъ немножко не поймутъ или искажать, а потомъ немножко поправятъ. И такъ поступаютъ милостивые критики, а немилостивые совсѣмъ уже

⁶⁶⁾ См. выше стр. 27-28.

⁶⁷⁾ Ср. предсловіе къ „Zur Kritik“, гдѣ хорошо видно, какое значеніе придаетъ Марксъ слову „общество“. Ср. также „Die heilige Familie“, S. 189.

не стѣсняются съ ними: они безцеремонно приписываютъ имъ ахинею, глубокомысленно заявляя, что пора уже покончить съ марксовой „догмой“.

Бенедетто Кроче находитъ неяснымъ самое понятіе о борьбѣ классовъ. „Я готовъ сказать, — говоритъ онъ, — что исторія есть борьба классовъ: 1) когда существуютъ классы; 2) когда они имѣютъ противоположные интересы; 3) когда они сознаютъ ихъ противоположность. Но это привело бы насъ къ тому юмористическому положенію, что исторія есть борьба классовъ только тогда, когда она есть... борьба классовъ! Въ дѣйствительности, случалось, что классы не имѣли противоположныхъ интересовъ, и очень часто они не сознаютъ ихъ противоположности, что очень хорошо извѣстно социалистамъ, которые стараются, иногда безуспѣшно (такъ, напр., это до сихъ поръ не удавалось имъ въ крестьянской средѣ), породить ея сознаніе въ новѣйшемъ пролетаріатѣ“.⁶⁸⁾

Эти замѣчанія могутъ показаться на первый взглядъ довольно мѣткими и потому заслуживаютъ вниманія.

Борьба классовъ имѣетъ мѣсто только тамъ и только тогда, гдѣ и когда существуютъ классы. Это, конечно, совершенно вѣрно: странно было бы говорить о *классовой* борьбѣ въ такомъ обществѣ, въ которомъ отсутствуютъ классы. Но въ какомъ же обществѣ они отсутствуютъ? Только въ самомъ первобытномъ. Въ такомъ обществѣ есть своего рода равновѣсіе интересовъ. Но оно неустойчиво: уже на очень ранней ступени развитія, еще задолго до полного разложенія родовой организаціи, въ средѣ „дикарей“ появляется имущественное неравенство, а вслѣдъ за нимъ не только антагонизмъ интересовъ, но и *сознаніе этого антагонизма*. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ произведеній эскимосской поэзіи является сказка, герой которой, — сынъ *бѣдной* вдовы, — мститъ своимъ *богатымъ* сородичамъ за испытанныя имъ отъ нихъ униженія. А между тѣмъ у эскимосовъ до сихъ поръ еще чрезвычайно сильно чувство солидарности, воспитанное первобытнымъ коммунизмомъ.

⁶⁸⁾ Critique de quelques concepts du marxisme въ Devenir social, Fevrier 1898, pp. 121-122.

Кромѣ того, нужно помнить, что въ первобытномъ обществѣ очень рано возникаетъ раздѣленіе труда между мужчинами и женщинами, чѣмъ порождается *антагонизмъ половъ*, сказывающійся и въ пищѣ, и въ нравахъ, и въ развлеченияхъ, и въ искусствѣ, и даже въ языкѣ. Тому, кто упуститъ изъ виду матеріальныя и духовныя послѣдствія этого антагонизма половъ, останутся совершенно непонятными многія важныя стороны первобытной жизни. А если мы перейдемъ къ болѣе развитымъ обществамъ, то безъ труда замѣтимъ какъ существованіе въ нихъ различныхъ классовъ, такъ и ихъ непрерывную борьбу, отражающуюся и въ государственномъ устройствѣ, и въ правѣ, и въ религіи, и въ поэзи, и во всемъ вообще художественномъ творчествѣ.

Вѣрно и то, что интересы различныхъ общественныхъ классовъ не всегда *противоположны*. Но для возникновенія классового антагонизма достаточно простого *различія* интересовъ. Тамъ, гдѣ между бѣдными и богатыми еще не установилось отношенія наемниковъ къ нанимателямъ, не рѣдко замѣчается именно только это различіе, которое, однако, порождаетъ жестокую борьбу классовъ. А иногда для возникновенія классовой борьбы не нужно и имущественнаго неравенства, а достаточно различіемъстныхъ интересовъ, какъ это хорошо видно изъ первоначальной исторіи Аѳинъ съ ея борьбой между діакріями, паралиями и педіеями.⁶⁹⁾

Говоря, что антагонизмъ интересовъ не всегда сознается общественными классами, г. Кроче высказываетъ мысль, вѣрную только отчасти. Возьмемъ хоть русскую исторію. Много-ли въ ней можно насчитать открытыхъ, большихъ крестьянскихъ возстаній? Очень немного: возстанія Разина и Пугачева въ Великороссіи и казацкія войны въ Малороссіи наполняютъ собою лишь нѣкоторые, сравнительно весьма непродолжительные періоды, отдѣленные одинъ отъ другого болѣе или

⁶⁹⁾ См. Griechische Geschichte von E. Curtius, I. B., Berlin 1857, SS. 254-255; ср. Hegel's Philosophie der Geschichte (herausgegeben von E. Gans), S. 261: „Der Unterschied der Stände beruht auf der Verschiedenheit der Localität“.

менѣ длинными промежутками. Но чѣмъ характеризуются эти промежутки? „Соціальнымъ миромъ“? Нѣтъ, о соціальномъ мирѣ или хотя бы о перемиріи и тогда ничего не слышно. „Соціальная война“ не прекращается и въ эти промежутки, она только измѣняетъ свой характеръ, *изъ явной дѣлаясь скрытою*. Общество по прежнему остается раздѣленнымъ на два враждебныхъ лагеря: здѣсь — „паны“, „господа“; тамъ — „хлопы“, „мужики“. Каждый изъ этихъ двухъ лагерей очень хорошо видитъ стѣну враждебныхъ чувствъ, взглядовъ и дѣйствій, отдѣляющую его отъ другого лагеря: „господа“ бранятъ „мужиковъ“ и стараются „подтянуть“ ихъ какъ можно больше, „мужики“ смѣются надъ „господами“ и сопротивляются „подтягиванію“ всѣми зависящими отъ нихъ способами. И каждый годъ, даже каждый мѣсяцъ скрытая война то тамъ, то здѣсь переходитъ въ явную, ограниченную, правда, малымъ райономъ: мужики „бунтуютъ“; господа „усмиряютъ“ съ помощью находящейся въ ихъ распоряженіи военной силы. Наши народники были правы, утверждая, что борьба крестьянъ за землю и волю проходитъ красною нитью черезъ всю русскую исторію. Но что же такое эта борьба за землю и волю, если не классовая борьба съ помѣщиками и съ государствомъ, въ которомъ распоряжались тѣ же помѣщики? „Мужикъ“ прекрасно сознавалъ противоположность своихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ. И если, тѣмъ не менѣе, борьба, веденная имъ, не можетъ быть названа *сознательной классовой борьбою*, то только потому, что для сознательной классовой борьбы недостаточно видѣть антагонизмъ интересовъ, а нужно еще понимать, какими средствами могутъ быть побѣждены люди, защищающіе противоположные интересы. Русское крестьянство, какъ извѣстно, не отличалось этимъ пониманіемъ. Поэтому и веденная имъ борьба была въ значительной степени „стихийной“ борьбою. Но она не переставала быть классовой борьбою.

Г. Кроче смѣшиваетъ сознательную борьбу съ сознательнымъ антагонизмомъ и потому думаетъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ *сознательной* классовой борьбы, классовая борьба совершенно не имѣетъ мѣста. Онъ не понимаетъ, что

болѣе или менѣе ожесточенная, явная или скрытая, сознательная или бессознательная классовая борьба есть повсемѣстное слѣдствіе раздѣленія общества на классы.

Вѣрно, наконецъ, и то, что современные социалисты всѣми силами стараются развивать самосознаніе рабочихъ. Но мы не понимаемъ, какимъ образомъ г. Кроче можетъ ссылаться на этотъ безспорный фактъ, какъ на доводъ противъ ученія о борьбѣ классовъ. О современныхъ социалистахъ можно сказать словами Манифеста: они отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуа, они всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ. Но изъ этого вытекаетъ только тотъ выводъ, что не всѣ рабочіе отличаются одинаковой степенью классового самосознанія и не всѣ одинаково хорошо понимаютъ общіе интересы рабочего движенія.

Раздѣленіе общества на классы вызывается экономическимъ его развитіемъ. Но ходъ *идей* опережается ходомъ *вещей*. Поэтому *сознаніе* людьми отношеній, существующихъ между ними въ общественномъ процессѣ производства, отстаетъ отъ *развитія* этихъ отношеній. Кромѣ того, даже въ предѣлахъ одного и того же класса сознаніе развивается не одинаково быстро: одни изъ его членовъ раньше, другіе позже схватываютъ сущность данного порядка вещей. Этимъ создается возможность идейнаго воздѣйствія передовыхъ на отсталыхъ, социалистовъ на такихъ пролетаріевъ, которые еще не дошли до социалистическаго міросозерцанія.⁷⁰⁾ Г. Кроче хочетъ, повидимому, сказать, что классового сознанія вовсе нѣтъ тамъ, гдѣ еще нужно развивать его. Но, во-первыхъ, недостаточное развитіе самосознанія еще не означаетъ его отсутствія. А, во-вторыхъ, если бы и можно было встрѣтить теперь такихъ рабочихъ, которые вѣрили бы въ гармонію ихъ интересовъ съ интересами предпринимателей, то о такихъ отсталыхъ и совершенно лишенныхъ классового само-

⁷⁰⁾ Что это воздѣйствіе совершается въ общемъ совѣмъ не „безуспѣшно“, доказывается повсемѣстнымъ ростомъ социалистической партіи.

сознанія рабочихъ нужно было бы сказать, что они еще не раздѣлялись съ міросозерцаніемъ, свойственнымъ періоду классовой борьбы другого рода: борьбы третьяго сословія съ аристократіей. Тогда третье сословіе еще не сознавало экономического антагонизма, таившагося въ его собственныхъ нѣдрахъ. Нельзя удивляться, если взгляды, выработавшіяся въ эпоху классовой борьбы одного рода, отчасти сохранились, какъ пережитокъ, до нашей эпохи, ознаменовавшейся классовой борьбой другого рода: вѣдъ развитіе сознанія отстаетъ отъ развитія экономки.

Выходитъ, что въ современномъ обществѣ, куда ни оглянешься, вездѣ увидишь вліяніе борьбы классовъ. Выходитъ также, что „юмористическія“ положенія высказываетъ не кто другой, какъ самъ г. Кроче.

Г. Кроче — умный и способный человѣкъ. Но въ его мышленіи не достаетъ диалектическаго элемента, и этимъ недостаткомъ обуславливаются почти всѣ его „критическія“ потуги и неудачи.⁷¹⁾

Пойдемъ дальше. Выше мы сказали, что авторы Манифеста обладали стройной исторической теоріей, между тѣмъ какъ въ историческихъ взглядахъ идеологовъ буржуазіи не были сведены концы съ концами. Теперь намъ надо пояснить и доказать это.

Ог. Тьерри, Минье, Гизо и другіе историки, стоявшие на точкѣ зрѣнія интересовъ „средняго класса“, видѣли въ имущественныхъ отношеніяхъ самую главную, самую глубокую основу политическаго строя данной страны и даже взглядовъ, господствовавшихъ въ ней.⁷²⁾ Въ этомъ

⁷¹⁾ Замѣтимъ мимоходомъ, что отождествленіе „престыжн“ съ „новѣйшими пролетаріями“ въ высшей степени странно со стороны человѣка, все таки не дурно знакомаго съ литературой предмета.

⁷²⁾ Если это предисловіе попадетъ въ руки ученаго профессора Карьева, то онъ воскликнетъ по нашему адресу, какъ воскликнулъ уже по адресу другого писателя: „это говорится о Гизо, признававшемъ такую важную роль за индивидуальнымъ развитіемъ! Это говорится объ Ог. Тьерри съ его теоріей расъ, играющей такую роль въ объясненіи событій!“ (Старые и новые этюды“, стр. 209). Но ученый профессоръ воскликнетъ такъ только по незнанію дѣла. Гизо дѣйствительно приписывалъ большое значеніе индивидуальному развитію, но это развитіе фигурируетъ

отношеніи ихъ взгляды мало чѣмъ отличаются отъ взглядовъ Маркса и Энгельса, и когда Марксъ вносльдствіи писалъ, что правовыя отношенія и государственныя формы не объясняются ни собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ чело-вѣческаго духа, а коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, совокупность которыхъ Гегель называлъ гражданскимъ обществомъ,⁷³⁾ — онъ только повторялъ выводы, къ которымъ значительно раньше его пришла, подъ влияніемъ общественнаго развитія и связанной съ нимъ борьбы классовъ, историческая наука. Вся разница сводилась къ тому, что у предшественниковъ Маркса происхождение имущественныхъ отношеній и интересовъ оставалось совсѣмъ не выясненнымъ, между тѣмъ какъ у Маркса оно выходило совершенно понятнымъ.

У Гизо, у Минье, у Тьерри и у всѣхъ историковъ и публицистовъ, стоявшихъ на ихъ точкѣ зрѣнія, имуще-

у него какъ желательное послѣдствіе общественнаго развитія, а не какъ одна изъ его основныхъ причинъ. Что касается Тьерри, то въ его исторической теоріи отводится большое мѣсто не „расамъ“, а завоеванію одной расы другою. Съ какою же цѣлью совершаются завоеванія? На этотъ вопросъ Тьерри не колеблясь отвѣтилъ бы: ради положительныхъ (имущественныхъ) интересовъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчаетъ его знаменитая книга *Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands*. Вспомните слѣдующее мѣсто. Передъ гастинской битвой одинъ изъ англосъ говоритъ: „Мы должны зацѣпиться потому, что дѣло идетъ не о новомъ королѣ, а совсѣмъ о другомъ предметѣ... Норманнъ раздалъ земли своимъ военачальникамъ, своимъ всадникамъ, всѣмъ своимъ людямъ... И если онъ сдѣлается нашимъ королемъ, онъ вынужденъ будетъ передать въ распоряженіе своихъ людей наше имущество, нашихъ женъ и дочерей. Съ своей стороны, Вильгельмъ завоеватель говоритъ своимъ воинамъ: „сражайтесь хорошенько и убивайте всѣхъ, ибо если мы побѣдимъ, мы всѣ будемъ богаты. То, что я приобрѣту, приобретете и вы, то, что я завуюю, завуете и вы; если у меня будетъ земля, будетъ она и у васъ“ (См. стр. 300 перваго тома парижскаго изданія 1825 года). Возраженія г. Карѣва противъ „экономическаго матеріализма“ такъ полны недоразумѣній и такъ безсодержательны, что заставляютъ вспоминать слова Прудона: „Il faut qu'un professeur parle, parle, parle, non pas pour dire quelque chose, mais pour ne pas rester muet“.

⁷³⁾ Zur Kritik der politischen Ökonomie, Vorwort.

ственные отношенія общества не рѣдко объяснялись *завоеваніемъ*. Но они сами указывали на то, что завоеваніе совершается ради извѣстныхъ „положительныхъ интересовъ“. Откуда же берутся эти интересы? Ясно, что ихъ существованіе обусловливается имущественными отношеніями какъ въ странѣ завоевателей, такъ и въ той странѣ, которая попадаетъ подъ ихъ иго.⁷⁴⁾ Получается заколдованный кругъ: имущественныя отношенія и интересы объясняются завоеваніемъ, а завоеваніе объясняется имущественными отношеніями и интересами. Пока историческая теорія не вышла изъ этого заколдованнаго круга, она по необходимости впадала въ эклектизмъ и въ противорѣчія. Такихъ противорѣчій не мало у всѣхъ вообще историковъ разсматриваемаго направленія.

Иногда историки апеллировали къ чело-вѣческой природѣ. Но одно изъ двухъ: чело-вѣческая природа или остается неизмѣнной въ продолженіе историческаго процесса, или она измѣняется. Если она остается неизмѣнной, то очевидно, что не ею могутъ быть объясняемы перемѣны, совершающіяся въ исторіи. А если она сама измѣняется, то ссылки на нее ничего не объясняютъ, такъ какъ намъ надо прежде всего объяснить причины ея собственныхъ измѣненій: новый заколдованный кругъ, новый источникъ противорѣчій и эклектизма въ исторической наукѣ.

Яркимъ примѣромъ такого эклектизма и такихъ противорѣчій можетъ служить знаменитая книга Токвиля „О Демократіи въ Америкѣ“, которую Ройе-Колларъ называлъ продолженіемъ книги Монтескье „О духѣ законовъ“. Токвиль говоритъ, что разъ данъ извѣстный соціальный строй, его можно разсматривать какъ первую причину большей части законовъ, обычаевъ и идей, „опредѣляющихъ собою поведеніе націй“. Чтобы понять законодательство и нравы даннаго народа, надо начать съ изученія соціальнаго строя.⁷⁵⁾ Но откуда же берется соціальный строй? Въ отвѣтъ на это Токвиль ссылается на чело-вѣческую природу. Мы уже

⁷⁴⁾ См. примѣчаніе 72.

⁷⁵⁾ См. De la Démocratie en Amérique, Paris 1836, t. I, p. 74.

знаемъ, что такія ссылки ничего не объясняютъ. Зналъ или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвалъ это и самъ Токвиль, который еще въ своихъ письмахъ изъ Америки говорилъ: „Здѣсь процвѣтаютъ такія учрежденія, которыя непременно вызвали бы переворотъ во Франціи. Люди здѣсь такіе же, какъ и у насъ, но только они поставлены въ другія условія“.⁷⁶⁾

Изъ этихъ словъ вытекаетъ тотъ неизбѣжный и несомнѣнный выводъ, что человѣческая природа совсѣмъ не даетъ намъ ключа для пониманія американскихъ учреждений.

Въ другихъ мѣстахъ Токвиль старается объяснить происхожденіе социальнаго строя дѣйствіемъ *законовъ*. Но такъ какъ, по его же словамъ, законодательство страны объясняется ея социальнымъ строемъ, то мы опять наталкиваемся на противорѣчіе. Самъ Токвиль болѣе или менѣе смутно сознавалъ это противорѣчіе и старался справиться съ нимъ. Но всѣ его усилія остались напрасными: его анализъ оказался въ этомъ случаѣ совершенно безсильнымъ.

Историческая теорія Маркса разрѣшаетъ это противорѣчіе и тѣмъ самымъ вноситъ ясность и послѣдовательность туда, гдѣ до тѣхъ поръ было много важныхъ частныхъ, глубокихъ мыслей и вѣрныхъ замѣчаній, но не было основного принципа, способнаго связать всѣ эти важныя частности, глубокія мысли и вѣрныя замѣчанія въ одно стройное цѣлое.

По теоріи Маркса, социальный строй — общественныя отношенія людей — объясняется ихъ *экономическими отношеніями*: „анатомію гражданскаго общества надо искать въ его экономіи“. Чѣмъ же создаются отношенія этого рода? Если бы Марксъ сталъ объяснять ихъ происхожденіе взглядами, чувствами или вообще „природой“ людей, то онъ попалъ бы въ тѣ же самыя противорѣчія, въ какихъ вращались его предшественники. Но Марксъ объясняетъ его совершенно иначе.

Чтобы *жить*, люди должны *производить*. Чтобы производить, они должны извѣстнымъ образомъ сочетать

⁷⁶⁾ Nouvelle correspondance de Alexis Tocqueville, Paris 1866; письмо къ отцу отъ 3-го іюня 1830 г.

свои успія, установитъ другъ съ другомъ извѣстныя отношенія, которыя у Маркса называются *производственными отношеніями*. Совокупность этихъ отношеній и составляетъ *экономическую структуру* общества, на основѣ которой вырастаютъ всѣ другія (соціальныя) отношенія людей и, между прочимъ, весь „*гражданскій бытъ*“, игравшій такую важную роль въ теоріяхъ французскихъ историковъ временъ реставраціи.

Въ каждую данную эпоху характеръ производственныхъ отношеній опредѣляется не „случаемъ“ и не „природой“ людей, а тѣми естественными условіями, среди которыхъ людямъ приходится бороться за свое существованіе. Отъ этихъ условій, — и прежде всего отъ свойствъ географической среды, — зависитъ состояніе *производительныхъ силъ*, находящихся въ распоряженіи людей. Данному состоянію производительныхъ силъ соотвѣтствуютъ данныя отношенія производства, а даннымъ отношеніямъ производства соотвѣтствуетъ данный социальный строй, свойства котораго, вліяя на психику людей, обуславливаютъ собою умственное, нравственное и все вообще такъ называемое *духовное* развитіе людей.

Но самый процессъ производства и сочетаніе человѣческихъ усилій въ этомъ процессѣ, увеличивая запасъ опыта, ведутъ къ дальнѣйшему развитію производительныхъ силъ, вслѣдствіе котораго возникаетъ и постепенно усиливается *несоотвѣтствіе* между этими силами съ одной стороны и производственными отношеніями съ другой. Прежде эти отношенія содѣйствовали дальнѣйшему росту производительныхъ силъ, теперь они начинаютъ задерживать его. Тогда начинается *революціонная эпоха* общественнаго развитія, которая рано или поздно заканчивается разрушеніемъ устарѣлыхъ производственныхъ, — а слѣдовательно, и имущественныхъ — отношеній и всего „гражданскаго быта“.

Борьба противъ устарѣлыхъ производственныхъ отношеній заставляетъ людей встать въ критическое отношеніе не только къ старому общественному порядку, но также къ тѣмъ идеямъ, къ тѣмъ чувствамъ, и вообще къ той „*психикѣ*“, которая выросла на почвѣ стараго порядка. Революціонному движенію въ области общественныхъ отношеній соотвѣтствуетъ, поэтому, революціонное дви-

женіе въ области духовной жизни. „Трудно-ли понять, — говорятъ Марксъ и Энгельсъ во второй главѣ Манифеста, — что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ, — мѣняются также ихъ представленія, воззрѣнія, понятія, словомъ все ихъ міросозерцаніе. Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной?“

Такова историческая теорія Маркса и Энгельса. Эта теорія пропитываетъ собою весь Манифестъ и составляетъ то, что можно, не рискуя ошибиться, назвать его основною мыслью.

Съ точки зрѣнія этой основной мысли авторы Манифеста оцѣниваютъ и свою собственную эпоху. Если они считаютъ ее *революціонной*, то именно и единственно потому, что они замѣчаютъ несоотвѣтствіе между созданными капитализмомъ производительными силами и собственными капитализму отношеніями производства. „Современное буржуазное общество, съ его организаціей производства и обмѣна, — говорятъ они, — какъ бы волшебствомъ создавшее такіа могущественныя средства производства и сообщенія, находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ вызванными его заклинаніями подземными силами. Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, исторія промышленности и торговли представляетъ собою исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, этихъ условій жизни для буржуазіи и ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества“ (Манифестъ, стр. 8.).

Такъ какъ буржуазныя отношенія производства ставятъ рабочихъ въ тяжелую зависимость по отношенію къ капиталу, то неудивительно, что въ ихъ средѣ существуетъ недовольство, которое растетъ вмѣстѣ съ ростомъ указаннаго противорѣчія и переходитъ въ революціонное движеніе, направляющееся противъ всего нынѣшняго общественнаго порядка. Буржуазія „не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертель-

ный ударъ, она породила также людей, которые направятъ это оружіе — современныхъ работниковъ, *пролетаріевъ*“ (Манифестъ, стр. 9.).

Все это показываетъ, до какой степени невѣрно характеризуется историческая теорія Маркса и Энгельса общеупотребительнымъ терминомъ: *экономическій материализмъ*. Если онъ долженъ обозначать теорію, признающую имущественный интересъ главнѣйшимъ двигателемъ историческаго прогресса, то французскихъ историковъ временъ реставраціи можно съ полнымъ правомъ назвать экономическими материалистами. Но эти „экономическіе материалисты“ были на самомъ дѣлѣ совершенно чужды материализма и оставались *идеалистами*, поскольку не дѣлались эклектиками. Происхожденіе имущественныхъ отношеній и интересовъ получало у нихъ совсѣмъ не материалистическое объясненіе. Если же теорія Маркса была насквозь пропитана материализмомъ, то вовсе не потому, что она отводила въ исторію чрезвычайно важную роль имущественнымъ интересамъ, а потому, что, пріурочивая развитіе этихъ интересовъ къ развитію производственныхъ отношеній, вызываемому ростомъ производительныхъ силъ, она впервые дала материалистическое объясненіе эволюціи общественной жизни и общественной мысли, совершенно устранивъ идеалистическое объясненіе этой эволюціи свойствами челоувѣческаго „духа“ или вообще челоувѣческой „природы“. Неудивительно, поэтому, что *полу-марксисты*, встающіе противъ *материализма*, упорно держатся за выраженіе: „экономическій материализмъ“.

Они понимаютъ, что подъ этимъ выраженіемъ могутъ укрыться совершенно идеалистическіе взгляды.⁷⁷⁾

Бывшій марксистъ и социалдемократъ, г. Э. Бернштейнъ находитъ, что историческая теорія Маркса и Энгельса наиболѣе точно обозначается предложеннымъ Бартомъ названіемъ: *экономическое пониманіе исторіи*. Послѣ всего сказаннаго излишне говорить, что это мнѣніе г. „критика“ основывается лишь на полномъ не-

⁷⁷⁾ Хорошій примѣръ: историческіе взгляды Сень-Симона имѣли идеалистическую основу, а между тѣмъ и онъ, какъ мы видѣли, былъ экономическимъ материалистомъ не меньше Минье, Гизо или От. Тьерри.

пониманіи истиннаго характера „критикуемой“ имъ теоріи.⁷⁸⁾

Разъ заговоривъ объ этомъ „критикѣ“, напомнимъ читателю, что, по его мнѣнію, историческая теорія Маркса и Энгельса сама прошла черезъ процессъ развитія, въ результатѣ котораго получилось нѣкоторое ограниченіе роли экономическаго „фактора“ въ исторіи въ пользу другихъ, *не-экономическихъ* „факторовъ“. Въ пользу этого своего мнѣнія г. Бернштейнъ приводитъ такіе доводы. Въ 1859 году, въ предисловіи къ „Zur Kritik der politischen Ökonomie“, Марксъ „признаетъ за опредѣляющій факторъ даннаго матеріальнаго производственнаго⁷⁹⁾ силы и производственнаго отношенія людей“, между тѣмъ какъ позже, въ спорѣ съ Дюрингомъ, Энгельсъ, „еще при жизни Маркса и въ согласіи съ нимъ“, даетъ историческому матеріализму другое „объясненіе“. Именно: „Тамъ значитъ, что, *послѣднихъ*⁸⁰⁾ *причины* всѣхъ общественныхъ перемѣнъ и переворотовъ надлежитъ искать не въ головахъ людей, а въ *измѣненіяхъ* способа производства и обмѣна. Но, *послѣднія* причины не исключаютъ одновременно дѣствующихъ другихъ причинъ, — причинъ второй, третьей и другихъ — степеней, и ясно, что чѣмъ значительнѣе рядъ такихъ причинъ, тѣмъ сильнѣе ограничивается какъ качественно, такъ и количественно опредѣляющая сила послѣднихъ причинъ. Фактъ вліянія ихъ остается, но окончательная форма вещей зависитъ не отъ него одного.“⁸¹⁾

⁷⁸⁾ Г. Бернштейнъ утверждаетъ, что: „на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи покоится ученіе о классовой борьбѣ“ (Условія возможности социализма, Лондонъ 1900, стр. 17). Читатель знаетъ теперь, что ученіе о классовой борьбѣ возможно не только на основѣ матеріалистическаго пониманія исторіи. Но какое дѣло до этого г. Бернштейну? Онъ „критикуетъ“, а не изучаетъ.

⁷⁹⁾ Русскій переводчикъ г. Э. Бернштейна поставилъ вмѣсто производительныхъ — производственныхъ силы („Условія возможности социализма“, стр. 6). Это совершенная безсмьслица.

⁸⁰⁾ Русскій переводчикъ вмѣсто „послѣднихъ“ причинъ поставилъ „конечныя“ причины, о которыхъ въ теоріи Маркса не можетъ быть и рѣчи.

⁸¹⁾ Ibid., стр. 9.

Г. Бернштейнъ думаетъ, что „въ позднѣйшихъ работахъ Энгельсъ еще больше ограничилъ опредѣляющую силу производственныхъ отношеній“. Въ доказательство онъ указываетъ на два письма Энгельса, напечатанныхъ въ „Sozialistischer Akademiker“ за октябрь 1895 года и написанныхъ — одно въ 1890, а другое въ 1894 г. Содержаніе этихъ писемъ хорошо характеризуется двумя цитатами, сдѣланными изъ нихъ г. Бернштейномъ.

Первая изъ нихъ гласитъ: „Такимъ образомъ, имѣются безчисленныя, взаимно-скреживающіяся силы, безконечная группа паралелограмовъ силъ, дающихъ *равнодѣйствующую*, — историческое событіе. — которая сама опять можетъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей, какъ цѣлое, безъ сознанія и воли, ибо то, что каждый въ отдѣльности желаетъ, встрѣчаетъ помѣху со стороны всѣхъ другихъ, и то, что получается, есть нѣчто, чего не желалъ никто“ (письмо 1890 г.).

Во второй цитатѣ мы читаемъ слѣдующее: „Политическое, правовое, философское, религіозное, литературное, художественное и проч. развитіе покоится на экономическомъ. Но всѣ они реагируютъ одно на другое и на экономической базисъ“ (письмо 1895 г.).

Сдѣлавъ эти цитаты, г. Бернштейнъ замѣчаетъ: „Читатель согласится, что это звучитъ нѣсколько иначе, чѣмъ приведенное въ началѣ мѣсто изъ Маркса“.⁸²⁾

„Въ началѣ“ имъ приведено мѣсто изъ знаменитаго предисловія къ „Zur Kritik“, говорящее о томъ, что способъ производства матеріальной жизни обуславливаетъ собою процессъ социальной, политической и умственной жизни. Допустимъ на минуту, что мѣсто это дѣйствительно „звучитъ“ иначе, чѣмъ вышеприведенныя цитаты изъ писемъ Энгельса, и посмотримъ, какъ „звучитъ“ Манифестъ, написанный за одиннадцать лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги „Zur Kritik der politischen Ökonomie“.

Мы уже обращали вниманіе читателя на то, что развитіе производительныхъ силъ признается тамъ самой глубокой причиной общественнаго развитія. Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Манифеста *тождественна* съ точкой зрѣнія предисловія къ „Zur Kritik“. А какъ

⁸²⁾ Тамъ же, стр. 9.

обстоять дѣло съ „паралелограммами силъ“ и со взаимодействіемъ различныхъ „факторовъ“ общественнаго развитія?

Манифестъ показываетъ, какимъ образомъ успѣхи буржуазіи въ экономической области вели ее къ политической борьбѣ и къ политическимъ завоеваніямъ, которыя въ свою очередь ложились въ основу ея дальнѣйшихъ успѣховъ въ области экономіи. Онъ объявляетъ, что *всякая классовая борьба есть борьба политическая*, и указываетъ пролетариату на захватъ имъ *политической* власти, какъ на необходимое условіе его *экономическаго* освобожденія. Словомъ, на счетъ политическаго „фактора“ мы читаемъ здѣсь то же самое, что и въ письмѣ Энгельса 1895 г.: политическое развитіе покоится на экономическомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ реагируетъ на экономической базисъ.

Выходитъ, что взглядъ, который кажется г. Бернштейну довольно позднимъ результатомъ эволюціи исторической теории Маркса и Энгельса, въ дѣйствительности былъ высказанъ еще съ 1848 г., т. е. въ такое время, когда, по гипотезѣ г. Бернштейна, Марксъ и Энгельсъ должны были быть — если здѣсь можно такъ выразиться, — „чистыми экономистами“.

Но вѣдь это выходитъ пока еще только по отношенію къ политическому „фактору“, а по отношенію къ другимъ это, можетъ быть, и не вѣрно?

Посмотримъ. Манифестъ говоритъ, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной: „Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII в., феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей“. Уже въ этихъ словахъ заключается признаніе взаимодействія между экономическимъ развитіемъ общества съ одной стороны и умственнымъ его развитіемъ съ другой. Но признаніе остается здѣсь скрытымъ и потому его еще можно оспаривать. Но послѣдняя глава Манифеста не оставляетъ уже ровно никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Въ этой главѣ, выясняя отношеніе коммунистовъ къ другимъ рабочимъ партиямъ, авторы говорятъ, что

коммунисты стремятся выработать въ умахъ рабочихъ какъ можно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетариата. Почему же коммунисты дѣлаютъ это? Очевидно, потому что признаютъ значеніе *идей*. Впрочемъ, авторы и сами спѣшатъ пояснить ихъ цѣль. Коммунистическая партія, говорятъ они, „хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи“. Здѣсь обнаруживается совершенно тотъ же взглядъ на значеніе *умственного* „фактора“, который мы отмѣтили по отношенію къ „фактору“ *политическому*: умственное развитіе основывается на экономическомъ, но затѣмъ, въ свою очередь, влізаетъ на него (черезъ посредство социальнo-политической дѣятельности людей). Выходитъ, что и идейный „факторъ“ былъ признаваемъ Марксомъ и Энгельсомъ не только во время полемики съ Дюрингомъ, но еще въ 1848 г. — и даже не только въ 1848 г.; а еще въ эпоху изданія „Deutsch-Französische Jahrbücher“. По крайней мѣрѣ относительно Маркса это ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія слѣдующія замѣчательныя строки изъ его статьи о гегелевской философіи права:

„Ни одинъ классъ не можетъ сыграть этой (освободительной) роли, не вызвавъ на время энтузіазма въ себѣ и въ массѣ. Въ теченіе этого времени онъ братается со всѣмъ обществомъ, его признаютъ *всеобщимъ представителемъ*, ему сочувствуютъ, какъ таковому; въ теченіе этого времени права и требованія этого класса являются правами и требованіями всего общества, а самъ онъ головой общества и его сердцемъ“.

Какъ видите, общественно-преобразовательная роль сознанія вообще и даже энтузіазма въ частности признается здѣсь самымъ категорическимъ образомъ. Психическій „факторъ“ реагируетъ на общественныя (а слѣдовательно и на экономическія) отношенія. А затѣмъ Марксъ поясняетъ, какимъ образомъ указанное имъ отношеніе всего общества къ „классу-освободителю“ вырастаетъ на почвѣ борьбы классовъ: „чтобы одно

сословіе явилось сословіемъ-освободителемъ *par excellence* нужно, чтобы какое-нибудь другое сословіе явилось въ общемъ сознаніи, наоборотъ, сословіемъ-поработителемъ. Отрицательно-универсальное значеніе французскаго дворянства и духовенства обусловило положительно-универсальное значеніе стоявшаго рядомъ съ ними и противъ нихъ класса буржуазіи⁸³⁾

Выводъ: Уже съ самаго начала своей дѣятельности основатели научнаго социализма выражали совершенно тотъ же взглядъ на взаимное отношеніе различныхъ „факторовъ“ историческаго развитія, какой мы встрѣчаемъ въ выпискахъ, дѣлаемыхъ г. Бернштейномъ изъ писемъ Энгельса, писанныхъ въ девяностыхъ годахъ. Да иначе и быть не могло: если бы въ началѣ своей политической карьеры Марксъ и Энгельсъ въ самомъ дѣлѣ не придавали значенія политическому и духовному „факторамъ“ и не допускали бы воздѣйствія ихъ на экономическое развитіе общества, то ихъ практическая программа была бы совершенно другая: они не говорили бы, что рабочій классъ не можетъ освободиться отъ экономическаго ига буржуазіи, не захвативъ въ свои руки политической власти. И точно также они не говорили бы о необходимости развитія самосознанія рабочихъ: зачѣмъ развивать его, если оно не играетъ никакой роли въ общественномъ движеніи, и если все дѣлается въ исторіи независимо отъ сознанія, одною силою экономической необходимости? Но кто же не знаетъ, что развитіе самосознанія рабочихъ было ближайшей практической задачей Маркса и Энгельса съ самаго начала ихъ общественной дѣятельности? А г. Бернштейну, какъ бывшему „марксисту“, не мѣшало бы также знать и то, что энергичная умственная работа, совершавшаяся въ началѣ сороковыхъ годовъ въ средѣ французскихъ и англійскихъ рабочихъ, служила Марксу однимъ изъ главныхъ доводовъ противъ тѣхъ писателей, которые, подобно Бруно Бауэру, не хотѣли знать „массы“ и возлагали все свои упованія на „критически-мыслящихъ личностей“⁸⁴⁾

⁸³⁾ Deutsch-Französische Jahrbücher, S. 82.

⁸⁴⁾ Die heilige Familie, S. 125.

Попробуемъ построить другую гипотезу: въ началѣ своей дѣятельности Марксъ и Энгельсъ смотрѣли на „факторы“ тѣми самыми глазами, какими смотрѣли на нихъ Энгельсъ въ девяностыхъ годахъ. А въ серединѣ этой дѣятельности, около времени выхода книги „Zur Kritik“, Марксъ — одинъ или вмѣстѣ съ Энгельсомъ — почему-либо измѣнилъ этотъ свой взглядъ и вдался въ ту крайность, какую открылъ г. Бернштейнъ въ предисловіи къ названной книгѣ.

Но и эта гипотеза не выдерживаетъ критики. Не выдерживаетъ по той причинѣ, что въ названномъ предисловіи высказывается какъ разъ тотъ же взглядъ на „факторы“, который, по мнѣнію г. Бернштейна, возникъ лишь въ результатѣ *эволюціи* исторической теоріи Маркса. Читатель безъ труда согласится съ нами, если дастъ себѣ трудъ вдуматься въ ту самую цитату, на которую ссылается нашъ глубокомысленный „критикъ“. „Способъ производства матеріальной жизни вообще обуславливаетъ собою процессъ социальной, политической и умственной жизни“. Это значитъ, что социальный, политическій и умственный „факторы“ вырастаютъ на экономической почвѣ.

Далѣе: „На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества приходятъ въ противорѣчіе съ существующими производственными отношеніями или... съ отношеніями собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ развивались. Эти отношенія перестаютъ быть формами, способствовавшими развитію производительныхъ силъ и становятся препятствіемъ для него. Тогда наступаетъ эпоха социальной революціи“⁸⁵⁾

Имущественныя отношенія относятся къ области *права*. Въ данное время данныя имущественныя отношенія способствуютъ развитію производительныхъ силъ. Это значитъ, что правовыя формы, выросшія на данномъ экономическомъ базисѣ, въ свою очередь реагируютъ на развитіе экономки. Потому, — и между прочимъ, бла-

⁸⁵⁾ Условія возможности социализма, стр. 6. Мы воспроизводимъ эту выписку, дѣлая необходимыя поправки въ ужасномъ русскомъ переводѣ ея.

годаря этому реагированію, — наступает такое время, когда данныя правовыя формы начинают мѣшать развитію производительныхъ силъ. Это опять значитъ, что эти формы реагируютъ, — хотя теперь уже въ обратномъ смыслѣ — на развитіе общественно-экономическихъ отношений. Вслѣдствіе противорѣчія между производительными силами и имущественными отношеніями наступаетъ эпоха социальной революціи. *Что* достигается этой революціей? *Какая* цѣль преслѣдуется ею? Устраненіе старыхъ и установленіе новыхъ отношений производства, новыхъ правовыхъ учрежденій. Для чего же нужно это устраненіе и это установленіе? Для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ. Это снова и снова означаетъ, что правовыя формы, выросшія на данной экономической основѣ, съ своей стороны вліяютъ на эту основу. Неужели это не то же самое, что говорилось въ Манифестѣ, повторялось почти во всѣхъ другихъ сочиненіяхъ Маркса и было указано въ цитируемыхъ г. Бернштейномъ письмахъ Энгельса?

А психическій „факторъ“? Можетъ быть, о немъ въ предисловіи говорится не то, что въ другихъ сочиненіяхъ Маркса и Энгельса? О немъ мало говорится въ предисловіи, но то, что говорится тамъ, нисколько не противорѣчитъ тому, что сказано въ письмахъ Энгельса. Развитіе производительныхъ силъ ставитъ людей въ извѣстныя отношенія производства, ведетъ къ возникновенію извѣстныхъ правовыхъ формъ. Даннымъ правовымъ формамъ соотвѣтствуютъ извѣстныя правовыя понятія людей. Съ дальнѣйшимъ развитіемъ производительныхъ силъ, по мѣрѣ того, какъ ихъ состоянію перестаютъ соотвѣтствовать старыя правовыя формы, въ головахъ тѣхъ людей, интересы которыхъ нарушаются такимъ несоотвѣтствіемъ, возникаетъ сомнѣніе въ пригодности и справедливости старыхъ правовыхъ учрежденій, у нихъ являюся новыя понятія о правѣ и о справедливости, соотвѣтствующія вновь достигнутой обществомъ ступени развитія производительныхъ силъ. Въ сторону этихъ новыхъ понятій о правѣ и о справедливости направляется практическая дѣятельность борцовъ противъ стараго порядка, ведущая къ созданію новыхъ правовыхъ учрежденій, дающихъ новый толчокъ

развитію производительныхъ силъ и т. д. и т. д. Это говорится въ предисловіи, и мы спрашиваемъ безпристрастнаго читателя, противорѣчитъ-ли это хоть на волосъ тому, это высказалъ Энгельсъ въ своихъ письмахъ?

Конечно, не противорѣчитъ. Но предисловіе написано болѣе отвлеченнымъ языкомъ и притомъ по совершенно другому поводу. Именно, въ предисловіи Марксъ хотѣлъ отгѣнить, что общественныя отношенія „не объясняются ни своей собственной природой, ни такъ называемымъ общимъ развитіемъ человеческого духа“. Съ этою цѣлью онъ выставлялъ на видъ преимущественно *экономическую основу* развитія названныхъ отношений. А Энгельсъ въ своихъ письмахъ обращался къ человѣку, который, — подобно многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, — думалъ, что въ теоріи „экономическаго материализма“ нѣтъ мѣста для дѣйствія политическаго, правового и духовнаго „факторовъ“, и потому онъ, мимоходомъ указавъ на экономическую основу всѣхъ этихъ „факторовъ“, особенно отгѣнял то обстоятельство, что эти „факторы“, выросши на экономической почвѣ, воздѣйствуютъ на нее съ своей стороны. Вотъ только и всего. Если бы г. Бернштейнъ былъ способенъ пойти хоть немного дальше *словъ* разбираемой имъ теоріи и проникнуть въ ея *содержаніе*, то онъ съ большою легкостью понялъ бы, что историческіе взгляды, изложенные въ предисловіи „Zur Kritik“, оставляютъ ровно столько-же мѣста для дѣйствія „причинъ второй, третьей и т. д. степеней“, какъ и ученіе, содержащееся въ Анти-Дюрингѣ, а заключающееся въ письмѣ отъ 1890 г. разсужденіе Энгельса о томъ, что историческія событія могутъ разсматриваться, какъ продуктъ силы, работающей безсознательно, есть то же самое, что въ предисловіи говоритъ Марксъ о дѣйствіи основной причины общественнаго развитія, независимой отъ сознанія и воли людей. Здѣсь — полнѣйшее тождество, а г. Бернштейнъ ухитрился понять слова Энгельса какъ нѣчто, измѣняющее смыслъ предисловія и дополняющее его. О „критика“!

Въ другомъ мѣстѣ своей брошюры нашъ „критикъ“ указываетъ на будто бы преувеличенную оцѣнку Марксомъ „творческой способности революціонной силы въ

дѣлѣ социалистическаго преобразованія современнаго общества“. Но революціонная сила есть сила политическая. Выходитъ, стало быть, что Марксъ грѣшилъ преувеличенной оцѣнкой творческой способности политической силы. Но тотъ же Марксъ, въ то же время и по словамъ того же „критика“, грѣшилъ тѣмъ, что не придавалъ значенія никакимъ другимъ „факторамъ“, кромѣ экономическаго. Пойми, кто можетъ!

Г. Бернштейнъ критикуетъ не только историческую теорію Маркса и Энгельса, но также и ихъ ученіе о борьбѣ классовъ. По его словамъ, борьба классовъ ставитъ въ настоящее время передъ пролетариатомъ уже не тѣ практическія задачи, на какія указывали авторы Манифеста. Борьба пролетариата съ буржуазіей въ наиболѣе развитыхъ странахъ цивилизованнаго міра не можетъ повести теперь къ диктатурѣ пролетариата, и потому разговоры о ней становятся простымъ фразерствомъ. Но пусть лучше говоритъ самъ г. Бернштейнъ.

„Имѣеть-ли, напр., смыслъ повторять фразу о диктатурѣ пролетариата въ такое время, когда во всевозможныхъ учрежденіяхъ представители социалдемократіи практически становятся на почву парламентской борьбы, пропорціональнаго представительства и народнаго законодательства, противорѣчащихъ диктатурѣ? Она въ настоящее время настолько пережита, что иначе нельзя согласить ее съ дѣйствительностью, какъ путемъ отнятія у слова диктатура его истиннаго значенія и приданія ему какого-нибудь смягченнаго смысла“.⁸⁶⁾

Во второй половинѣ 80-хъ годовъ у насъ появился особый видъ „соціалиста“, главная и, можно сказать, мучительная забота котораго заключалась въ томъ, чтобы не испугать либерала. Призракъ испуганнаго либерала до такой степени пугалъ социалистовъ этого вида, что внесилъ несказанную путаницу во всѣ ихъ теоретическія и практическія разсужденія. Г. Бернштейнъ очень напоминаетъ такихъ „соціалистовъ“. Его главная забота состоитъ въ томъ, чтобы какъ-нибудь не испугать демократическую буржуазію. Если онъ отказывается отъ матеріализма и рекомендуетъ вернуться къ

Канту, то единственно потому, что кантіанизмъ оставляетъ мѣсто для религіознаго суевѣрія, а г. Бернштейну не хочется шокировать религіозныя суевѣрія современныхъ буржуа. Если г. Бернштейнъ возстаетъ противъ матеріалистическаго ученія о необходимости, то лишь потому, что, будучи примѣнено къ общественнымъ явленіямъ, это ученіе не оставляетъ никакого мѣста для упованій пролетариата на благожелательность буржуазіи, а слѣдовательно, и для взаимнаго сближенія этихъ двухъ классовъ. Наконецъ, если г. Бернштейнъ не любитъ „фразы“ на счетъ диктатуры пролетариата, то это опять-таки единственно потому, что она неприятно рѣжетъ слухъ даже самой „демократической“ буржуазіи. Но людямъ, не пугающимся призрака испуганныхъ буржуа, вопросъ о диктатурѣ пролетариата представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ видитъ его г. критикъ.

Диктатура всякаго даннаго класса означаетъ — какъ это прекрасно зналъ еще Минье — *господство* этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для прямого или косвеннаго подавленія всѣхъ тѣхъ общественныхъ движеній, которыя нарушаютъ эти интересы.⁸⁷⁾ Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что, напр., французская буржуазія добилась диктатуры еще въ эпоху перваго Учредительнаго Собранія и затѣмъ, съ нѣкоторыми перерывами, продолжала пользоваться ею вплоть до нашихъ дней, когда даже такъ называемый г. Жоржесомъ социалистическій министръ г. Милльранъ не можетъ воспрепятствовать разстрѣливанію рабочихъ, осмѣливающихся не повиноваться капиталистамъ. При такомъ положеніи дѣлъ задача французскаго пролетариата состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы устранить „условія возможности“ этой диктатуры буржуазіи. Къ числу важнѣйшихъ изъ этихъ условій принадлежитъ неразвитость классового самосознанія производителей,

⁸⁷⁾ Просимъ читателя припомнить вышеприведенное положеніе Минье: „Извѣстно, что сила, достигшая господства, всегда овладѣваетъ учрежденіями“. Когда данный классъ „овладѣваетъ учрежденіями“, наступаетъ эпоха его диктатуры.

⁸⁶⁾ Условія возможности социализма, стр. 158.

значительная часть которых до сих пор еще находится под влиянием эксплуататоров. Одна из важнейших практических задач партии заключается, поэтому, в просвещении неприсвещенных, в подталкивании отсталых, в доразвитии недоразвитых. Парламентская и всякая другая легальная политическая деятельность представителей социалдемократии содействует осуществлению этой важной задачи, и потому заслуживает всякого уважения и одобрения. Но она хороша тем, что устраняет духовные условия возможности диктатуры буржуазии и создает духовные условия возможности будущей диктатуры пролетариата. Она не противоречит диктатуре пролетариата; она готовится ее. Называть фразой указание рабочим на необходимость диктатуры их класса может только тот, кто утратил всякое представление об „окончательной цели“ (Endziel) и думает лишь о „движении“ (Bewegung)... в сторону буржуазного социализма.

Но по словам г. Бернштейна классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, „и... надобно признать за шагъ назадъ, за политическій атавизмъ мысль о томъ, будто переходъ изъ капиталистическаго общества въ социалистическое долженъ непременно совершиться подъ формами развитія эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь въ самой не-совершенной формѣ современные методы пропаганды и проведения законовъ и не доставало необходимыхъ къ тому органовъ“.⁸⁸⁾

Диктатура даннаго класса есть, какъ мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своихъ интересовъ и для подавленія всѣхъ общественныхъ движений, прямо или косвенно угрожающихъ этимъ интересамъ. Спрашивается, можно-ли назвать политическимъ атавизмомъ стремленіе къ такому господству того или другаго класса современнаго общества? Нѣтъ, нельзя. Въ этомъ обществѣ существуютъ классы. Тамъ, гдѣ существуютъ классы, неизбежна классовая борьба.

Тамъ, гдѣ есть классовая борьба, необходимо и естественно стремленіе каждою изъ борющихся классовъ къ полной побѣдѣ надъ своимъ противникомъ и къ полному надъ нимъ господству. Буржуазія и ея идеологи могутъ осуждать — во имя „нравственности“ и „справедливости“ — такое стремленіе всякій разъ, когда пролетаріатъ обнаруживаетъ его съ замѣтной силой. Мы знаемъ, что уже въ январѣ 1849 г. Гизо называлъ классовую борьбу стыдомъ и горемъ Франціи. Но мы знаемъ также, что это осужденіе классовою борьбою и завоевательныхъ стремленій рабочаго класса было подсказано буржуазии лишь инстинктомъ самосохраненія, и что классовая диктатура представлялась ей совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, когда она еще вела свою многолѣтнюю тяжбу съ аристократіей и была твердо убѣждена въ томъ, что ея корабли не потопитъ никакая буря. Рабочему классу не можетъ и не должна импонировать та будто бы нравственность и та яко бы справедливость, къ которымъ зываютъ буржуа времени упадка.⁸⁹⁾ Минне говорилъ, что только силой можно добиться признанія своихъ правъ, и что до сихъ поръ нѣтъ другаго верховнаго владыки, кромѣ силы. Это было какъ нельзя болѣе справедливо въ эпоху борьбы третьяго сословія съ аристократіей, и это осталось какъ нельзя болѣе справедливымъ въ наше время борьбы пролетариата съ буржуазіей. Если бы мы вздумали увѣрять рабочихъ, что въ буржуазномъ обществѣ сила уже

⁸⁹⁾ И это темъ болѣе, что диктатура пролетариата положить конецъ существованію классовъ, а слѣдовательно, ихъ борьбѣ со всѣми, вызываемыми ею и неизбежными теперь страданіями. Но буржуазія не хочетъ и, по своему общественному положенію, не можетъ понять это. Она стремилась къ диктатурѣ и находила ее необходимымъ и вполне позволительнымъ средствомъ достиженія цѣли во время своей борьбы съ аристократіей. Но она стала осуждать это средство и находить его излишнимъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ зашла рѣчь о диктатурѣ рабочаго класса. Это напоминаетъ дикаря, слѣдующимъ образомъ пояснившаго различіе между добромъ и зломъ: добро, это — когда я что-нибудь отниму у другихъ; а зло, это — когда у меня что-нибудь отнимутъ. И нужно имѣть много доброй воли, чтобы, подобно г. Бернштейну, находить убѣдительными доводы буржуазии, пускающейся мысли о диктатурѣ пролетариата.

⁸⁸⁾ Тамъ же, стр. 159.

не имѣетъ того значенія, какое она имѣла при „старомъ порядкѣ“, то мы сказали бы имъ явную и вопіющую неправду, которая — какъ и всякая неправда — только удлинитъ бы и увеличила бы „мученія родовъ“.

Правда, *сила* и *насиліе* совѣмъ не одно и то же. Въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ значеніе каждого государства опредѣляется его силой, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что признаніе права сильного въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предполагаетъ насильственные дѣйствія. Тоже — и въ *междуклассовыхъ* отношеніяхъ. Значеніе каждого даннаго класса всегда опредѣляется его *силой*, но для признанія его значенія далеко не всегда нужно *насиліе*. Роль насилія иногда стуживается, иногда расширяется въ зависимости отъ политическаго устройства данной страны. Г. Бернштейнъ думаетъ, что въ современныхъ демократическихъ странахъ рабочій классъ для достиженія своихъ цѣлей не имѣетъ надобности въ насиліи. Это слишкомъ оптимистическій взглядъ, внушенный нашему „критику“ его постоянной заботой о томъ, чтобы не испугать буржуазныхъ демократовъ. Современная Франція обладаетъ демократической конституціей, и однако никто изъ людей, знакомыхъ съ внутренней жизнью этой страны, не поручится за то, что ея пролетаріатъ не будетъ вынужденъ сопротивляться открытой силой насилію, испытываемому имъ со стороны буржуазіи. Болѣе того. Всякій, знакомый съ конституціей Франціи, скажетъ, что въ этой странѣ къ возстанію пролетаріата легко можетъ привести сама логика избирательнаго права.⁹⁰⁾ Или возьмите хоть Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Это — тоже демократическая страна. Но въ этой демократической странѣ освобожденіе негровъ могло быть куплено лишь цѣною междоусобія, и нельзя поручиться за то, что американскому пролетаріату не придется *насиліемъ* расширять себѣ путь къ своему экономическому освобожденію. По мнѣнію г. Бернштейна, „вся практическая дѣятельность социаль-демократіи сводится къ тому, чтобы создать такіа об-

⁹⁰⁾ Ср. J. Jaurès, Le socialisme français вѣ Cosmopolis, janvier 1898, pp. 119-121.

стоятельства и условія, которыя сдѣлали бы возможнымъ и необходимымъ переходъ современнаго общественнаго строя въ высшій безъ конвульсивныхъ потрясеній“.⁹¹⁾ Въ этихъ его словахъ есть доля истины. Социаль-демократія дѣйствительно заинтересована въ томъ, чтобы переходъ въ высшій общественный порядокъ совершился безъ потрясеній. Но значитъ-ли это, что она должна отказаться отъ мысли о диктатурѣ пролетаріата? Совѣмъ нѣтъ! Идя въ Пекинъ, союзныя европейско-американско-японскія войска были чрезвычайно заинтересованы въ томъ, чтобы занятіе китайской столицы совершилось безъ пролитія крови, но тѣмъ не менѣе они ни на одну минуту не покидали мысли объ ея занятіи. Никакая цѣль не можетъ измѣниться отъ того, что люди стремятся достигнуть ея съ наименьшими усилиями. Но когда люди твердо рѣшили во что бы то ни стало достигнуть данной цѣли, выборъ средствъ зависитъ уже не отъ нихъ самихъ, а отъ обстоятельствъ. И именно потому, что социаль-демократія не въ состояніи предвидѣть всѣ тѣ обстоятельства, при которыхъ рабочему классу придется завоевывать свое *господство*,⁹²⁾ она не можетъ принципиально отказываться отъ *насилъственнаго* способа дѣйствій. Она должна помнить старое, испытанное правило: если хочешь мира, готовься къ войнѣ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что самъ Энгельсъ подъ конецъ жизни настоятельно совѣтовалъ социалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ избѣгать насильственныхъ дѣйствій и оставаться на почвѣ мирной борьбы законными средствами.⁹³⁾ На это мы отвѣтимъ вотъ что.

Энгельсъ далъ этотъ свой совѣтъ, основываясь на трехъ соображеніяхъ: 1) на томъ, что социалистическая революція предполагаетъ высокое развитіе сознанія рабочей массы, для котораго нужно время⁹⁴⁾; 2) на томъ,

⁹¹⁾ Тамъ же, стр. 158.

⁹²⁾ Мы уже сказали раньше, зачѣмъ нужно пролетаріату такое господство.

⁹³⁾ См. его (помѣченное мартомъ 1895 г.) предисловіе къ сочиненію Маркса о классовою борьбѣ во Франціи въ 1848-1850 гг.

⁹⁴⁾ „Die Zeit der Übrumpelungen, der von kleinen bewussten

что нѣмецкіе охранители всѣми силами стараются теперь толкнуть нѣмецкую социаль-демократію на возстаніе, надѣясь разбить ее и тѣмъ положить конецъ ея непрерывнымъ успѣхамъ⁹⁵⁾, и 3) на томъ, что современное вооруженіе войска дѣлаетъ безнадежнымъ всякія попытки уличныхъ возстаній.⁹⁶⁾

Первыя два изъ этихъ соображеній не нуждаются ни въ какихъ „поправкахъ“ и ни въ какихъ комментаріяхъ. Они изложены такъ ясно и такъ очевидно справедливы, что противъ нихъ не станутъ возражать ни тѣ, которые дѣйствительно умѣютъ критиковать ученіе Маркса и Энгельса, ни даже тѣ, которые годны только на то, чтобы красоваться „подъ знакомъ критики“. Но эти два соображенія осуждаютъ не насильственные дѣйствія вообще, а только преждевременныя насильственные дѣйствія, и потому не имѣютъ ничего общаго съ доводами сторонниковъ „мирнаго развитія“ quand même.

Что касается третьяго соображенія, то при внимательномъ анализѣ смыслъ его оказывается не совсѣмъ такимъ, какимъ онъ представляется на первый взглядъ.

Развивая это соображеніе, Энгельсъ говоритъ, что до 1848 г. уличныя битвы не рѣдко приводили къ побѣдѣ инсургентовъ, но что это обуславливалось дѣйствіемъ весьма различныхъ причинъ. Въ Парижѣ, въ іюль 1830 и въ февралѣ 1848 года, и въ большинствѣ испанскихъ уличныхъ битвъ дѣло рѣшалось національной гвადіей, которая обезкураживала регулярное войско своимъ нерѣшительнымъ поведеніемъ или даже прямо переходила на сторону возставшихъ. Тамъ же, гдѣ она сразу и рѣшительно выступала противъ инсургентовъ, возстанія оканчивались неудачей. Такъ было, наур., въ Парижѣ въ іюль 1848 г. Во всякомъ слу-

Minoritäten an der Spitze bewusstloser Massen durchgeführten Revolutionen ist vorbei. Wo es sich um eine vollständige Umgestaltung der gesellschaftlichen Organisation handelt, da müssen die Massen selbst dabei sein, selbst schon begriffen haben, worum sich handelt, für was sie eintreten sollen... Damit aber die Massen verstehen, was zu thun ist, dazu bedarf es langer, ausdauernder Arbeit“ etc. Die Klassenkämpfe in Frankreich. Vorwort, S. 16.

⁹⁵⁾ Ibid., S. 17.

⁹⁶⁾ Ibid., SS. 14-15. •

чаѣ инсургенты побѣждали только тамъ и только тогда, гдѣ и когда имъ удавалось поколебать нравственную твердость войска. Даже въ классическое время уличной битвы баррикады имѣли болѣе нравственное, чѣмъ матеріальное значеніе. Затрудняя движеніе войска, онѣ давали инсургентамъ время подѣйствовать на его нравственное настроеніе. Но если войско не поддавалось вліянію инсургентовъ, оно всегда оставалось побѣдителемъ.

Если это такъ, если даже въ классическое время уличной борьбы исходъ возстанія всецѣло опредѣлялся нравственнымъ настроеніемъ войска, то интересующій насъ здѣсь вопросъ сводится къ слѣдующему: могли-ли бы въ настоящее время инсургенты повліять на войско въ благопріятномъ для себя смыслѣ? На этотъ вопросъ Энгельсъ отвѣчаетъ категорическимъ „нѣтъ“. Онъ говоритъ, что возставшіе не могли бы рассчитывать на теперъ, какъ въ 1848 г., на сочувствіе всѣхъ слоевъ населенія, и что хотя на ихъ сторону могло бы теперь стать больше людей, обученныхъ военному дѣлу, но имъ гораздо труднѣе было бы достать себѣ подходящее оружіе. Прибавляя къ этому, что съ 1848 года въ большихъ городахъ выросли новые кварталы, совершенно неудобные для постройки баррикадъ, Энгельсъ спрашиваетъ: „Понимаетъ-ли теперь читатель, почему господствующіе классы во что бы то ни стало хотятъ толкнуть насъ туда, гдѣ стрѣляютъ ружья и рубятъ сабли? Почему насъ называютъ теперь трусами за то, что мы не хотимъ, очертя голову, выходить на улицу, гдѣ насъ ждетъ вѣрное пораженіе? Почему насъ такъ настоятельно уговариваютъ выступить, наконецъ, въ роли пушечнаго мяса? Но напрасны просьбы этихъ господъ. Мы не такіе дураки“.⁹⁷⁾

Все это сказано очень рѣшительно и, повидимому, не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ взгляда Энгельса. Но замѣйте, что все разсужденіе его ведется въ виду *нѣмняго положенія* нѣмецкой социаль-демократіи, которая въ самомъ дѣлѣ поступила бы очень опрометчиво, поддавшись коварнымъ провокаціямъ

⁹⁷⁾ Ibid., S. 15.

господствующих классовъ. Разсужденіе, которое, казалось, имѣло общій характеръ, получаетъ особенный, частный смыслъ: читателю начинаетъ казаться, что Энгельсъ имѣлъ въ виду только нынѣшнее положеніе нѣмецкой социаль-демократіи. Это впечатлѣніе значительно подкрѣпляется слѣдующими словами Энгельса: „Какъ бы тамъ ни было съ другими странами, нѣмецкая социаль-демократія находится въ особомъ положеніи, и потому имѣетъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшее время, особую задачу“.⁹⁸⁾ Далѣе объясняется, почему германской партіи именно теперь невыгодно было бы прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Въ виду этого естественно является предположеніе, что мысль объ особенностяхъ современнаго положенія нѣмецкой партіи придавала специфическую окраску всему разсужденію Энгельса объ открытой борьбѣ рабочаго класса съ его эксплуататорами. Это предположеніе уступаетъ мѣсто увѣренности при чтеніи того мѣста въ концѣ предисловія, гдѣ Энгельсъ говоритъ, что въ виду постоянныхъ успѣховъ социаль-демократіи германское правительство можетъ, пожалуй, рѣшиться на отмѣну конституціи и на возвращеніе къ абсолютизму. Онъ намекаетъ здѣсь на то, что такая попытка приведетъ къ народному возстанію, о которое разобьются силы реакціонеровъ. Выходитъ, значитъ, что, по мнѣнію Энгельса, не всякое народное возстаніе безнадежно и въ настоящее время. Этотъ неизбежный выводъ еще болѣе подкрѣпляется заключительными строками предисловія, переносящими мысль читателя за 1600 лѣтъ назадъ, ко времени борьбы христіанства съ язычествомъ. Языческій міръ третировалъ христіанъ, какъ подрывателей основъ и жестоко преслѣдовалъ ихъ. Въ теченіе долгаго времени они могли работать на пользу своего дѣла лишь тайно, лишь въ подпольяхъ. Но мало по малу ихъ ученіе распространилось такъ сильно, что у нихъ оказались сторонники даже въ войскѣ: *„цѣлыя легионы обратились въ христіанство“* (курсивъ нашъ). И когда имъ приходилось по обязанностямъ службы присутствовать при религіозныхъ церемоніяхъ языческой церкви, эти воины,

⁹⁸⁾ Ibid., S. 17.

пропитанные духомъ новаго ученія, украшали крестомъ свои каски. Обычныя дисциплинарныя взысканія оказывались бессильными передъ ихъ дерзостью. Императоръ Диоклеціанъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ ними, издавъ „законъ противъ социалистовъ, то бишь — противъ христіанъ“. Собранія потрясателей основъ были объявлены незаконными, тѣ помѣщенія, гдѣ они происходили, были заперты, ношеніе крестовъ запрещено и т. д. и т. д. Триста-третій годъ ознаменовался сильнѣйшимъ гоненіемъ на христіанъ. Но это гоненіе было послѣднимъ въ своемъ родѣ. „Его дѣйствіе было такъ сильно, что по прошествіи семнадцати лѣтъ армія состояла преимущественно изъ христіанъ“, и Константинъ объявилъ христіанство господствующей религіей.⁹⁹⁾

Если эти строки мѣютъ какой-нибудь смыслъ, — а онѣ, разумѣется, не бессмысленны, — то именно тотъ, что социалисты восторжествуютъ тогда, когда революціонныя идеи проникнутъ въ армію и когда „легионы“ нашего времени заразятся социалистическимъ духомъ, а до тѣхъ поръ социалистической партіи слѣдуетъ избѣгать открытыхъ столкновеній съ войсками. Какъ видитъ читатель, это не совсѣмъ тотъ выводъ, какой обыкновенно дѣлаютъ изъ этого разсужденія Энгельса.

Но возможно-ли проникновеніе социалистическихъ идей въ армію? Не только *возможно*, а прямо *неизбѣжно*. Современная организація военнаго дѣла требуетъ всеобщей воинской повинности, а всеобщая военная повинность несетъ въ армію тѣ идеи, которыя распространяются въ народѣ. Чѣмъ шире будутъ распространяться въ массахъ социалистическія идеи, тѣмъ болѣе будутъ расти шансы успѣховъ инсургентовъ: вѣдь мы уже знаемъ отъ Энгельса, что исходъ уличной борьбы всегда опредѣляется настроеніемъ войска.¹⁰⁰⁾

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что не скоро „легионы“ поддадутся нашему влиянію. Но то, что открыто, еще не потеряно, какъ говорятъ французы. Рано или поздно социалистическія идеи все-таки проникнутъ

⁹⁹⁾ Ibid., S. 19.

¹⁰⁰⁾ Считаю не лишнимъ замѣтить, что баррикады представляютъ собою лишь частный случай борьбы открытой силой.

въ войско, п тогда мы посмотримъ, что останется отъ воинственнаго настроенія реакціонеровъ и не перестанутъ-ли они вызывать насъ на улицу...

Если мы сопоставимъ только-что анализированное нами разсужденіе Энгельса съ знаменитыми заключительными строками Манифеста Коммунистической Партіи¹⁰¹⁾, то мы увидимъ, что къ концу своей жизни Энгельсъ значительно измѣнилъ свой взглядъ на роль открытыхъ возстаній въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Между тѣмъ какъ въ эпоху опубликованія Манифеста онъ и Марксъ считали открытое возстаніе неизбѣжнымъ условіемъ побѣды рабочаго класса, Энгельсъ къ концу своей жизни призналъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ легальный путь тоже можетъ привести къ побѣдѣ, а на возстаніе сталъ смотрѣть какъ на такой способъ дѣйствій, который при современной техникѣ военнаго дѣла сулитъ социалистамъ не побѣду, а жестокое пораженіе, и не перестанетъ сулить его имъ до тѣхъ поръ, пока сама армія не проникнется социалистическимъ духомъ.

Этотъ новый взглядъ Энгельса заслуживаетъ, разумѣется, полнаго вниманія и уваженія, но онъ ни мало не противорѣчитъ тому, что мы сказали выше о возможномъ значеніи насильственныхъ дѣйствій въ революціонной борьбѣ рабочаго класса: онъ только выясняетъ намъ условія, необходимыя для успѣшности такого рода дѣйствій.¹⁰²⁾

¹⁰¹⁾ „Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и стремленія. Они открыто объявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго испроверженія всего современнаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы содрогаются передъ коммунистической революціей. Пролетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣтутъ же они цѣлый міръ.“ Манифестъ, стр. 39.

¹⁰²⁾ Въ 1892 году въ статьѣ „Der Sozialismus in Deutschland“ (Neue Zeit, X. Jahrg., I. B., S. 583) Энгельсъ, прямо указывая на быстрое проникновеніе социалистическихъ идей въ армію, восклицаетъ: „Какъ часто буржуа уговаривали насъ отказаться отъ употребленія насильственныхъ средствъ и не выходить изъ предѣловъ законности... Къ сожалѣнію, мы не можемъ допустить буржуа это удовольствіе (курсивъ нашъ, Г. П.)... Но это не мѣшаетъ намъ понимать, что въ настоящее время „за-

къ этому надо прибавить, что иное дѣло диктатура даннаго класса, а иное дѣло насильственныя дѣйствія, предпринимаемая этимъ классомъ въ своемъ стремленіи къ диктатурѣ. Во время реставраціи Гизо и его единомышленники чрезвычайно энергично и вполне сознательно стремились къ установленію диктатуры „средняго класса“, но никто изъ нихъ не думалъ о насильственныхъ дѣйствіяхъ вообще и объ уличномъ возстаніяхъ въ частности. Гизо навѣрное рѣзко осудилъ бы тогда всякій планъ такого возстанія. Но это не мѣшало ему быть *революционеромъ*, потому что онъ ни на минуту не переставалъ развивать въ умахъ людей „средняго класса“ сознание враждебной противоположности ихъ интересовъ съ интересами аристократіи и доказывать имъ, что всякая мысль о примиреніи съ ней есть *вредная химера*. Совершенно такими же революціонерами (только стоявшими на точкѣ зрѣнія другаго класса) явились Марксъ и Энгельсъ въ Манифестѣ Коммунистической Партіи, и совершенно такими же революціонерами остались они до послѣдняго своего издыханія. Въ этомъ отношеніи взгляды ихъ не измѣнились ни на волосъ, вопреки увѣреніямъ тѣхъ „критиковъ“, которые цѣликомъ состоятъ, по выраженію Маркса, изъ „съ одной стороны“ и „съ другой стороны“, которымъ очень хотѣлось бы освободить пролетаріатъ, не обидѣвъ при этомъ буржуазію и о которыхъ можно

конность“ убиваетъ не насъ, а кого-то другаго. Намъ она, напротивъ, такъ полезна теперь, что мы были бы дураками, если бы нарушили ее“. Это какъ разъ та самая мысль, которую мы нашли въ предисловіи; только въ предисловіи ей придано умышленно-неясное выраженіе. И это сдѣлано по настоянію друзей, которые на основаніи практическихъ соображеній считали неудобнымъ ясное ея выраженіе (Объ этомъ см. въ статьѣ Кауцкаго „Bernstein und die Dialektik“, Neue Zeit, XVII. Jahrg., II B., S. 47). Энгельсъ уступилъ совѣту своихъ друзей-практиковъ и этимъ подалъ поводъ къ неправильному теоретическому истолкованію его взгляда. А это неправильное теоретическое истолкованіе уже теперь причинило массу практическихъ неудобствъ, гораздо болѣе чувствительныхъ, чѣмъ всѣ тѣ неудобства, которыя могли бы явиться въ результатъ яснаго и недвусмысленнаго изложенія его мысли. Урокъ для слишкомъ уступчивыхъ теоретиковъ: они должны твердо помнить, что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о выраженіи теоретическихъ взглядовъ, практики всегда очень непрактичны.

сказать словами Нитше: *selig sind diese Schläfrigen, denn sie sollen bald einnicken.*

Вотъ все, что намъ хотѣлось сказать объ основной мысли Манифеста и о выводахъ, непосредственно изъ нея вытекающихъ. Отдѣльныя его положенія будутъ, какъ сказано, рассмотрѣны нами въ брошюрѣ „Критика нашихъ критиковъ“. Мы увидимъ тамъ, *были-ли правы*, и если — да, то *въ какой мѣрѣ были правы* Марксъ и Энгельсъ, когда они говорили, что производительныя силы буржуазнаго общества переросли свойственныя ему производственныя отношенія, и что это противорѣчье между производительными силами съ одной стороны и производственными отношеніями — съ другой является глубокой социальной основой революціоннаго движенія современнаго рабочаго класса.

Женева, августъ 1900 г.

Г. ПЛЕХАНОВЪ.

МАНИФЕСТЪ

КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТІИ

Манифестъ Коммунистической Партіи

Въ Европѣ появился страшный призракъ призракъ коммунизма. Всѣ силы старой Европы соединились между собою для священной травли этого призрака: папа и царь, Меттернихъ и Гизо, французскіе радикалы и нѣмецкіе полицейскіе.

Есть-ли хоть одна оппозиціонная партія, которую не обозвали бы коммунистической ея противники, стоящіе у власти? И есть-ли хоть одна оппозиціонная партія, которая, въ свою очередь, не посылала бы упрека въ коммунизмъ какъ болѣе передовымъ представителямъ оппозиціи, такъ и реакціоннымъ своимъ противникамъ?

Изъ этого обстоятельства вытекаетъ два вывода.

Коммунизмъ признается уже силою со стороны всѣхъ прочихъ общественныхъ силъ Европы.

Давно уже пора коммунистамъ передъ цѣлымъ міромъ открыто изложить свой образъ мыслей, свои цѣли и стремленія, и сказкамъ о коммунистическомъ призракѣ противопоставить манифестъ самой коммунистической партіи.

Съ этою цѣлью коммунисты различныхъ національностей собрались въ Лондонѣ и составили слѣдующій манифестъ для опубликованія его на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, итальянскомъ, фламандскомъ и датскомъ языкахъ.

I.

Буржуа и Пролетаріи.

Вся исторія общества была до сихъ поръ исторіей борьбы классовъ*).

Свободный и рабъ, патрицій и плебей, помѣщикъ и крѣпостной, цеховой мастеръ и подмастерье, короче, — угнетатель и угнетаемый находились въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революціоннымъ переустройствомъ всего общественнаго зданія или со- вмѣстною гибелью борющихся классовъ.

Въ историческія эпохи, предшествующія нашей, мы находимъ почти повсюду полное расчлененіе общества на различныя сословія, цѣлую лѣстницу различныхъ общественныхъ положеній. Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемъ патриціевъ, всадниковъ, плебеевъ и рабовъ. Въ Средніе Вѣка появляются сюзерены, вассалы, цеховые мастера, подмастерья и крѣпостные. И въ каждомъ изъ этихъ классовъ существуютъ еще особыя подраздѣленія.

Выросшее на развалинахъ феодализма, современное буржуазное общество не уничтожило различія классовъ. Оно только поставило новые классы на мѣсто старыхъ, выработало новые способы угнетенія и новые виды борьбы.

*) Говоря точно — та исторія, о которой существуютъ письменныя свидѣтельства. Въ 1847 году была еще почти совершенно неизвѣстна исторія первобытнаго общества, общественная организація, предшествующая всякой писанной исторіи. Съ тѣхъ поръ Гакстаузенъ открылъ общинную собственность на землю въ Россіи, а Мауреръ показалъ, что эта форма землевладѣнія была основною основой, отъ которой отирались въ своемъ историческомъ развитіи всѣ германскія племена. Постепенно оказалось также, что сельская община съ общиннымъ землевладѣніемъ была первоначальной формой общества отъ Индіи до Ирландіи. Наконецъ, внутренняя организація этого первобытнаго коммунистическаго общества въ его типической формѣ — обнаружена была Морганомъ, открывшимъ истинный характеръ рода (gens) и мѣсто, занимаемое родомъ въ племени. Со времени разложенія первобытной общины начинается раздѣленіе общества на различныя, а затѣмъ и противоположныя классы.

Наша эпоха, эпоха буржуазіи, отличается, однако, тѣмъ, что она упростила различіе общественныхъ положеній. Общество все болѣе и болѣе раздѣляется на два большіе враждебные лагеря, на два большіе, стоящія другъ противъ друга класса: буржуазію и пролетаріатъ.

Изъ средневѣковыхъ крѣпостныхъ образовалось мѣщанское населеніе первыхъ городовъ; изъ этого мѣщанства развились первые элементы буржуазіи.

Открытіе Америки и морского пути вокругъ Африки создало новое поприще для растущей буржуазіи. Остъ-индскій и китайскій рынки, колонизація Америки, обмѣнъ съ колоніями, увеличеніе количества орудій обращенія и вообще товаровъ дали неслыханный до тѣхъ поръ толчекъ торговлѣ, мореплаванію, промышленности и тѣмъ значительно ускорили развитіе революціоннаго элемента въ разлагавшемся феодальномъ обществѣ.

Тогдашній феодальный или цеховой способъ производства не въ состояніи былъ удовлетворить потребностямъ новыхъ рынковъ. Мѣсто его заняла мануфактура. Цеховые мастера вытѣснены были промышленнымъ среднимъ сословіемъ; раздѣленіе труда между различными корпораціями исчезло передъ раздѣленіемъ труда внутри мастерской.

Но рынокъ все болѣе расширялся, спросъ постоянно увеличивался. Мануфактурный способъ производства въ свою очередь оказался неудовлетворительнымъ. Тогда паръ и машины произвели революцію въ промышленности. Мѣсто мануфактуры заняла нынѣшняя крупная промышленность; мѣсто средняго сословія — миллионеры-промышленники, предводители цѣлыхъ промышленныхъ армій, современные буржуа.

Крупная промышленность создала всемірный рынокъ, подготовленный открытіемъ Америки. Всемірный рынокъ вызвалъ громадное развитіе торговли, мореплаванія и средствъ сухопутнаго сообщенія. Это снова повліяло на развитіе промышленности, и въ той же пропорціи, въ какой росли промышленность, торговля, мореплаваніе и желѣзныя дороги, развивалась буржуазія, увеличивались ея капиталы, и она отодвигала на задній планъ всѣ классы стараго средневѣковаго общества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что буржуазія сама является продуктомъ длиннаго хода развитія, цѣлаго ряда переворотовъ въ способахъ производства и обмѣна.

Каждая изъ этихъ ступеней развитія буржуазіи сопровождалась соотвѣтствующими ей политическими завоеваніями. Буржуазія, которая представляла собою то угнетенное подъ игомъ феодаловъ сословіе, то вооруженную и самоуправляющуюся ассоціацію въ городской коммунѣ; буржуазія, которая здѣсь была независимой городской республикой, тамъ третьимъ податнымъ сословіемъ монархическаго государства; которая явилась, затѣмъ, противовѣсомъ дворянству въ монархіи абсолютной или ограниченной сословнымъ представительствомъ — буржуазія, вообще послужившая главной основой большихъ монархій, завоевала себѣ, наконецъ, съ появленіемъ крупной промышленности и всемірнаго рынка, исключительную политическую власть въ новѣйшемъ конституціонномъ государствѣ. Современная государственная власть есть не болѣе, какъ комитетъ, выбранный для завѣдыванія общественными дѣлами буржуазіи.

Буржуазія играла въ исторіи въ высшей степени революціонную роль.

Всюду, гдѣ она достигла господства, буржуазія разрушила всѣ старыя, патріархально-идиллическія отношенія. Она безжалостно разорвала пеструю феодальную нити, связывавшія человѣка съ его повелителями, и не оставила между людьми никакой связи, кромѣ голаго интереса, безсердечнаго „чистогана“. Въ холодной водѣ эгонстическаго разсчета потопила она порывы набожной мечтательности, рыцарскаго воодушевленія и мѣщанской сантиментальности. Она превратила въ мѣбовую стоимость личное достоинство человѣка и на мѣсто безчисленнаго множества видовъ благопріобрѣтенной и патентованной свободы поставила одну, чуждую идеальныхъ соображеній свободу торговли. Словомъ, эксплуатацію, прикрытую религіозными и политическими иллюзіями, она замѣнила эксплуатаціей прямой, открытой, сухой и безстыдной.

Буржуазія лишила обаянія всѣ тѣ роды дѣятельности, на которые до тѣхъ поръ смотрѣли съ благовоѣннымъ почтеніемъ. Врачъ, юристъ, священникъ,

поэтъ, человѣкъ науки сдѣлались ея наемными работниками.

Буржуазія сорвала съ семейныхъ отношеній ихъ нѣжно-сентиментальный покровъ и превратила ихъ въ дѣло простаго денежнаго разсчета.

Буржуазія разоблачила ту лѣнливую неподвижность, которая составляла естественное дополненіе грубаго средневѣковаго проявленія силы, до сихъ поръ восхищающаго реакціонеровъ. Она впервые показала, какіе плоды можетъ приносить человѣческая дѣятельность. Чудеса ея искусства существенно отличаются отъ египетскихъ пирамидъ, римскихъ водопроводовъ и готическихъ соборовъ, ея завоеванія не имѣютъ ничего общаго съ переселеніями народовъ и крестовыми походами.

Буржуазія не можетъ существовать, не вызывая постоянныхъ переворотовъ въ орудіяхъ производства и въ его организаціи, а слѣдовательно и во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Непзмѣнное сохраненіе старыхъ способовъ производства было, напротивъ, первымъ условіемъ существованія всѣхъ предшествовавшихъ ей промышленныхъ классовъ. Постоянные перевороты въ производствѣ, непрерывное потрясеніе всѣхъ общественныхъ отношеній, вѣчное движеніе и вѣчная неувѣренность отличаютъ буржуазную эпоху отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Всѣ прочныя, окаменѣлыя отношенія съ соотвѣтствующими имъ, изстари установленными воззрѣніями и представленіями разрушаются, всѣ вновь образовавшіяся оказываются устарѣлыми прежде, чѣмъ успѣваютъ окостенѣть. Все сословное и неподвижное исчезаетъ, все священное оскверняется, и люди оказываются, наконецъ, вынужденными взглянуть трезвыми глазами на свои взаимныя отношенія и на свое жизненное положеніе.

Потребность въ постоянно возрастающемъ сбытѣ для ея продуктовъ заставляетъ буржуазію обѣгать весь земной шаръ. Она должна повсюду проникать, повсюду вѣдраться, повсюду заводить сношенія.

Своей эксплуатаціей всемірнаго рынка буржуазія преобразовала въ космополитическомъ духѣ производство и потребленіе всѣхъ странъ. Къ великому огорченію реакціонеровъ, она лишила промышленность на-

ціональной почвы. Старыя національныя отрасли производства уничтожены или уничтожаются съ каждымъ днемъ. Онѣ вытѣсняются новыми отраслями промышленности, введеніе которыхъ является вопросомъ жизни для всѣхъ цивилизованныхъ націй, тѣми отраслями промышленности, которыя обрабатываютъ не мѣстные только сырые продукты, но и произведенія самыхъ отдаленныхъ странъ. Въ свою очередь, фабричныя продукты этой новой промышленности потребляются не только внутри страны, но и во всѣхъ частяхъ свѣта. Прежнія потребности, удовлетворявшіяся съ помощью мѣстныхъ продуктовъ замѣнились новыми, для удовлетворенія которыхъ необходимы произведенія отдаленнѣйшихъ странъ и разнообразнѣйшихъ климатовъ. Прежнія національная замкнутость и самодовольство уступаютъ мѣсто всестороннему обмѣну и всесторонней взаимной зависимости народовъ. Этотъ всесторонній обмѣнъ распространяется также и на произведенія умственного труда. Плоды умственной дѣятельности отдѣльныхъ націй становятся общимъ достояніемъ. Національная односторонность и ограниченность становятся теперь все болѣе и болѣе невозможными, и изъ многихъ національныхъ и мѣстныхъ литературъ образуется одна всемірная литература.

Быстрымъ усовершенствованіемъ орудій производства и безконечно облегченными средствами сообщенія буржуазія толкаетъ на путь цивилизаціи всѣ, даже самые варварскіе народы. Низкія цѣны товаровъ являются въ ея рукахъ той тяжелой артиллеріей, съ помощью которой она разрушаетъ всѣ китайскія стѣны и принуждаетъ къ капитуляціи самую упорную ненависть варваровъ къ иностранцамъ. Она заставляетъ всѣ націи принять буржуазные способы производства подъ угрозой полного ихъ раззоренія; она заставляетъ ихъ усвоить такъ называемую цивилизацію, т. е. сдѣлаться буржуа. Словомъ, она творитъ новый міръ по своему образу и подобию.

Буржуазія подчинила деревню господству города. Она вызвала къ жизни огромные города, въ высокой степени увеличила городское население сравнительно съ сельскимъ, и вырвала такимъ образомъ значитель-

ную часть жителей страны изъ отупляющей обстановки деревни. И рядомъ съ этимъ подчиненіемъ деревни городу она поставила варварскія и полуварварскія страны въ зависимость отъ цивилизованныхъ, крестьянскіе народы отъ — буржуазныхъ, Востокъ отъ — Запада.

Буржуазія все болѣе и болѣе уничтожаетъ раздробленіе средствъ производства, имущества и населенія. Она собрала населеніе въ большія массы, централизовала средства производства и концентрировала собственность въ немногихъ рукахъ. Необходимымъ слѣдствіемъ этого была политическая централизація. Независимыя, едва связанныя между собою провинціи, съ различными интересами, законами, управленіемъ и таможеннымъ тарифомъ, сплотились въ одну націю, съ единымъ правительствомъ, однообразнымъ законодательствомъ, однимъ національнымъ классовымъ интересомъ и одной таможенной линіей.

Менѣе чѣмъ во сто лѣтъ своего господства буржуазія создала болѣе могущественныя и болѣе грандіозныя производительныя силы, чѣмъ всѣ предшествующія поколѣнія, взятыя вмѣстѣ. Подчиненіе человѣку силъ природы, машины, примѣненіе химіи къ земледѣлю и промышленности, пароходы, желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, эксплуатація цѣлыхъ частей свѣта, приспособленіе рѣкъ для судоходства, цѣльныя, какъ бы изъ земли выросшія, населенія... въ какомъ изъ предшествующихъ столѣтій могли предполагать, что подобныя производительныя силы таятся въ недрахъ общественнаго труда?

Мы видѣли, стало быть, что средства производства и сообщенія, которыя послужили основаніемъ для могущества буржуазіи, получили начало еще въ феодальномъ обществѣ. На извѣстной ступени развитія этихъ средствъ производства и сообщенія условія, среди которыхъ совершались производство и обмѣнъ въ феодальномъ обществѣ, феодальная организація земледѣлія и промышленности, словомъ феодальныя имущественныя отношенія оказались несоотвѣтствующими вызваннымъ къ жизни производительнымъ силамъ. Эти отношенія стѣсняли производство, а не облегчали его.

Они сдѣлались его цѣпиями. Ихъ нужно было ниспровергнуть, и они были ниспровергнуты.

Мѣсто ихъ заняла свободная конкуренція съ соотвѣтствующимъ ей общественнымъ и политическимъ строемъ, съ экономическимъ и политическимъ господствомъ буржуазіи.

На нашихъ глазахъ совершается подобное этому историческое движеніе. Современное буржуазное общество съ его имущественными отношеніями, съ его организаціей производства и обмѣна, какъ бы волшебствомъ создавшее такіа могущественныя средства производства и сообщенія, это общество находится въ положеніи волшебника, который не въ состояніи справиться съ подземными силами, вызванными его заклинаніями. Въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій исторія промышленности и торговли представляетъ собой исторію возмущенія современныхъ производительныхъ силъ противъ современной организаціи производства, противъ имущественныхъ отношеній, которыя являются условіями жизни для буржуазіи и для ея господства. Чтобы пояснить это, достаточно назвать торговые кризисы, которые, возвращаясь періодически, все болѣе и болѣе угрожаютъ существованію всего буржуазнаго общества. Во время промышленныхъ кризисовъ постоянно уничтожается значительная часть не только готовыхъ уже продуктовъ, но и находящихся въ распоряженіи общества производительныхъ силъ. Во время кризисовъ появляется эпидемія, которая во всѣхъ предшествующія эпохи показалась бы нелѣпностью — эпидемія излишняго производства. Общество вдругъ возвращается на нѣкоторое время въ варварское состояніе; можно подумать, что голодъ или всеобщая потребительная война лишили его всѣхъ жизненныхъ средствъ; промышленность и торговля какъ бы уничтожаются, и почему? Потому, что общество слишкомъ цивилизовано, потому, что оно имѣетъ слишкомъ много жизненныхъ средствъ, потому, что торговля и промышленность его развиты слишкомъ высоко. Находящаяся въ его распоряженіи производительная сила не способствуетъ уже сохраненію буржуазныхъ имущественныхъ отношеній; напротивъ, онѣ стали слишкомъ велики для этихъ отношеній, онѣ

встрѣчаютъ въ нихъ препятствіе, а когда имъ удается одолѣть его, онѣ приводятъ въ разстройство все буржуазное общество, угрожаютъ существованію буржуазной собственности. Буржуазныя отношенія оказываются слишкомъ узкими, чтобы вмѣстить созданное ими богатство. Какимъ образомъ устраняетъ буржуазія кризисы? Съ одной стороны путемъ уничтоженія цѣлой массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, посредствомъ завоеванія новыхъ рынковъ, и болѣе широкой эксплуатаціи старыхъ. Слѣдовательно, не чѣмъ другимъ, какъ подготовленіемъ болѣе широкихъ и сильныхъ кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ противодѣйствія имъ.

Оружіе, которымъ буржуазія на смерть поразила феодализмъ, направляется теперь противъ самой буржуазіи.

Но она не только выковала оружіе, которое нанесетъ ей смертельный ударъ, она породила также людей, которые направятъ это оружіе — современныхъ работниковъ, *пролетаріевъ*.

Въ той же самой степени въ какой развивается буржуазія, т. е. капиталъ, развивается и пролетаріатъ, классъ современныхъ работниковъ, которые только тогда и могутъ существовать, когда находятъ работу, а находятъ ее только до тѣхъ поръ, пока трудъ ихъ приноситъ прибыль капиталу. Эти работники, вынужденные продавать себя поштучно, представляютъ собою такой же товаръ, какъ и всякій другой предметъ торговли, а потому находятся въ зависимости отъ всѣхъ случайностей конкуренціи, отъ всѣхъ колебаній рынка.

Работа этихъ пролетаріевъ, благодаря машинамъ и раздѣленію труда, совершенно лишилась самостоятельнаго характера и потеряла, поэтому, всякую привлекательность для трудящихся.

Работникъ сдѣлался простымъ придаткомъ къ машинѣ, отъ котораго требуется лишь рядъ самыхъ простыхъ, самыхъ однообразныхъ, легче всего изучаемыхъ движеній. Издержки предпринимателя на покупку рабочей силы ограничиваются, поэтому, почти одной стоимостью содержанія работника и поддержанія его расы. Извѣстно, что цѣна всякаго товара, а слѣдовательно и

труда, равняется издержкамъ его производства. Поэтому, чѣмъ болѣе растетъ непривлекательность работы, тѣмъ болѣе падаетъ и заработная плата. Даже болѣе: въ той же пропорціи, въ которой возрастаетъ примѣненіе машинъ и раздѣленіе труда, возрастаетъ и количество его, затрачиваемое работникомъ: это достигается путемъ удлиненія рабочаго дня или посредствомъ увеличенія напряженія, требуемаго отъ рабочаго въ данное время, посредствомъ ускоренія движенія машинъ и т. д.

Современная промышленность превратила маленькую мастерскую патриархальнаго ремесленника въ большую фабрику капиталиста. Сгруппированные на фабрикахъ массы рабочихъ организуются по-солдатски. Какъ рядовые промышленной арміи ставятся они подъ надзоръ цѣлой іерархіи унтеръ-офицеровъ и офицеровъ. Они — рабы не только цѣлаго буржуазнаго класса, буржуазнаго государства; они ежедневно и ежечасно поработаны машиной, надсмотрщиками, а прежде всего, разумѣется, отдѣльными буржуа-предпринимателями. И этотъ деспотизмъ становится тѣмъ мелочивѣе и тѣмъ ненавистнѣе, онъ оставляетъ тѣмъ болѣе горечи, чѣмъ откровеннѣе провозглашается нажива его послѣднею цѣлью.

Чѣмъ менѣе ловкости и силы требуетъ ручной трудъ, т. е. чѣмъ болѣе развивается современная промышленность, тѣмъ болѣе вытѣсняется мужской трудъ женскимъ. Различія пола и возраста не имѣютъ болѣе никакого общественнаго значенія по отношенію къ рабочему классу. Предприниматель видитъ передъ собой только рабочіе инструменты, цѣна которыхъ измѣняется сообразно съ возрастомъ и поломъ.

Когда фабриканты выжимаютъ все, что можно, изъ рабочихъ, и эти послѣдніе получаютъ, наконецъ, свою заработную плату, на нихъ набрасываются другія части буржуазіи: домовладѣльцы, лавочники, ростовщики и т. д.

Нисшіе слои средняго сословія, мелкіе промышленники, купцы и рантье, ремесленники и крестьяне, всѣ эти слои все болѣе и болѣе переходятъ въ ряды пролетаріата, частью потому, что ихъ незначительный капиталъ недостаточенъ для крупнаго производства и не выдерживаетъ конкуренціи большихъ капиталовъ, частью же потому, что ихъ техническіе приемы теря-

ютъ свое значеніе при новыхъ способахъ производства. Такъ рекрутируется пролетаріатъ изъ всѣхъ классовъ населенія.

Пролетаріатъ проходитъ различныя ступени развитія. Его борьба противъ буржуазіи начинается съ самымъ его существованіемъ.

Сначала рабочіе борются по-одиночкѣ; потомъ сплачиваются рабочіе одной фабрики; далѣе — одной отрасли промышленности въ извѣстной мѣстности противъ отдѣльных буржуа, непосредственно ихъ эксплуатирующихъ. Они нападаютъ не только на буржуазныя условія производства, но и на самыя орудія труда; они разбиваютъ машины, уничтожаютъ иностранные товары, конкуренціи которыхъ лишаетъ ихъ заработка, поджигаютъ фабрики, стараясь поддержать клонящееся къ упадку положеніе средневѣковаго работника.

На этой ступени развитія рабочіе представляютъ собою разсѣянную по всей странѣ и разсѣянную конкуренціей массу. Массовыя движенія рабочихъ не являются тогда слѣдствіемъ самостоятельнаго ихъ сплоченія, но вызываются буржуазіей, которая для достиженія своихъ политическихъ цѣлей должна и еще можетъ приводить въ движеніе весь рабочій классъ. На этой ступени рабочіе борются, слѣдовательно, не съ своимъ собственнымъ непріателемъ, они побиваютъ враговъ своихъ враговъ — остатки абсолютной монархіи, поземельныхъ собственниковъ, непромышленную буржуазію, мелкихъ представителей средняго сословія. Все историческое движеніе концентрируется, такимъ образомъ, въ рукахъ буржуазіи. Каждая побѣда, которую удается одержать, есть побѣда буржуазіи.

Но съ развитіемъ промышленности увеличивается не только численный составъ пролетаріата; онъ группируется въ большія массы, сила его растетъ, и онъ болѣе сознаетъ ея наличность. Интересы и жизненное положеніе рабочихъ все болѣе и болѣе приводятся къ одному уровню, между тѣмъ какъ машинное производство все болѣе и болѣе стираетъ различіе между всѣми отраслями труда и почти повсюду низводитъ рабочую плату до одинаково низкой степени. Усиливающаяся конкуренція предпринимателей и вызываемые ею

промышленные кризисы обуславливают болѣе сильныя колебанія заработной платы; съ возрастающей быстротой развивающееся усовершенствованіе машинъ дѣлаетъ жизненное положеніе рабочихъ все менѣе и менѣе обезпеченнымъ; столкновенія между отдѣльными рабочими и капиталистами все болѣе и болѣе принимаютъ характеръ столкновеній двухъ общественныхъ классовъ. Рабочіе начинаютъ устраивать стачки для совместной борьбы противъ буржуа; совокупными силами отстаиваютъ они свою заработную плату. Они устраиваютъ даже постоянныя ассоціаціи, которыя могли бы поддерживать ихъ въ минуты активной борьбы. Мѣстами борьба эта переходитъ въ открытыя возстанія.

Иногда рабочіе остаются побѣдителями, но не на долго. Существеннымъ результатомъ ихъ борьбы является не непосредственный успѣхъ, но все болѣе возрастающее спланиваніе ихъ между собою. Ему способствуетъ вызываемое развитіемъ крупной промышленности улучшеніе средствъ сообщенія, которое приводитъ въ соприкосновеніе работниковъ различныхъ мѣстностей.

Только это соприкосновеніе и нужно, чтобы борьбу рабочихъ отдѣльных мѣстностей, повсюду носящую одинъ и тотъ же характеръ, превратить въ классовую борьбу цѣлаго народа. Но каждая классовая борьба есть борьба политическая. И объѣда еніе, для котораго средневѣковымъ горожанамъ, съ ихъ проселочными дорогами, нужны были столѣтія, совершается современными рабочими, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, въ немногіе годы.

Эта организація пролетаріевъ въ отдѣльный классъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ политическую партію, ежеминутно разбивается конкуренціей рабочихъ между собою. Но она возникаетъ снова и снова, каждый разъ крѣпче, сильнѣе, могущественнѣе. Пользуясь взаимными несогласіями различныхъ слоевъ буржуазіи, она добивается признанія нѣкоторыхъ интересовъ рабочихъ со стороны закона. Такъ было съ десятичасовымъ биллемъ въ Англии.

Несогласія внутри стараго общества всегда способствуютъ, такъ или иначе, развитію пролетаріата. Бур-

жуазія ведетъ постоянную борьбу; сначала — противъ аристократіи, потомъ — противъ тѣхъ слоевъ своего класса, интересамъ которыхъ противорѣчитъ развитіе крупной промышленности; борьба ея противъ буржуазіи другихъ государствъ не прекращается никогда. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ буржуазія вынуждена обращаться къ пролетаріату, просить его помощи и толкать его такимъ образомъ, на путь политическихъ движеній. Она сообщаетъ, слѣдовательно, пролетаріату свое политическое воспитаніе, т. е. вручаетъ ему оружіе противъ самой себя.)

Кромѣ того, по мѣрѣ развитія крупной промышленности цѣлыя слои господствующаго класса переходятъ, какъ мы видѣли, въ ряды пролетаріата, или, по крайней мѣрѣ, подвергаются опасности потерять свое общественное положеніе. Они также являются воспитательнымъ элементомъ въ средѣ пролетаріата.

Наконецъ, въ тѣ періоды, когда борьба классовъ близится къ развязкѣ, процессъ разложенія въ средѣ господствующаго класса, внутри всего стараго общества, достигаетъ такой сильной степени, что нѣкоторая часть господствующаго сословія отдѣляется отъ него и примыкаетъ къ революціонному классу, несущему знамя будущаго. Какъ часть дворянства соединилась нѣкогда съ буржуазіей, такъ переходитъ теперь къ пролетаріату часть буржуазіи, именно буржуа-идеологи, которые возвысились до теоретическаго пониманія всего хода историческаго движенія.

Изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности; пролетаріатъ же именно ею и создается.

Средніе слои, мелкіе купцы и промышленники, ремесленники и крестьяне всѣ они борются противъ буржуазіи, чтобы отстоять свое существованіе, какъ среднихъ слоевъ. Слѣдовательно, они консервативны. Еще того болѣе, они реакціонны: они стремятся повернуть назадъ колесо исторіи. Если они имѣютъ революціонное значеніе, то лишь постольку, поскольку имъ пред-

стоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ не современные, но будущіе свои интересы, поскольку они покидаютъ свою точку зрѣнія и становятся на точку зрѣнія пролетаріата.

„Пролетаріатъ оборванцевъ“ (Lumpenproletariat*), этотъ пассивный продуктъ разложенія самыхъ низшихъ слоевъ стараго общества, мѣстами вовлекается въ революціонное движеніе пролетаріата, но по всей своей жизненной обстановкѣ онъ гораздо болѣе склоненъ продавать себя для реакціонныхъ козней.

Жизненные условія стараго общества уже теперь совершенно не существуютъ для пролетаріата. Пролетарій не имѣетъ собственности; его отношенія къ женѣ и дѣтямъ не имѣютъ болѣе ничего общаго съ буржуазными семейными отношеніями; современный промышленный трудъ, современное иго капитала, одинаковое какъ въ Англии, такъ и во Франціи, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Германіи, стерло съ него всякій національный характеръ. Законы, мораль, религія являются для него не болѣе, какъ буржуазными предразсудками, подъ которыми скрываются тѣ или другіе буржуазные интересы.

Всѣ предшествующіе пролетаріату классы, достигая господства, старались упрочить уже пріобрѣтенное ими общественное положеніе, ставя все общество въ условія, наиболѣе благоприятныя для ихъ обогащенія. Пролетаріи же могутъ овладѣть общественными производительными силами только тогда, когда они уничтожатъ свой собственный, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ современные способы пріобрѣтенія имущества. Пролетаріямъ нечего упрочивать, они должны, напротивъ, разрушить всѣ упрочившіяся способы частнаго обогащенія и частнаго обезпеченія.

Всѣ до сихъ поръ возникавшія движенія были движеніями меньшинства или совершались въ интересахъ

* Нѣмецкое слово Lumpenproletariat болѣе или менѣе подходитъ подъ наше русское выраженіе „босая команда“, но такъ какъ это выраженіе употребляется только въ нѣкоторыхъ южно-русскихъ городахъ, то мы не рѣшились поставить его въ текстъ.

ПРИМ. ПЕРЕВ.

меньшинства. Движеніе пролетаріата есть самостоятельное движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства. Пролетаріатъ, самый низшій слой современнаго общества, не можетъ подняться, не можетъ выпрямиться, не уничтожая въ прахъ всю возвышающуюся надъ нимъ надстройку изъ слоевъ, образующихъ оффиціальное общество.

Если не по сущности, то по формѣ борьба пролетаріата противъ буржуазіи есть, прежде всего борьба національная. Пролетаріатъ каждой страны, естественно, долженъ прежде всего покончить съ своей собственной буржуазіей.

Такимъ образомъ, очерчивая самыя общія фазы развитія пролетаріата, мы прослѣдили болѣе или менѣе скрытую гражданскую войну, происходящую въ нѣдрахъ современнаго общества, вплоть до того пункта, когда эта война превращается въ открытую революцію и кладетъ основаніе господству пролетаріата насильственнымъ низверженіемъ буржуазіи.

Всѣ до нынѣ существовавшіе виды общественнаго устройства основывались, какъ мы видѣли, на противоположности угнетаемыхъ и угнетающихъ классовъ. Но чтобы угнетать извѣстный классъ, нужно создать условія, среди которыхъ онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, поддерживать свое подневольное существованіе. Подъ гнетомъ лежавшаго на немъ ига, крѣпостной возвысился однако до степени члена коммуны, подобно тому, какъ горожанинъ выросъ до буржуа, не смотря на гнетъ феодальнаго абсолютизма. Напротивъ, современный рабочій вмѣсто того, чтобы возвышаться вмѣстѣ съ прогрессомъ промышленности, все болѣе опускается ниже условій существованія своего собственнаго класса. Работникъ становится нищимъ, и нищета развивается еще быстрѣе, чѣмъ населеніе и богатство. Все болѣе дѣлается очевиднымъ, что буржуазія не способна оставаться господствующимъ классомъ и возводитъ условія своего существованія въ норму, регулирующую весь общественный строй. Она не способна къ господству, потому что она не можетъ обезпечить своему рабу даже его рабское существованіе, потому что она вынуждена была довести его до такого состоянія, въ которомъ она

должна кормить его, вмѣсто того, чтобы существовать на его счетъ. Общество не можетъ болѣе жить подъ ея властью; другими словами, жизнь буржуазіи несо- вмѣстима болѣе съ жизнью общества.

Самое важное условіе существованія и господства буржуазнаго класса есть накопленіе богатства въ рукахъ частныхъ лицъ, образованіе и умноженіе капиталовъ. Условіе существованія капитала есть наемный трудъ. Наемный трудъ основывается исключительно на конкуренціи рабочихъ между собою. Прогрессъ промышленности, носителемъ котораго не можетъ не быть буржуазія, ставитъ на мѣсто разъединенія рабочихъ посредствомъ конкуренціи революціонное объединеніе ихъ посредствомъ ассоціаціи. Съ развитіемъ крупной промышленности вырывается, слѣдовательно, изъ подъ ногъ буржуазіи то самое основаніе, на которомъ она производитъ и присваиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своихъ собственныхъ могильщиковъ. Ея пораженіе и побѣда пролетаріата одинаково неизбежны.

II.

Пролетаріи и Коммунисты.

Въ какомъ отношеніи стоятъ коммунисты къ пролетаріямъ вообще?

Коммунисты не составляютъ какой либо особой партіи, противостоящей другимъ рабочимъ партіямъ.

У нихъ нѣтъ такихъ интересовъ, которые не совпадали бы съ интересами всего пролетаріата.

Они не выставляютъ никакихъ особыхъ принциповъ, сообразно которымъ они хотѣли бы формировать движеніе пролетаріевъ.

Коммунисты отличаются отъ другихъ рабочихъ партій только тѣмъ, что съ одной стороны въ движеніи пролетаріевъ различныхъ націй они выдѣляютъ и отстаиваютъ общіе, независимые отъ національности интересы всего пролетаріата; съ другой стороны — тѣмъ, что на различныхъ стадіяхъ развитія, черезъ которыя проходитъ борьба пролетаріевъ противъ буржуазіи, они

всегда защищаютъ общіе интересы движенія въ его цѣломъ.

Такимъ образомъ, коммунисты на практикѣ представляютъ собою самую рѣшительную, всегда впередъ стремящуюся часть рабочихъ партій всѣхъ странъ, а въ теоретическомъ отношеніи они имѣютъ передъ остальной массой пролетаріата то преимущество, что понимаютъ условія, ходъ и общіе результаты рабочаго движенія. Ближайшая цѣль коммунистовъ та же, что и другихъ рабочихъ партій: организація рабочаго класса, сверженіе господства буржуазіи, завоеваніе пролетаріатомъ политической власти.)

Теоретическія положенія коммунистовъ ни въ какомъ случаѣ не основываются на идеяхъ и принципахъ, открытыхъ и установленныхъ тѣмъ или другимъ всемірнымъ реформаторомъ.

Они представляютъ собою лишь общее выраженіе современныхъ отношеній, существующей нынѣ борьбы классовъ, совершающагося на нашихъ глазахъ историческаго движенія. Уничтоженіе старыхъ формъ имущественныхъ отношеній не представляетъ собою стремленія, свойственнаго исключительно коммунистамъ.

Имущественныя отношенія всегда подлежали постоянной исторической смѣнѣ, постояннымъ историческимъ измѣненіямъ.

Такъ наиримѣръ, французская революція уничтожила феодальную форму собственности въ пользу собственности буржуазной.

Характеристическою особенностью коммунизма является не уничтоженіе собственности вообще, а уничтоженіе собственности буржуазной.

Но современная буржуазная частная собственность есть послѣднее и самое полное выраженіе производства и присвоенія продуктовъ, основаннаго на антагонизмѣ классовъ, на эксплуатаціи однихъ другими.

Въ этомъ смыслѣ коммунисты могутъ выразить свою теорію словами: уничтоженіе частной собственности.

Насъ, коммунистовъ, упрекали въ томъ, что мы хотимъ будто бы уничтожить собственность, приобрѣтенную личнымъ трудомъ; собственность, служащую осно-

ваніемъ личной свободы, самодѣтельности и самостоятельности.

Собственность, приобрѣтенная личнымъ трудомъ! Говорите-ли вы о мелко-мѣщанской и о крестьянской собственности, которая предшествовала собственности буржуазной? Намъ нечего уничтожать ее: развитіе крупной промышленности уже уничтожило или уничтожаетъ ее ежедневно.

Или говорите вы о современной, буржуазной частной собственности?

Но развѣ трудъ наемныхъ рабочихъ, пролетаріевъ, даетъ имъ собственность? Никогда. Ихъ трудомъ создается капиталъ, т. е. собственность, эксплуатирующая наемный трудъ, собственность, которая можетъ умножаться только тогда, когда она создаетъ новый наемный трудъ, чтобы вновь его эксплуатировать. Въ ея теперешнемъ видѣ собственность основывается на противоположности между капиталомъ и наемнымъ трудомъ. Разсмотримъ эту противоположность съ обѣихъ сторонъ.

Быть капиталистомъ значитъ занимать по отношенію къ производству не только личное, но также и извѣстное общественное положеніе. Капиталъ есть продуктъ общественного труда и можетъ быть употребленъ въ дѣло лишь совокупными усиліями многихъ членовъ, въ послѣднемъ счетѣ — всѣхъ членовъ общества.

Слѣдовательно, капиталъ есть не личная, а общественная сила.

Если, поэтому, капиталъ будетъ обращенъ въ общественную, всѣмъ гражданамъ принадлежащую собственность, то это не будетъ превращеніемъ частной собственности въ общественную. Измѣнится только общественный характеръ собственности. Она потеряетъ свой классовый характеръ.

Перейдемъ къ наемному труду.

Средняя цѣна наемнаго труда есть минимумъ заработной платы, т. е. сумма жизненныхъ средствъ, не превышающая того, что необходимо для поддержанія жизни рабочихъ. Такимъ образомъ, того, что приобрѣтаетъ рабочій своею дѣятельностью, едва хватаетъ для поддержанія его существованія.

Мы вовсе не хотимъ уничтожить это личное присвоеніе продуктовъ труда, необходимыхъ для непосредственнаго поддержанія жизни, это присвоеніе, которое оставляетъ никакого чистаго дохода, дающаго власть надъ другими. Мы хотимъ только уничтожить нищенскій характеръ этого присвоенія, благодаря которому рабочій живетъ лишь для того, чтобы увеличивать капиталъ, и живетъ только до тѣхъ поръ, пока это входитъ въ интересы господствующихъ классовъ.

Въ буржуазномъ обществѣ живой трудъ работника есть только средство увеличенія накопленнаго труда. Въ коммунистическомъ обществѣ накопленный трудъ есть только средство, способствующее расширенію сферы жизни рабочаго и ея удобствамъ.

Такимъ образомъ, въ буржуазномъ обществѣ прѣдшее господствуетъ надъ настоящимъ, въ коммунистическомъ настоящее надъ прошедшимъ. Въ буржуазномъ обществѣ капиталъ обладаетъ самостоятельностью и индивидуальностью, между тѣмъ какъ труждающійся индивидуумъ является несамостоятельнымъ и обезличеннымъ.

И уничтоженіе этихъ-то отношеній буржуазія называетъ уничтоженіемъ человѣческой личности и свободы! И она права. Рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ уничтоженіи буржуазной личности, буржуазной самостоятельности и буржуазной свободы.

При современныхъ буржуазныхъ условіяхъ производства подъ свободой понимаютъ свободу торговли, свободу купли и продажи.

Съ паденіемъ барышничества падетъ, конечно, и свободное барышничество. Защита свободного барышничества, какъ и всѣ буржуазныя бравады въ защиту свободы, имѣетъ смыслъ лишь въ виду несвободнаго барышничества, въ виду подневольнаго положенія среднихъ классовъ горюжанъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ о коммунистическомъ уничтоженіи барышничества, буржуазныхъ условій производства и самой буржуазіи.

Вы возмущаетесь тѣмъ, что мы хотимъ уничтожить частную собственность. Но въ нашемъ теперешнемъ обществѣ она уничтожена уже для девяти десятыхъ населенія. Она существуетъ именно потому, что не су-

ществуетъ для этихъ девяти десятыхъ. Вы упрекаете насъ, слѣдовательно, въ томъ, что мы хотимъ уничтожить собственность, необходимой посылкой которой является отсутствіе ея у огромнаго большинства членовъ общества.

Словомъ, вы упрекаете насъ въ томъ, что мы хотимъ уничтожить вашу собственность. И дѣйствительно мы хотимъ сдѣлать это.

Съ той минуты, когда работа не будетъ болѣе превращаться въ капиталъ, деньги, поземельную ренту, короче, въ общественную силу, которая можетъ быть монополизированной, т. е. съ той минуты, когда личная собственность не будетъ превращаться въ собственность буржуазную, съ этой минуты, заявляете вы, человѣческая личность будетъ уничтожена.

Вы сами сознаетесь, такимъ образомъ, что подъ человѣческою личностью вы понимаете только буржуа, обладателя буржуазной собственности. Такая личность дѣйствительно должна быть уничтожена.

Коммунизмъ никому не помѣшаетъ присвоивать себѣ общественные продукты, онъ устранитъ только возможность пользоваться этимъ присвоеніемъ для подчиненія чужого труда.

Возражаютъ также, что съ уничтоженіемъ частной собственности прекратится всякая самодѣятельность и воцарится всеобщая лѣнь.

Если бы это опасеніе было основательно, то буржуазное общество давно уже должно было бы разрушиться, благодаря всеобщей неподвижности; вѣдь трудящіеся его члены ничего не приобрѣтаютъ, а приобрѣтающіе — не трудятся.

Всѣ эти опасенія сводятся къ простой тавтологіи, гласящей, что не будетъ наемнаго труда тамъ, гдѣ не будетъ болѣе капитала.

Всѣ возраженія противъ коммунистическаго способа производства и распредѣленія матеріальныхъ продуктовъ распространялись также и на производство и распредѣленіе продуктовъ умственного труда. Подобно тому какъ, уничтоженіе частной собственности представляется буржуазіи уничтоженіемъ самого производства, такъ и уничтоженіе классового характера современ-

наго образованія кажется ей равносильнымъ съ уничтоженіемъ образованія вообще.

Образованіе, гибель котораго она оплакиваетъ, для огромнаго большинства является не болѣе, какъ обращеніемъ въ машину.

Но не спорьте же съ нами, оцѣнивая уничтоженіе буржуазной собственности съ точки зрѣнія *вашихъ* понятій о свободѣ, образованіи, правѣ и т. д. Ваши идеи сами порождены буржуазными условіями производства и распредѣленія, точно также, какъ ваше Право есть только возведенная въ законъ воля вашего класса, воля, содержаніе которой опредѣляется матеріальными условіями существованія вашего класса.

Пристрастіе, благодаря которому вы превращаете ваши имущественныя отношенія и ваши условія производства изъ отношеній, исторически сложившихся и изменяющихся въ ходѣ развитія того же производства, въ вѣчные законы природы и разума, это пристрастіе свойственно вамъ также, какъ и всѣмъ, прежде васъ господствовавшимъ классамъ. Когда заходитъ рѣчь о буржуазной собственности, вы не хотите понять то, что кажется вамъ понятнымъ, когда говорятъ о собственности античной или феодальной.

Уничтоженіе семьи! Даже самыя крайніе радикалы возмущаются этимъ гнуснымъ намѣреніемъ коммунистовъ.

На чемъ держится современная, буржуазная семья? На капиталѣ, на частной наживѣ. Въ совершенно развитомъ видѣ она существуетъ только для буржуазіи; но она находитъ свое дополненіе въ вынужденномъ безбрачій пролетаріевъ и въ открытой проституціи.

Буржуазная семья естественно должна будетъ пасть вмѣстѣ съ паденіемъ этого ея дополненія, и оба они вмѣстѣ исчезнутъ съ исчезновеніемъ капитала.

Упрекните ли вы насъ въ томъ, что мы хотимъ прекратить эксплуатацію дѣтей родителями? Мы заранѣе сознаемся въ этомъ преступленіи.

Но вы утверждаете, что стремясь замѣнить домашнее воспитаніе общественнымъ, мы хотимъ уничтожить самыя дорогія челоуѣку отношенія.

А развѣ ваше воспитаніе не находится подъ влія-

ніемъ общества? Развѣ не опредѣляется оно общественными отношеніями, прямымъ и косвеннымъ вмѣшательствомъ общества, организаціей школъ и т. д.? Не коммунисты выдумали вліяніе общества на воспитаніе; они только измѣняютъ характеръ воспитанія, устраняютъ вліяніе на него господствующаго класса.

Буржуазныя разглагольствованія о семьѣ и о воспитаніи, о нѣжныхъ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ, внушаютъ тѣмъ болѣе отвращенія, чѣмъ болѣе разрушаются всѣ семейныя связи въ средѣ пролетаріата, благодаря крупной промышленности, и чѣмъ болѣе дѣти рабочихъ превращаются въ простые товары и рабочіе инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность женъ, кричить намъ хоромъ вся буржуазія.

Буржуа смотритъ на свою жену, какъ на простое орудіе производства. Онъ слышитъ, что орудія производства должны быть предоставлены въ общее пользованіе, и естественно приходитъ къ тому заключенію, что и женщины подвергнутся той же участи.

Онъ и не подозреваетъ, что рѣчь идетъ объ устраненіи того положенія женщины, въ которомъ она является простымъ орудіемъ производства.

Впрочемъ, нѣтъ ничего смѣшнѣе высокопоставленнаго ужаса нашихъ буржуа въ виду воображаемаго намѣренія коммунистовъ ввести официальную общность женъ. Коммунистамъ не нужно было бы вводить общность женъ, потому что она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тѣмъ, что въ ихъ распоряженіи находятся жены и дочери пролетаріевъ, и не говоря уже объ официальной проституціи, наши буржуа съ особеннымъ наслажденіемъ занимаются развращеніемъ женъ другъ у друга.

Въ дѣйствительности буржуазный бракъ является общностью женъ. Коммунистовъ можно было бы упрекнуть развѣ лишь въ томъ, что они хотятъ поставить официальную общность женъ на мѣсто — лицемѣрно скрываемой. Но само собой разумѣется, что съ уничтоженіемъ современныхъ условій производства исчезнетъ и создаваемая ими общность женъ, т. е. официальная и неофициальная проституція.

Коммунистовъ упрекаютъ далѣе въ томъ, что они хотятъ будто бы уничтожить отечество, національность.

Рабочіе не имѣютъ отечества. Нельзя лишить ихъ того, чего у нихъ нѣтъ. Стремясь прежде всего завоевать политическое господство, организовать въ одинъ національный классъ, устроиться въ предѣлахъ націи, пролетаріатъ еще остается національнымъ, хотя совершенно не въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ это слово буржуазія.

Национальная обособленность и противоположность интересовъ различныхъ народовъ уже теперь все болѣе и болѣе исчезаютъ благодаря развитію буржуазіи, свободѣ торговли, всемірному рынку, однообразію способовъ производства и соответствующихъ имъ жизненныхъ отношеній.

Господство пролетаріата еще болѣе ускоритъ ихъ исчезновеніе. Соединеніе усилий, по крайней мѣрѣ, цивилизованныхъ странъ есть одно изъ первыхъ условій освобожденія пролетаріата.

Въ той же степени, въ какой уничтожена будетъ эксплуатация одного индивидуума другимъ, уничтожится и эксплуатация одной націи другою.

Вмѣстѣ съ антагонизмомъ классовъ внутри націй падутъ и враждебныя отношенія націй между собою.

Обвиненія, возводимыя на коммунистовъ съ точекъ зрѣнія религіозной, идеологической и философской, вообще не заслуживаютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Трудно ли понять, что съ образомъ жизни людей, съ ихъ общественными отношеніями, съ ихъ общественнымъ положеніемъ мѣняются также и ихъ представленія, ихъ воззрѣнія, ихъ понятія, словомъ, все ихъ сознаніе?

Что же доказываетъ исторія идей, если не то, что умственная дѣятельность преобразуется вмѣстѣ съ матеріальной? Господствующими идеями даннаго времени всегда были только идеи господствующаго класса.

Говорятъ объ идеяхъ, которыя создаютъ революціонное настроеніе во всемъ обществѣ; этимъ выражаютъ только тотъ фактъ, что внутри стараго общества образовались элементы новаго строя, что рядомъ съ

разрушеніемъ стараго образа жизни идетъ разложеніе старыхъ идей.

Когда древній міръ пришелъ въ упадокъ, древнія религіи были побѣждены христіанствомъ. Когда христіанскія идеи уступали мѣсто просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка, феодальное общество вело борьбу на жизнь и смерть съ революціонной тогда буржуазіей. Идеи свободы совѣсти и религіи выражали собой лишь господство свободной конкуренціи въ области знанія.

„Но, скажутъ намъ, религіозныя, нравственныя, философскія, правовыя и т. д. идеи измѣнялись, конечно, въ ходѣ историческаго развитія, однако религія, нравственность, философія, политика, право всегда сохранялись въ этомъ непрерывномъ измѣненіи.

„Существуютъ, кромѣ того, вѣчныя истины свобода, справедливость, и т. д., которыя одинаково принадлежатъ всѣмъ фазамъ общественнаго развитія. Коммунизмъ же уничтожаетъ общія истины, онъ уничтожаетъ религію и нравственность, вмѣсто того чтобы преобразовать ихъ; онъ противорѣчитъ, слѣдовательно, всему ходу историческаго развитія“.

Къ чему сводится это обвиненіе? Исторія всѣхъ до нынѣ существовавшихъ обществъ основывалась на противоположности классовъ, принимавшей въ различныя эпохи различныя виды.

Не смотря на различіе въ своихъ формахъ, эксплуатація одной части общества другою является фактомъ, общимъ всѣмъ прошлымъ столѣтіямъ. Неудивительно, поэтому, что общественное сознаніе всѣхъ вѣковъ, не смотря на всѣ различія и на все разнообразіе, вращалось до сихъ поръ въ извѣстныхъ общихъ формахъ, которыя исчезнуть совершенно лишь съ полнымъ уничтоженіемъ противоположности классовъ.

Коммунистическая революція есть самый радикальный разрывъ съ существующими имущественными отношеніями; не удивительно, что она вступаетъ въ самый радикальный разрывъ съ традиционными идеями.

Оставимъ, однако, возраженія буржуазіи противъ коммунистовъ.

Мы уже видѣли выше, что первымъ шагомъ рабочей революціи должно быть возвышеніе пролетаріата на

степень господствующаго класса, завоеваніе демократіи.

Пролетаріатъ воспользуется своимъ политическимъ господствомъ, чтобы рядомъ нападеній отнять у буржуазіи весь капиталъ, чтобы централизовать всѣ орудія труда въ рукахъ государства, т. е. организованнаго въ качествѣ господствующаго класса пролетаріата, и по возможности скорѣе увеличить массу производительныхъ силъ.

Конечно, сначала это можетъ совершиться только путемъ деспотическихъ вторженій въ право собственности и въ буржуазныя условія производства, слѣдовательно, путемъ мѣропріятій, которыя съ экономической точки зрѣнія кажутся недостаточными и мало-важными, но которыя въ ходѣ движенія переростутъ самихъ себя и неизбежны, какъ средства для преобразованія всего способа производства.

Эти мѣропріятія будутъ, конечно, различны въ различныхъ странахъ.

Однако, въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ могли бы почти повсюду быть приняты слѣдующія общія мѣры:

- 1) Экспроприація поземельной собственности и обращеніе поземельной ренты на покрытіе государственныхъ расходовъ.
- 2) Высокій прогрессивно-подоходный налогъ.
- 3) Уничтоженіе права наслѣдства.
- 4) Конфискація имущества всѣхъ эмигрантовъ и бунтовщиковъ.
- 5) Централизація кредита въ рукахъ государства, посредствомъ національнаго банка съ государственнымъ капиталомъ и исключительной монополіей.
- 6) Централизація перевозочныхъ средствъ въ рукахъ государства.
- 7) Увеличеніе числа государственныхъ фабрикъ и орудій производства; воздѣлываніе и улучшеніе полей по общему плану.
- 8) Однаковая обязательность труда для всѣхъ, учрежденіе арміи труда, въ особенности для земледѣлія.
- 9) Соединеніе земледѣльческаго труда съ фабрич-

нымъ, постепенное уничтоженіе различія между городомъ и деревней.

10) Общественное и даровое воспитаніе всѣхъ дѣтей. Устраненіе фабричной работы дѣтей въ современной ея формѣ. Соединеніе воспитанія съ матеріальнымъ производствомъ и т. д.

Когда, со временемъ, уничтожатся различія классовъ, и все производство сосредоточится въ рукахъ ассоціацій, общественная власть потеряетъ свой политическій характеръ. Политическая власть въ собственномъ смыслѣ этого слова есть организованная сила одного класса, имѣющая цѣлью подчиненіе другого класса. Если пролетаріатъ въ борьбѣ своей противъ буржуазіи объединяется какъ классъ, достигаетъ путемъ революціи господства, и, какъ господствующій классъ, насильственно уничтожаетъ старыя условія производства, то этимъ онъ уничтожаетъ также и условія существованія антагонизма классовъ, классы вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое собственное классовое господство.

Мѣсто стараго буржуазнаго общества, съ его классами и антагонизмомъ классовъ, займетъ ассоціація, въ которой свободное развитіе *каждо*го будетъ условіемъ свободнаго развитія *всѣ*хъ.

III.

Соціалистическая и Коммунистическая Литература.

1) РЕАКЦІОННЫЙ СОЦІАЛИЗМЪ.

а) Феодальный социализмъ.

Призваніе англійской и французской аристократіи по самому историческому ея положенію заключалось въ томъ, чтобы писать памфлеты противъ современнаго буржуазнаго общества. Во французской іюльской революціи 1830 г. и въ англійскомъ движеніи въ пользу парламентской реформы она еще разъ была побуждена ненавистнымъ ей выскочкомъ. О серьезной политической

борьбѣ не могло быть болѣе и рѣчи. Оставалась только литературная борьба. Но и въ литературѣ говорить языкомъ времени реставраціи было уже невозможно. Чтобы пріобрѣсти сочувствіе, аристократія должна была сдѣлать видъ, что она уже не заботится о своихъ собственныхъ интересахъ и составляетъ свой обвинительный актъ противъ буржуазіи лишь для защиты эксплуатируемаго рабочаго класса. Она доставляла себѣ, такимъ образомъ, удовольствіе сочинять пасквили на своего новаго господина и шептать ему на ухо болѣе или менѣе грозныя пророчества.

Такъ возникъ феодальный социализмъ, представляющій собою частью жалобу, частью пасквили, частью отголосокъ прошлаго, частью угрозу будущаго, по временамъ мѣтко поражающій буржуазію горькимъ, остроумнымъ и ѣдкимъ сужденіемъ, но всегда производящій комическое впечатлѣніе полною неспособностью понять ходъ новѣйшей исторіи.

Аристократія потрясала нищенской сумой пролетаріевъ, какъ знаменемъ, чтобы собрать вокругъ себя народъ. Но, слѣдуя за нею, онъ тотчасъ же замѣчалъ на ея спинѣ старыя феодальныя гербы, и разбѣгался съ громкимъ, непочтительнымъ смѣхомъ.

Часть французскихъ легитимистовъ и „молодая Англія“ разыграли эту комедію наилучшимъ образомъ.

Когда феодалы утверждаютъ, что ихъ способъ эксплуатаціи имѣлъ другой видъ, чѣмъ современная буржуазная эксплуатація, то они забываютъ при этомъ, что они эксплуатировали при совершенно другихъ, иныхъ уже волюнѣ отжившихъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Когда они доказываютъ, что во время ихъ господства не существовало современнаго пролетаріата, то они забываютъ, что именно современная буржуазія была необходимымъ плодомъ ихъ общественнаго строя.

Они упрекаютъ буржуазію гораздо болѣе въ томъ, что она породила революціонный пролетаріатъ, чѣмъ въ томъ, что она создала пролетаріатъ вообще.

Въ политической практикѣ они принимаютъ, поэтому, участіе во всѣхъ насильственныхъ мѣрахъ противъ рабочаго класса. Въ обыденной жизни, вопреки своимъ напыщеннымъ словозверженіямъ, они не упускаютъ

случая къ наживѣ, и не безъ выгоды обмѣниваютъ свою „преданность“, „любовь“, „честь“ и т. д. на шерсть, свекловицу и водку.

Какъ попъ шелъ всегда рядомъ съ феодаломъ, такъ и поповскій социализмъ не отстаеетъ отъ феодальнаго.

Нѣтъ ничего легче, какъ навязать христіанскому аскетизму социалистическій оттѣнокъ. Развѣ христіанство не возставало также противъ частной собственности и государства? Развѣ не проповѣдывало оно бѣдности и благотворительности, безбрачія и умерщвленія плоти, затворничества и т. п.? Христіанскій социализмъ есть святая вода, которою попъ кропитъ озлобленіе аристократа.

б) *Мелкобуржуазный социализмъ.*

Не одна феодальная аристократія была классомъ испровергнутымъ буржуазіей, классомъ, положеніе котораго постоянно ухудшалось въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Средневѣковое мѣщанство и мелкое крестьянство были предшественниками современной буржуазіи. Въ странахъ, менѣ развитыхъ въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, классъ этотъ и до сихъ еще прозябаетъ рядомъ съ развивающейся буржуазіей.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ развилась современная цивилизація, образовался — и, какъ дополнительная часть буржуазнаго общества, постоянно вновь образуется, — новый слой мелкой буржуазіи, колеблющейся между пролетариатомъ и буржуазіей. Но конкуренція постоянно сталкиваетъ принадлежащихъ къ этому классу лицъ въ ряды пролетариата, и они уже начинаютъ предвидѣть приближеніе того момента, когда, съ развитіемъ крупной промышленности, они совершенно исчезнутъ, какъ самостоятельная часть современнаго общества, и въ торговлѣ, мануфактурахъ и земледѣліи замѣнятся надзирателями и наемными прислужниками.

Въ такихъ странахъ, какъ Франція, гдѣ крестьянство составляетъ гораздо болѣе половины всего населенія, естественно было появленіе писателей, которые, становясь на сторону пролетариата, прикладывали къ буржуазному режиму мелко-буржуазную и мелко-крестьян-

скую мѣрку, и защищали дѣло рабочихъ съ мелко-буржуазной точки зрѣнія. Такъ возникъ мелко-буржуазный социализмъ. Сисмонди стоитъ во главѣ этого рода литературы не только во Франціи, но также и въ Англіи.

Этотъ социализмъ прекрасно умѣлъ подмѣтить противорѣчія современныхъ условій производства. Онъ разоблачилъ лицемерный оптимизмъ экономистовъ. Онъ указалъ на разрушительное дѣйствіе машиннаго производства и раздѣленія труда, на концентрацію капиталовъ и поземельной собственности, на излишнее производство и кризисы, на неизбѣжный упадокъ мелкой буржуазіи и крестьянства, на нищету пролетариата, на анархію въ производствѣ, на вопіющія несправедливости въ распредѣленіи, на разорительную промышленную войну націй между собою, на разложеніе старыхъ нравовъ, старыхъ семейныхъ отношеній и старыхъ національностей.

Положительная сторона требованій этого социализма заключается или въ возстановленіи старыхъ способовъ производства и обмѣна, а вмѣстѣ съ ними и старыхъ имущественныхъ отношеній и стараго общественнаго строя; или же онъ стремится насильно удержать повѣйшіе способы производства и обмѣна въ рамкѣ старыхъ имущественныхъ отношеній, которыя они уже разбили и необходимо должны были разбить. Въ обоихъ случаяхъ онъ является реакціоннымъ и утопическимъ одновременно.

Цеховая организація промышленности и патриархальное сельское хозяйство являются послѣднимъ его словомъ.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи направленіе это выродилось въ трусливое нытье.

в) *Нѣмецкій или „истинный“ социализмъ.*)*

Социалистическая и коммунистическая литература Франціи, возникшая подъ давленіемъ господства бур-

*) Мы напоминаемъ читателю, что критика социалистической литературы доходитъ въ Манифестѣ, лишь до 1847 года. Поэтому все, сказанное въ немъ о „нѣмецкомъ социализмѣ“, ни въ какомъ случаѣ не относится къ современной нѣмецкой социальдемократіи.

жуазии и служившая литературнымъ выраженіемъ борьбы противъ этого господства, проникла въ Германію въ то время, когда тамошняя буржуазія только-что начала свою борьбу противъ феодальнаго абсолютизма.

Нѣмецкіе любомудры, философы и полуфилософы съ жадностью набросились на эту литературу и забыли лишь то, что французскія отношенія не были перенесены въ Германію вмѣстѣ съ французской литературой. При тогдашнемъ общественномъ строѣ Германіи эта французская литература лишилась всякаго непосредственнаго практическаго значенія и приняла характеръ простаго литературнаго теченія. Она по необходимости явилась тамъ празднымъ умозрѣніемъ о сущности человѣка. Такъ для нѣмецкихъ философовъ 19-го вѣка требованія первой французской революціи имѣли смыслъ лишь какъ требованія „практическаго разума“, а проявленія воли революціонной французской буржуазіи представлялись имъ законами „чистой воли“, воли, какъ она должна быть, истинной человѣческой воли.

Все дѣло нѣмецкихъ литераторовъ состояло въ томъ, чтобы согласовать со своей старой философской совѣстью новыя французскія идеи, или вѣрнѣе въ томъ, чтобы усвоить себѣ французскія идеи, оставаясь на своей старой философской точкѣ зрѣнія.

Это усвоеніе совершилось такимъ же путемъ, какимъ происходитъ усвоеніе иностраннаго языка, т. е. посредствомъ перевода.

Извѣстно, что на манускриптахъ, содержащихъ въ себѣ классическія произведенія древняго языческаго міра, монахи записывали нелѣпыя жизнеописанія католическихъ святыхъ. Нѣмецкіе писатели поступили съ французской литературой какъ разъ наоборотъ. Позади французскаго оригинала они вставили свои философскія безсмыслицы. Такъ, напримѣръ, изъ-за французской критики денежнаго хозяйства у нихъ выступало „отчужденіе человѣческой сущности“, позади французской критики буржуазнаго государства красовалось „уничтоженіе господства Абстрактно-Всеобщаго“ и т. д.

Эту подмѣну французской дѣйствительности философскими словоизверженіями они окрестили „Философіей

дѣла“, „Истиннымъ Соціализмомъ“, „Нѣмецкой Наукой Соціализма“, „Философскимъ Обоснованіемъ Соціализма“ и т. д.

Французская социалистическая и коммунистическая литература потеряла, такимъ образомъ, всякое серьезное содержаніе. И такъ какъ, въ рукахъ нѣмцевъ, она перестала выражать борьбу одного класса противъ другого, то нѣмцы и вообразили себя призванными пополнить „французскую односторонность“ и отстаивать вмѣсто истинныхъ потребностей потребность въ истинѣ, вмѣсто интересовъ пролетаріата интересы сущности человѣка, человѣка вообще, не принадлежащаго ни къ какому классу, и существующаго, поэтому, не въ дѣйствительности, а въ туманной области философской фантазіи.

Этотъ нѣмецкій социализмъ, такъ громко и важно кричавшій о своихъ жалкихъ схоластическихъ измышленіяхъ, лишился, однако, мало по малу своей педантической невинности.

Борьба нѣмецкой и особенно прусской буржуазіи противъ феодальнаго и королевскаго абсолютизма, словомъ, либеральное движеніе приняло болѣе значительные размѣры.

„Истинномъ“ социализму представлялся, такимъ образомъ, желанный случай противопоставить политическому движенію социалистическія требованія, расточать традиціонныя проклятія либерализму, представительному правленію, буржуазной конкуренціи, буржуазной свободѣ слова, буржуазному праву, буржуазной свободѣ и равенству, и проповѣдовать народной массѣ, что въ этомъ буржуазномъ движеніи она ничего не можетъ выиграть, но скорѣе рискуетъ все потерять. Нѣмецкій социализмъ весьма кстати забывалъ о томъ, что французская критика, неразумнымъ отголоскомъ которой онъ явился, имѣетъ въ виду современное буржуазное общество съ соотвѣтствующими ему экономическими отношеніями и политической организаціей, т. е. именно тѣ общественныя условія, о завоеваніи которыхъ только еще шла рѣчь въ Германіи.

Нѣмецкимъ абсолютнымъ правительствамъ, со всею ихъ свитою поповъ, школьныхъ учителей, помѣщиковъ,

и бюрократовъ, онъ служилъ очень удобнымъ пугаломъ противъ угрожающе выступавшей буржуазіи.

Онъ представлялъ собою слащавое дополнение къ горькимъ расправамъ посредствомъ плетей и розогъ, которыми эти самыя правительства отвѣчали на возстанія рабочихъ.

Если „истинный“ социализмъ сталъ, такимъ образомъ, въ рукахъ правительства оружіемъ противъ нѣмецкой буржуазіи, то онъ служилъ въ то же время непосредственнымъ выраженіемъ реакціонныхъ интересовъ мелкаго нѣмецкаго мѣщанства. Унаслѣдованный еще отъ XVI столѣтія и съ того времени всегда умѣвшій отстаивать свое существованіе въ той или другой формѣ, классъ мелкаго мѣщанства является истинной общественной основой существующаго въ Германіи порядка вещей.

Сохраненіе этого класса равносильно сохраненію этого порядка. Онъ страшится промышленнаго и политическаго господства буржуазіи потому, что оно несомнѣнно приведетъ его къ гибели, благодаря концентрации капитала съ одной стороны и возникновенію класса революціоннаго пролетаріата — съ другой. „Истинный“ социализмъ былъ, казалось, способенъ однимъ зарядомъ убить обоихъ зайцевъ. И онъ распространялся подобно эндемичъ.

Сотканный изъ умозрительной паутины, убранный цвѣтами краснорѣчиваго мудрствованія и смоченный слезами чувствительнаго умиленія покровъ, въ который нѣмецкіе социалисты закутывали свои двѣ-три окостенѣвшія истины, только содѣйствовалъ распространенію ихъ товара въ подобной публикѣ.

Съ своей стороны, нѣмецкій социализмъ все болѣе сознавалъ свое призваніе быть высокопарнымъ защитникомъ этого мѣщанства.

Онъ провозгласилъ нѣмецкую націю нормальной націей, а нѣмецкаго мѣщанина нормальнымъ человекомъ. Въ каждой мѣщанской низости онъ видѣлъ скрытый, высшій, социалистическій смыслъ, обращавшій ее въ нѣчто ей совершенно противоположное. Послѣдовательный до конца, онъ открыто выступилъ противъ „дикоразрушительнаго“ направленія комму-

низма и объявилъ себя выше борьбы классовъ. За весьма немногими исключеніями всѣ, циркулирующія въ Германіи, такъ называемыя социалистическія и коммунистическія сочиненія принадлежатъ къ области этой грязной, разслабляющей литературы.

2) Консервативный или буржуазный социализмъ

Извѣстная часть буржуазіи желаетъ устранить социальныя бѣдствія, чтобы упрочить существованіе буржуазнаго общества.

Къ ней принадлежатъ экономисты, филантропы, гуманные люди, стремящіеся улучшить положеніе рабочаго класса, организаторы благотворительности, покровители животныхъ, учредители обществъ трезвости, крохотные реформаторы всевозможныхъ сортовъ. Этотъ буржуазный социализмъ создалъ даже цѣлыя системы.

Для примѣра укажемъ на прудоновскую „Philosophie de la Misère“.

Послѣдователи этого буржуазнаго социализма хотятъ сохранить всѣ современные общественныя отношенія, устранить борьбу и опасности, составляющія необходимое ихъ слѣдствіе. Они хотятъ имѣть современное общество безъ революціонныхъ и разрушительныхъ его элементовъ. Они хотятъ буржуазіи безъ пролетаріата. Буржуазіи естественно кажется лучшимъ изъ міровъ тотъ міръ, въ которомъ она господствуетъ. Буржуазный социализмъ возводитъ это радужное представленіе въ болѣе или менѣе полную систему. Предлагая пролетаріату осуществить его системы и вступить, такимъ образомъ, въ новый Иерусалимъ, этотъ социализмъ въ сущности требуетъ только, чтобы рабочій продолжалъ жить въ буржуазномъ обществѣ, но пересталъ его ненавидѣть.

Другая, менѣе систематическая и болѣе практическая форма этого социализма старается отвлечь рабочихъ отъ всякаго революціоннаго движенія, утверждая, что не тѣ или другія политическія измѣненія, но лишь преобразованіе матеріальныхъ условій жизни, экономическихъ отношеній можетъ принести пользу рабочему классу. Но подъ преобразованіемъ матеріальныхъ усло-

вій жизни этотъ социализмъ понимаетъ далеко не уничтоженіе буржуазныхъ условий производства, возможное только путемъ революціи. Онъ имѣетъ въ виду административныя улучшения, совершающіяся на почвѣ этой же самой организаціи производства, слѣдовательно, ничего не измѣняющія въ отношеніяхъ капитала къ наемному труду, и, въ крайнемъ случаѣ, только уменьшающія для буржуазіи издержки ея господства и упрощающія государственное хозяйство.

Наиболѣе подходящее для себя выраженіе буржуазный социализмъ находитъ лишь тогда, когда превращается въ простую риторическую фигуру.

Свободная торговля въ интересахъ рабочаго класса! Покровительственный тарифъ въ интересахъ рабочаго класса! Одинокое тюремное заключеніе въ интересахъ рабочаго класса! Это — послѣднее, единственное неліцемерно произнесенное, слово буржуазнаго социализма.

Весь буржуазный социализмъ заключается въ повтореніи того, что буржуа сдѣлались буржуа единственно въ интересахъ рабочаго класса.

3) Критически-утопическій социализмъ и коммунизмъ.

Мы не говоримъ здѣсь о литературѣ, которая во всѣхъ большихъ революціяхъ новѣйшаго времени выражала требованія пролетаріата (сочиненія Бабѣфа и т. д.).

Первыя попытки пролетаріата доставить непосредственное торжество своимъ интересамъ, имѣвшія мѣсто во время всеобщаго возбужденія умовъ, въ періодъ низверженія феодальнаго строя, необходимо должны были разбиты вслѣдствіе неразвитаго состоянія самого пролетаріата и недостатка матеріальныхъ условий его освобожденія: условия эти сами являются продуктомъ лишь буржуазной эпохи. Революціонная литература, сопутствовавшая этимъ первымъ движеніямъ пролетаріата, по своему содержанію необходимо являлась реакціонной. Она проповѣдывала всеобщій аскетизмъ и установленіе первобытнаго равенства.

Собственно социалистическія и коммунистическія системы, системы Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна и т. д. по-

явились въ первый, неразвитый періодъ борьбы между пролетаріатомъ и буржуазіей, о которомъ мы говорили выше (см. главу: Буржуазія и Пролетаріатъ).

Творцы этихъ системъ видѣли уже антагонизмъ классовъ, равно какъ и вліяніе разрушительныхъ элементовъ внутри самого господствующаго общества. Но они не видѣли въ пролетаріатѣ никакой исторической самостоятельности, никакого, свойственнаго ему политическаго движенія.

Такъ какъ развитіе антагонизма классовъ идетъ рука объ руку съ развитіемъ промышленности, то въ свое время они не могли еще найти матеріальныхъ условий освобожденія пролетаріата. Они старались пополнить этотъ недостатокъ открытіемъ социальныхъ законовъ, созданіемъ новой социальной науки.

Мѣсто общественной самостоятельности должна была заступить ихъ личная творческая дѣятельность, мѣсто историческихъ условий освобожденія должны были занять условия фантастическія, мѣсто постепенно подвигающейся впередъ классовой организаціи пролетаріата — общественная организація ихъ собственного изобрѣтенія. Дальнѣйшая исторія всего міра сводилась для нихъ къ пропагандѣ и практическому осуществленію ихъ реформаторскихъ плановъ.

При этомъ они понимали, правда, что со своими планами они являются выразителями интересовъ, главнымъ образомъ, рабочаго класса, какъ болѣе другихъ страдающаго. Но только въ этомъ качествѣ болѣе другихъ страдающаго класса и существовалъ для нихъ пролетаріатъ.

Неразвита форма борьбы классовъ, равно какъ и собственное ихъ общественное положеніе приводили къ тому, что они считали себя стоящими выше всякаго антагонизма классовъ. Они хотѣли улучшить положеніе всѣхъ членовъ общества, не исключая самыхъ высокопоставленныхъ. Поэтому они обращались всегда безразлично ко всему обществу и даже преимущественно къ господствующему классу. Имъ казалось, что достаточно было понять ихъ системы, чтобы немедленно признать ихъ наилучшими планами наилучшаго общественного устройства.

Они отказывались, поэтому, отъ всякой политической, и особенно отъ всякой революціонной дѣятельности; они стремились достигнуть своей цѣли мирнымъ путемъ, и посредствомъ маленькихъ, естественно неудавшихся экспериментовъ, они хотѣли силою примѣра проложить путь новому общественному евангелію.

Фантастическія описанія будущаго общества явились на свѣтъ въ то время когда пролетаріатъ находился еще въ очень неразвитомъ состояніи, и представлялъ себѣ свое положеніе еще совершенно фантастически. Они соотвѣтствуютъ его первому, полному предчувствію порыву къ совершенному переустройству общества.

Но въ этихъ социалистическихъ и коммунистическихъ произведеніяхъ заключаются также и критическіе элементы. Они затрогиваютъ всѣ основанія существующаго общества. Въ этомъ отношеніи они доставили драгоценный матеріалъ для просвѣщенія рабочихъ. Положительная сторона ихъ ученій о будущемъ обществѣ, на примѣръ уничтоженіе противоположности между городомъ и деревней, уничтоженіе семьи, частной собственности, наемнаго труда, провозглашеніе общественной гармоніи, превращеніе государства въ простое управленіе производствомъ, — всѣ эти положенія выражаютъ лишь необходимость устраненія того антагонизма классовъ, который только-что начиналъ тогда развиваться и былъ имъ извѣстенъ лишь въ своемъ первичномъ неопредѣленномъ видѣ. Потому и положенія эти имѣютъ еще совершенно утопическій характеръ.

Значеніе критически-утопическаго социализма и коммунизма стоитъ въ обратномъ отношеніи къ историческому развитію. Въ той же самой степени, въ какой развивается и принимаетъ болѣе опредѣленный характеръ борьба классовъ, лишается всякаго практическаго смысла и всякаго теоретическаго оправданія это фантастическое стремленіе возвыситься надъ нею, это фантастически-отрицательное къ ней отношеніе. Поэтому, если основатели этихъ системъ были во многихъ отношеніяхъ революціонерами, то ученики ихъ представляютъ собою совершенно реакціонныя секты. Они неизмѣнно держатся образа мыслей своихъ учителей, игнорируя весь дальнѣйшій ходъ развитія пролетаріата.

Вслѣдствіе этого они стараются смягчить борьбу классовъ и устранить ихъ антагонизмъ. До сихъ поръ еще пытаются они осуществить свои утопіи путемъ учрежденія отдѣльныхъ фаланстеровъ, заведенія коммунистическихъ колоній, маленькихъ Икарій — этого карманнаго изданія новаго Іерусалима. Для постройки всѣхъ этихъ воздушныхъ замковъ они вынуждены взывать къ человѣколюбію буржуазныхъ сердецъ и кошельковъ. Мало по малу они переходятъ въ категорію описанныхъ выше реакціонныхъ и консервативныхъ социалистовъ, отличаясь отъ нихъ только болѣе систематическимъ педантизмомъ и фанатическою вѣрою въ чудесное свойство своей социальной науки.

Вотъ почему съ такимъ ожесточеніемъ выступаютъ они противъ всякаго политическаго движенія рабочихъ, вызываемаго, по ихъ мнѣнію, лишь слѣпымъ невѣріемъ въ новое евангеліе.

Оуэністы выступаютъ противъ чартистовъ въ Англии, фурьеристы — противъ избирательной реформы во Франціи.

IV.

Отношеніе коммунистовъ къ различнымъ оппозиціоннымъ партіямъ.

Послѣ того, что было сказано во второй главѣ, отношеніе коммунистовъ къ различнымъ, уже существующимъ рабочимъ партіямъ понятно само собою, а слѣдовательно понятно и отношеніе ихъ къ чартистамъ въ Англии и сторонникамъ аграрной реформы въ Сѣверной Америкѣ.

Они борются во имя ближайшихъ цѣлей и интересовъ рабочаго класса, но въ тоже время они отстаиваютъ и будущность движенія. Во Франціи коммунисты примыкаютъ къ социально-демократической партіи*) противъ консервативной и радикальной буржуазіи, при

*) Партія, которая называла себя социально-демократической въ тогдашней Франціи, была въ политикѣ представлена Ледрю-Ролланомъ, а въ литературѣ Луи-Бланомъ и, слѣдовательно, была, какъ небо отъ земли далека отъ нынѣшней нѣмецкой социаль-демократіи.

этомъ не отказываясь, однако, отъ права критически относиться къ усвоеннымъ по традиціи революціоннымъ фразамъ и плюзиямъ.

Въ Швейцаріи они поддерживаютъ радикаловъ, помни, въ тоже время, что эта партія состоитъ изъ противоположныхъ элементовъ: частью изъ социаль-демократовъ во французскомъ смыслѣ, частью изъ радикальныхъ буржуа.

Въ Польшѣ коммунисты поддерживаютъ партію, ставящую аграрную революцію необходимымъ условіемъ національнаго освобожденія, ту самую партію, которая вызвала краковское возстаніе 1846 года.

Въ Германіи коммунистическая партія идетъ рядомъ съ буржуазіей, поскольку эта послѣдняя является революціонной въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной поземельной собственности и мелкаго мѣщанства.

Но ни на минуту не перестаетъ она вырабатывать въ умахъ рабочихъ возможно болѣе ясное сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Она хочетъ, чтобы общественныя и политическія условія, которыя принесетъ съ собою господство буржуазіи, могли послужить нѣмецкимъ рабочимъ оружіемъ противъ той же буржуазіи, чтобы борьба противъ нея началась тотчасъ же послѣ паденія реакціонныхъ классовъ въ Германіи.

На Германію коммунисты обращаютъ главное свое вниманіе, потому что она находится наканунѣ буржуазной революціи: этотъ переворотъ совершится въ ней при гораздо далѣе подвинувшихся впередъ условіяхъ европейской цивилизаціи вообще и застанетъ пролетаріатъ въ гораздо болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ былъ онъ въ Англіи XVII и во Франціи XVIII столѣтія. Нѣмецкая буржуазная революція можетъ послужить, такимъ образомъ, лишь непосредственнымъ прологомъ рабочей революціи.

Словомъ, коммунисты поддерживаютъ повсюду всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній.

Въ каждомъ изъ этихъ движеній они выдвигаютъ на первый планъ вопросъ о собственности, какъ основной

вопросъ всего движенія, не смотря на то, что онъ не вездѣ является въ одинаково развитой формѣ.

Наконецъ, коммунисты повсюду стремятся къ соединенію и соглашенію демократическихъ партій всѣхъ странъ.

Коммунисты считаютъ позорнымъ скрывать свои воззрѣнія и стремленія. Они открыто объявляютъ, что ихъ цѣли могутъ быть достигнуты лишь посредствомъ насильственнаго ниспроверженія всего современнаго общественнаго строя. Пусть господствующіе классы содрогнутся передъ коммунистической революціей. Пролетаріи ничего не могутъ въ ней потерять, кромѣ своихъ цѣпей. Приобрѣтутъ же они цѣлый міръ.

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I.

Рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и воспользоваться ею для своих собственных целей. Централизованная государственная власть, с ее ведущими органами — постоянной армией, полицией, бюрократией, духовенством, судебным сословием, этими органами, приспособленными к иерархической и систематической работе — получила начало во времена абсолютной монархии, когда она служила нарождающему буржуазному обществу могучим оружием в борьбе его против феодализма. Развитие ее замедлялось, однако, всевозможным средневековым хламом, в виде исключительных прав дворянства и землевладельцев, местных привилегий, городских и цеховых монополий и различных особенностей провинциального устройства. Исполнительная метла французской революции восемнадцатого столетия вывела все эти остатки прошлого и очистила, таким образом, общественную почву от последних препятствий, мешавших окончанию современного государственного здания. Постройку этого здания закончила первая империя, которая, в свою очередь, была вызвана к жизни коалиционными войнами старой, полуфеодальной Европы против обновленной Франции. При последних правительственных формах государственная власть была поставлена под парламентский контроль, т. е. под непосредственный контроль имущих классов. С одной стороны, она превратилась тогда в теппицу, в которой росли колоссальные государственные долги и разорительные налоги, и сдвигалась ябоком раздора для различных авантюристов и фракций господствующих классов, споривших между собою из-за доходных мест, чинов и должностей. С другой стороны, политический характер ее изменялся одновременно с изменениями в экономическом строе общества. В той же самой степени, в какой прогресс современной промышленности развивал, расширял и углублял противоположность между трудом и капиталом, в той же степени государственная власть принимала характер общественной силы, направленной на угнетение труда, дблалась орудием классового господства. После каждой из тех революций, которыми ознаменовалось развитие борьбы классов, угнетающий характер государственной власти дблался больше и больше очевидным. Революция 1830 г. перенесла центр тяжести правительственной власти от землевладельцев к капиталистам, т. е. от более отдаленных врагов рабочих к их непосредственным врагам. Буржуазные республиканцы, захватившие власть во имя февральской революции, восполь-

зовались ею для июньской бойни, чтобы доказать рабочему классу, что „социальная“ республика означает лишь социальное угнетение его республикой. Монархически-настроенной массе буржуазии и землевладельцев эти республиканцы доказали в то же время, что она спокойно может предоставить им правительственные заботы и доходные места. После этого единственного героического их подвига буржуазным республиканцам оставалось лишь отступить из первых в последние ряды „партии порядка“, этой коалиции, образовавшейся из различных, соперничающих между собою фракций и фракций эксплуатирующего класса, открыто выступившего теперь против класса производителей. Самой подходящей для их совместного правления формой была парламентская республика с Луи Бонапартом в качестве президента, — правительство открытого классового терроризма и умыленных оскорблений „подлой черни“ (vile multitude). Если парламентская республика — как сказал Тьерь — наименее разделяла различные фракции господствующего класса, то она вырвала целую пропасть между этим классом и всеми остальным обществом, которое стояло вне его рядов. Ограничения, которые налагались прежде на государственную власть несогласиями различных фракций, пали теперь сами собою. В виду занятого пролетариатом угрожающего положения господствующий класс дерзко и беззащитно пользовался теперь государственной властью, как на национальном оружьем капитала против труда. Но этот непрерывный крестовый поход против производительной части общества вынуждал его предоставлять исполнительной власти все большую и большую силу угнетения; он заставлял его также лишить всех средств обороны против исполнительной власти собственную свою парламентскую крпность — Национальное Собрание. Исполнительная власть, в лице Луи Бонапарта, разогнала это Собрание. Вторая империя была родным дбгнем республики „партии порядка“.

Империя, с государственным переворотом в качестве свидетельства о рождении и всеобщим голосованием, в качестве законного его удостоверения, с саблей в качестве скипетра, удерживала, что опирается на крестьян, эту огромную массу производителей, не принимавшую непосредственного участия в борьбе между трудом и капиталом.

Она удерживала, что спасает рабочий класс, уничтожала парламентаризм, а вместе с ним и открытое подчинение правительства имущим классам. Она удерживала, что спасает имущие классы, поддерживала их экономическое господство над рабочими; наконец, империя удерживала, что примиряет все классы общества, оживляла обмачивный призраки национальной славы. В действительности она была единственно возможной формой правительства в то время, когда буржуазия уже утратила способность господствовать надо всей нацией, а рабочий класс еще не приобрел этой способности. Весь мир провозгласил ее спасительницей общества. Во время ее господства буржуазное общество, избалованное от всяких политических забот, достигло неожиданного для него самого развития. Его торговля и промышленность возросли в неслыханной степени; финансовая спекуляция беспрестанно предавалась своим космополи-

тическим оргиям; нищета резко выделялась рядом с блестящей, пресыщенной и безстыдной роскошью. Государственная власть, по-видимому, высоко стоявшая над обществом, в сущности сама была скандальнейшим из всех скандалов этого общества, источником его заразы. Ея собственное разложение и разложение „снсеннаго“ ею общества было, наконец, разоблачено штыками Пруссии, которая сама горела желанием перенести центр тяжести этого режима из Парижа в Берлин. Империализм есть самый развращенный и в то же время последний вид той государственной власти, которую вызвало к жизни нарождающееся буржуазное общество, как оружие своего освобождения от гнета феодализма, и которую окончательно сложившееся буржуазное общество обратило в орудие угнетения труда капиталом.

Прямую противоположность империи была Коммуна. Крик: „Да здравствует социальная республика!“, с которым парижский пролетариат совершил февральскую революцию, выражал собою лишь неопределенное стремление к такой республике, которая не только устранила бы монархическую форму классового господства, но положила бы конец всякому господству классов. Коммуна была определеннейшей формой такой республики.

Париж, средоточие и место пребывания старой правительственной власти и в то же время общественный центр тяжести французского рабочего класса, Париж с оружием в руках возстал против попытки Тьера и его клыки возстановить и увековечить старую, завещанную империей форму государственной власти. Париж мог сопротивляться только потому, что, вследствие осады, армия была распушена и место ее заняла национальная гвардия, состоявшая преимущественно из рабочих. Это временное обстоятельство нужно было теперь обратить в постоянное учреждение. Первый декрет Коммуны предписывал уничтожение постоянной армии и замену ее вооруженным народом.

Коммуна образовалась из муниципальных советников, выбранных всеобщей подачею голосов во всех округах Парижа. Они были ответственными и смѣняемыми. Большинство их состояло, разумеется, из рабочих или из известных сторонников рабочего класса. Коммуна должна была представить собою не только парламентскую, но и трудящуюся корпорацию, исполнительную и законодательную в одно и то же время. Полиция, бывшая до тех пор орудием государственной власти, немедленно лишена была всех своих политических функций и превратилась в ответственное и смѣняемое орудие Коммуны. Так же поступила Коммуна с чиновниками всех других отраслей управления. Все, начиная с членов самой Коммуны, должны были исполнять общественную службу за обыкновенную рабочую плату. Вместе с высшими сановниками исчезли и их огромные оклады. Общественные должности перестали быть привилегией лакеев центрального правительства. Не только городское управление, но и все до тех пор исполнявшаяся государством функции переданы были в руки Коммуны.

Уничтоживши постоянную армию и полицию, эти орудия материальной власти старого правительства, Коммуна немедленно пошла далее и разбила духовное орудие угнетения, силу попов. Она де-

кретировала распушение и экспроприацию всех церковных корпораций, по сколько они являлись обладающими собственностью юридическими лицами. Попы должны были вернуться к скромной частной жизни и, по примеру своих предшественников-апостолов, питаться подаваемым вѣрующим. Все учебные заведения были бесплатно открыты народу и избавлены от вмешательства церкви и государства. Благодаря этому, не только школьное образование сделалось доступным для каждого, но и сама наука освобождена была от цѣпей, наложенных на нее классовыми предрассудками и правительственной властью.

Судебное сословие лишилось своей мнимой независимости, которая только прикрывала собою его подчинение всем, следовавшим одно за другим, правительствам, которым оно попеременно то присягало в вѣрности, то измѣняло. Как и все остальные слуги общества, судьи сделаны были выборными, ответственными и смѣняемыми.

Парижская Коммуна, естественно, должна была служить образцом для всех промышленных центров Франции. Как только коммунальное устройство введено было бы в Париж и во второстепенных центрах, старый централистический строй и в провинциях уступил бы место самоуправлению производителей. В кратком очерке предполагавшейся национальной организации, который Коммуна не имела времени разработать подробно, прямо говорится, что Коммуна должна быть политической формой каждой, даже самой незначительной деревни, и что постоянное войско должно быть заменено в деревнях народной милицией с самым коротким сроком службы. Деревенские общины каждого округа должны были поручить заведывание общими всеми делами собранію уполномоченных в главном городе округа; это окружное собрание, в свою очередь, должно было посылать уполномоченных в Национальное Собрание Делегатов в Париж. Уполномоченные должны были получать строго определенных инструкций от своих избирателей и могли быть отозваны ими в каждую данную минуту. Не многие, но важные функции, которые должны были остаться тогда во вѣдѣнии центрального правительства, не были бы уничтожены — как это заведомо ложно утверждали враги Коммуны — но были бы переданы коммунальным должностным лицам. Единство нации не было бы нарушено; напротив, оно было бы организовано, благодаря коммунальному устройству; оно стало бы, наконец, действительностью, благодаря уничтожению той государственной власти, выдававшей себя за воплощение этого единства, которая хотѣла стоять выше нации и вне всякой зависимости от нее, хотя в сущности представляла собою лишь паразитный нарост на национальном тѣлѣ. Между тем как органы, которые служили старой государственной власти лишь для угнетения, были бы уничтожены, ее полезные функции были бы отняты у нее, как у силы, желавшей стать выше общества, и переданы ответственными слугам этого общества. Вместо того, чтобы один раз в период от трех до шести лѣтъ рѣшать, какой из членов господствующего класса должен представлять и угнетать народ в парламентѣ, всеобщее голосование должно было служить организованному в ком-

муны народу для того же, для чего служить каждому работодателю его право выбора: назначать работников, надсмотрщиков и бухгалтеров для ведения своего дѣла. И давно уже доказано, что пѣля общества также хорошо, какъ и отдѣльная личность, умѣютъ находить необходимыхъ для ихъ дѣла людей. Если же они иногда и ошибаются, то скоро умѣютъ поправить свою ошибку. Съ другой стороны, ничто не могло быть болѣе чуждымъ духу Коммуны, какъ стремление замѣнить всеобщее голосованіе іерархическими учрежденіями.

Всякое новое историческое явленіе принимаютъ, обыкновенно, за простую копию со старыхъ или даже отжившихъ формъ обществѣ, которая оно до известной степени напоминаетъ собою. Такимъ образомъ, на новую Коммуну, которая являлась отрицаніемъ современной государственной власти, смотрѣли какъ на попытку возстановить средневѣковыя коммуны, которыя предшествовали развитію этой власти и легли потомъ въ ея основу. На коммунальное устройство смотрѣли какъ на стремленіе замѣнить союзомъ маленькихъ государствъ — о которомъ мечтали Монтескье и жирондисты — то единство великихъ народовъ, которое возникло, правда, путемъ насилія, но теперь сдѣлалось могущественнымъ факторомъ общественнаго производства. На противоположность между Коммуной и государственной властью смотрѣли, какъ на отжившую форму старой борьбы противъ крайней централизаціи.

Но мы видимъ, что въ другихъ странахъ известнымъ образомъ сложившіяся историческія отношенія помѣшали тому классическому развитію буржуазной формы государственнаго строя, которое имѣло мѣсто во Франціи. Они способствовали тому, что болѣе центральные государственные органы дополняются, какъ это мы видимъ въ Англіи, развращенными приходскими собраніями, барышняющими муниципальными совѣтами, свирѣпыми попечительствами о бѣдныхъ въ городахъ, и наследственными, въ сущности, мировыми судьями, въ деревняхъ. Коммуна была одинаково далека и отъ стараго строя. Въ противоположность ему, она вернула бы общественному организму всѣ тѣ силы, которая поглощала до сихъ поръ паразитный наростъ „Государство“, питающійся на счетъ общества и мѣшающій его свободному развитію. Однимъ этимъ она выдвинула бы Францію на путь возрожденія.

Средній классъ провинціальныхъ городовъ видѣлъ въ Коммунѣ попытку возстановленія того господства его надъ деревней, которымъ онъ пользовался при Луи-Филиппѣ, и которое, при Луи Бонапартѣ, уступило мѣсто кающемуся господству деревни надъ городомъ. Въ дѣйствительности же коммунальное устройство поставило бы деревенскихъ производителей подъ духовное руководство окружныхъ городовъ, и дало бы имъ тамъ, въ лицѣ городскихъ рабочихъ, естественныхъ представителей ихъ интересовъ. Самый фактъ существованія Коммуны обусловилъ бы — какъ нѣчто само собою понятное — мѣстное самоуправленіе, но уже не въ качествѣ противовѣса государственной власти, которая стала бы излишней. Только какому-нибудь Бисмарку могла придти мысль приписать Парижской Коммунѣ намѣреніе перенести во Францію прусское городское устройство, представляющее собою каррикатуру стараго французскаго

городского устройства 1791 г. и низводившее городское управленіе до степени ничтожнаго колеса въ прусской государственной машинѣ. Уничтоживши два величайшихъ источника расходовъ, армію и чиновничество, Коммуна осуществила бы, наконецъ, лозунгъ всѣхъ буржуазныхъ революцій, „дешевое правительство“. Одинъ фактъ ея существованія предполагалъ уже несуществованіе монархіи, которая, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, служитъ обычнымъ балластомъ и прикрытіемъ классового господства. Она строила республику на основѣ истинно-демократическихъ учреждений. Но ни „дешевое правительство“, ни „истинная республика“ не были ея конечною цѣлью; и первое, и вторая являлись мимоходомъ и сами собой.

Разнообразіе толковъ, которые вызвала Коммуна, и разнообразіе интересовъ, которые нашли въ ней свое выраженіе, доказываютъ, что она была чрезвычайно растяжимой политической формой. Всѣ предшествующія политическія формы были угнетающими по своему существу. Истинное значеніе Коммуны заключается въ томъ, что она была *правительствомъ рабочаго класса*, результатомъ борьбы между эксплуатирующимъ и производящимъ классами, найденною, наконецъ, политической формой, при которой можетъ совершиться экономическое освобожденіе труда.

Внѣ этого послѣдняго условія Коммуна была бы невозможностью и обманомъ. Политическое господство производителя не можетъ существовать рядомъ съ увѣковѣченіемъ его социальнаго порабощенія. Коммуна должна была служить рычагомъ для низверженія того экономического основанія, на которомъ держатся классы и классовое господство. Когда совершится освобожденіе труда, каждый человѣкъ сдѣлается работникомъ, и производительный трудъ не будетъ уже классовою особенностью.

II.

УСТАВЪ МЕЖДУНАРОДНАГО ТОВАРИЩЕСТВА РАБОЧИХЪ.

Принимая во вниманіе:

Что освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ; что, борясь за свое освобожденіе, рабочіе должны стремиться не къ созданію новыхъ привилегій, но къ установленію равныхъ для всѣхъ правъ и обязанностей и къ уничтоженію всякаго классового господства;

что экономическое подчиненіе рабочаго обладателю средствъ производства является источникомъ рабства, во всѣхъ его видахъ: нищеты, умственного отупленія и политической зависимости;

что, поэтому, экономическое освобожденіе рабочаго класса есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе должно быть подчинено, какъ средство*);

что всѣ стремленія рабочихъ къ достиженію этой цѣли оставались до сихъ поръ безуспѣшными вслѣдствіе недостатка единодушія между рабочими различныхъ отраслей труда въ каждой странѣ, и отсутствія братскаго союза между рабочими различныхъ странъ;

что освобожденіе рабочихъ является не мѣстной только или національной задачей, но напротивъ, затрагиваетъ интересы всѣхъ цивилизованныхъ націй и можетъ быть достигнуто только ихъ теоретическимъ и практическимъ содѣйствіемъ другъ другу;

что движеніе, которое возобновляется теперь въ наиболѣе промышленныхъ странахъ Европы, вызывая новыя надежды, даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное предостереженіе противъ старыхъ ошибокъ и заставляетъ стремиться къ объединенію всѣхъ, пока еще разрозненныхъ, силъ.

Въ виду вышесказаннаго основывается Международное Товарищество Рабочихъ. Оно объявляетъ:

что всѣ примыкающія къ нему общества и отдѣльныя личности принимаютъ *истину, справедливость и нравственность* за основу своихъ отношеній ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ расы, религіи или національности; *не должно быть обязанностей безъ правъ, правъ безъ обязанностей.*

Въ этомъ духѣ выработаны слѣдующій ниже Уставъ.

Ст. 1. Товарищество основано для того, чтобы создать центральный пунктъ объединенія и совѣстнаго дѣйствія рабочихъ обществъ, существующихъ въ различныхъ странахъ и стремящихся къ одной цѣли, именно: ко взаимной поддержкѣ, развитію и полному освобожденію рабочаго класса.

*) Впослѣдствіи, на лозанскомъ конгрессѣ 1867 г., была принята формулировка нѣсколько отличная отъ приведенной въ текстѣ: было рѣшено, что „соціальное освобожденіе рабочаго класса немислимо безъ политическаго его освобожденія“. Прим. перев.

Ст. 2. Это товарищество называется Международнымъ Товариществомъ Рабочихъ.

Ст. 3. Ежегодно собирается общій рабочій Конгрессъ, состоящій изъ уполномоченныхъ отъ различныхъ вѣтвей Товарищества. Конгрессъ формулируетъ общія стремленія рабочаго класса, издаетъ постановленія, необходимыя для успѣшной дѣятельности Товарищества, и выбираетъ членовъ Главнаго Совѣта Товарищества.

Ст. 4. Каждый Конгрессъ назначаетъ время и мѣсто созванія слѣдующаго Конгресса. Къ опредѣленному имъ сроку уполномоченные собираются въ назначенномъ мѣстѣ, не дожидаясь специальныхъ приглашеній. Въ случаѣ надобности Главный Совѣтъ можетъ перемѣнить мѣсто созванія Конгресса. Конгрессъ опредѣляетъ ежегодно мѣсто пребыванія Главнаго Совѣта и выбираетъ его членовъ. Избранный, такимъ образомъ, Главный Совѣтъ имѣетъ право принимать въ свою среду новыхъ членовъ. На каждомъ ежегодномъ Конгрессѣ Главный Совѣтъ представляетъ гласный отчетъ о работахъ своихъ за истекшій годъ. Въ случаѣ крайней нужды онъ можетъ созвать Конгрессъ ранѣе обыкновеннаго годового срока.

Ст. 5. Главный Совѣтъ образуется изъ рабочихъ различныхъ національностей, имѣющихъ въ Товариществѣ своихъ представителей. Онъ выбираетъ изъ своей среды членовъ необходимаго для веденія дѣлъ бюро: казначея, главнаго секретаря, особыхъ секретарей для различныхъ странъ и т. д.

Ст. 6. Главный Совѣтъ долженъ дѣйствовать въ качествѣ агента для сношеній между различными национальными или мѣстными вѣтвями Товарищества, такъ чтобы рабочіе каждой страны всегда имѣли свѣдѣнія о движеніи ихъ класса въ другихъ странахъ; чтобы одновременно и по общему плану можно было предпринять изслѣдованіе соціальнаго положенія различныхъ странъ Европы; чтобы вопросы, возбужденные одной изъ вѣтвей Товарищества, по имѣющему общій интересъ, могли обсуждаться всѣми прочими его вѣтвями; и чтобы въ томъ случаѣ, когда со стороны Товарищества потребуются то или другое практическое дѣйствіе, — напр., при международныхъ столкновеніяхъ, — всѣ, примыкающія къ нему общества могли дѣйствовать одновременно и цѣлесообразно. Главный Совѣтъ можетъ, когда найдетъ это нужнымъ, обращаться съ различными предложеніями къ мѣстнымъ или національнымъ рабочимъ обществамъ. Для облегченія своихъ сношеній съ различными вѣтвями Товарищества Главный Совѣтъ будетъ печатать періодическіе отчеты.

Ст. 7. Такъ какъ успѣхъ движенія рабочихъ каждой страны можетъ быть обеспеченъ только ихъ союзомъ и единодушіемъ; такъ какъ, съ другой стороны, дѣятельность Главнаго Совѣта существенно облегчится въ томъ случаѣ, когда онъ войдетъ въ сношенія лишь съ немногими национальными центрами, а не съ многочисленными и разрозненными мѣстными обществами, то члены Международнаго Товарищества Рабочихъ всѣми силами должны стремиться — каждый въ своей странѣ — къ объединенію существующихъ въ ней рабочихъ обществъ въ одинъ національный союзъ съ центральнымъ органомъ управленія. Само собою разумѣется, что исполненіе этой Статьи Устава зависитъ отъ законовъ данной страны, и что каждое

мѣстное общество можетъ входить въ непосредственныя сношенія съ Главнымъ Совѣтомъ, если къ этому нѣтъ препятствій со стороны закона.

Ст. 8. Каждая секція имѣетъ право, для сношеній своихъ съ Главнымъ Совѣтомъ, назначать особаго секретаря.

Ст. 9. Каждый, раздѣляющій и отстаивающій принципы Международнаго Товарищества Рабочихъ, можетъ сдѣлаться его членомъ. Но каждая вѣтвь Товарищества ответственна за принятаго ею члена.

Ст. 10. При переселеніи изъ одной страны въ другую, каждый членъ Международнаго Товарищества встрѣтитъ братскую поддержку со стороны мѣстныхъ членовъ Товарищества.

Ст. 11. Примыкающія къ Международному Товариществу рабочія общества, хотя и связываются другъ съ другомъ братскими узлами взаимной поддержки, удерживаютъ тѣмъ не менѣе свойственныя имъ виды организаціи.

Ст. 12. Настоящій уставъ можетъ быть измѣненъ каждымъ Конгрессомъ, если на это согласятся двѣ трети присутствующихъ на немъ уполномоченныхъ.

Ст. 13. Все, не предусмотрѣнное Уставомъ, будетъ пополняться особыми правилами, подлежащими контролю каждаго Конгресса.

ИЗДАНІЯ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ

Работникъ, неперіодическій сборникъ, № 1. (Разошлось) . . .	—
Листонъ „Работника“. № 1, 5, 6, 7 и 8 по	—20
№ 3-4 фр. 3.	4.—
№ 2 15 с., № 3-4	—30
Г. Плехановъ. Русскій рабочий въ революціонномъ движеніи.	1.50
Г. Плехановъ. Всероссийское разореніе. (Разошлось)	—
Д. Кольцовъ. Царское правительство и рабочіе. (Разошлось)	—
Докладъ русскихъ социальдемократовъ на международный рабочій конгрессъ въ Лондонѣ въ 1896 г.	—50
Объ агитаціи, съ послѣсловіемъ П. Аксельрода. (Разошлось)	—
Ф. Лассаль. О сущности конституціи	—50
Г. Плехановъ. Новый походъ противъ русской соц.-демократіи	—50
Д. Кольцовъ. Три закона	—50
Д. Кольцовъ. Законъ 2-го іюня	—50
Матеріалы для характеристики положенія русской печати.	—
Вып. I и II. по	2.—
Что нужно знать и помнить каждому рабочему	—50
Десятилѣтіе морозовской стачки	—50
Рабочій день	—50
Мартовская революція въ Германіи	—25
П. Аксельродъ. Къ вопросу о существенныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ	—40
Современная Россія. (Разошлось)	—
Тайные документы о законѣ 2-го іюня 1897 г.	—60
П. Аксельродъ. Историческое положеніе и взаимное отноше- ніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи	—40
Задачи русскихъ соц.-демократовъ, съ пред. П. Аксельрода.	—40
Г. Плехановъ. В. Г. Вѣлискій	—40
Новый фабричный законъ	—40
П. Аксельродъ. Письмо въ ред. „Рабочаго Дѣла“	—30
Г. Плехановъ. Vademecum для для ред. „Рабочаго Дѣла“	1.—
Красное знамя. Очеркъ исторіи русскаго рабоч. движенія, съ предисловіемъ П. Аксельрода	1.—

Из фондов Российской Н. П. Ш. 1917 г.

23 (соединение) } М
Чемпи

Готовится къ печати:

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Еще разъ Соціализмъ и Политическая Борьба.

Г. ПЛЕХАНОВЪ. Критика нашихъ критиковъ.

PRIX: 1 FR. 50

Складъ изданій при типографіи: Genève, Chemin Tramways, № 7